

63.3(2)1

В 85

КР 1345883

Материалы XIII Всероссийского
научно-практического совещания
по вопросам изучения и издания
писцовых книг и других
историко-географических источников
по истории России XVI–XIX вв.

Вологда
«Русь»
2003

**Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания
по вопросам изучения и издания писцовых книг
и других историко-географических источников
по истории России XVI–XIX вв.**

*Вологда, 3–4 октября 2002 г.
Научные чтения, посвященные памяти
Петра Андреевича Колесникова
(к 95-летию со дня рождения)*

Редподготовка – Л. И. Безнина, Т. И. Ковалева, Ю. С. Кудряцева

ИД № 05241 от 02 июля 2001 г. Подписано к печати 18. 11. 2003 г. Формат 60x84/16
Бумага писчая. Уч.-изд. л. 14,8. Усл. печ. л. 13,2. Тираж 100 экз.

Цена руб. коп.

160035 г. Вологда; С. Орлова, 6. ВГПУ, издательство «Русь»
Отпечатано в литографии Северного лесостроительного предприятия
160014, г. Вологда, ул. Некрасова, 51.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОБЛЕМНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА
СЕВЕРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН

**Материалы XIII Всероссийского
научно-практического совещания
по вопросам изучения и издания писцовых книг
и других историко-географических источников
по истории России XVI–XIX вв.**

*Вологда, 3–4 октября 2002 г.
Научные чтения, посвященные памяти
Петра Андреевича Колесникова
(к 95-летию со дня рождения)*

ВОЛОГДА
«РУСЬ»
2003

Редколлегия: докт. ист. наук М. С. Черкасова (отв. ред.),
докт. ист. наук А. В. Камкин,
канд. ист. наук И. В. Пугач (зам. отв. ред.),
докт. ист. наук Е. Н. Швейковская

В сборнике представлены доклады и сообщения секции «Проблемы изучения и издания писцовых книг и других массовых источников по истории России XVI–XIX вв.», работавшей в рамках научных чтений, посвященных 95-летию со дня рождения П. А. Колесникова. Чтения состоялись в Вологодском государственном педагогическом университете 3–4 октября 2003 г. Статьи посвящены разнообразным источниковедческим проблемам, регулярно обсуждаемым на Всероссийских научно-практических совещаниях по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников.

**Участники XIII Всероссийского совещания
по писцовым книгам
3–4 октября 2002 г.**

Сидят (слева направо):

М. С. Черкасова, Н. П. Воскобойникова, Т. Б. Соловьева;

Стоят:

*С. Ю. Зенченко, Е. Н. Швейковская, А. В. Крайковский,
Н. В. Соколова, А. Ю. Присяжнюк, И. В. Пугач, И. Н. Шамина,
Ю. С. Васильев, Д. А. Черненко.*

Фото *А. Н. Гуслистовой.*

СОДЕРЖАНИЕ

Швейковская Е. Н. П. А Колесников – археограф отечественной истории раннего нового времени	5
Воскобойникова Н. П. Каталог писцовых книг Русского государства	13
Стеланова Л. Г. Новгородская обжа по массовым данным писцовых книг конца XV – начала XVI в	19
Шамина И. Н. Границы владений Вологодского Корнильево-Комельского монастыря по материалам писцового делопроизводства и межевым выписям XVI–XVII вв	25
Перевалов В. А. Проблемы аграрной истории России XVI–XVII вв. в научном творчестве А. А. Введенского	32
Пугач И. В. Из истории налогообложения русского феодального города (по описаниям Устюжны Железопольской второй половины XVI – первой половины XVII в.)	37
Гневашев Д. Е. Дозорная книга Вологодского уезда князя Петра Борисовича Волконского и подьячего Леонтия Софонова 1616/17 года как исторический источник	58
Воскобойникова Н. П. К истории создания писцовой книги Сольвычегодского (Усольского) уезда 1623–1628 гг.	74
Черненко Д. А. К вопросу о «людях» писцовых книг (по материалам писцовой книги Суздальского уезда 1628–1630 гг.).	83
Черкасова М. С. Брачность городского и сельского населения Вологды и Вологодского уезда в первой трети XVII в. (по приходо-расходным книгам архиерейской кафедры).	93
Глазьев В. Н. Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. как исторический источник.	106
Демчук Г. В. Погосты и монастыри в Двинском уезде по писцовой книге Мирона Вельяминова «с товарищи» 1622–1624 гг.	115
Соловьева Т. Б. Антропонимные формулы именованя посадских людей в Новгороде Великом 1646 г.	129
Булгаков М. Б. О составе кабацкой документации XVII в.	137
Зенченко М. Ю. Даточные книги Новгородского уезда (К вопросу о типологии источников XVII в.)	142
Гуслистова А. Н. Писцовые и переписные книги как источник по истории торговых людей Вологды в XVII в.	149
Комиссаренко А. И. Нижневыхегодский регион в системе складывающегося северного рынка (по писцовым и таможенным книгам Яренского и Сольвычегодского уездов XVII – начала XVIII в.).	153
Шабанова А. М. Подсека в земледельческих хозяйствах крестьян Северо-Запада России во второй половине XVII – первой половине XVIII в.	161
Соколова Н. В. Мирские приходо-расходные книги как массовый источник по истории крестьянского самоуправления в Центральной России в XVII–XVIII вв. (Проблемы происхождения, сохранности и достоверности источника)	165
Алексеева Н. В. Комплекс источников по изучению покаянной практики русских крестьян XVIII–XIX вв.	175
Дружинин Е. Р. Демографическая характеристика дворянских и крестьянских семей Вологодского уезда в первой половине XIX в. (по массовым источникам).	189

**П. А. КОЛЕСНИКОВ – АРХЕОГРАФ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

В июне 1967 г. в г. Вологде состоялась конференция по истории крестьянства и сельского хозяйства Европейского Севера СССР. Она завершила двухлетнюю подготовительную работу по учреждению Вологодского проблемного объединения по аграрной истории, а возглавлял эту работу доцент Вологодского педагогического института П. А. Колесников. Своей целью оно ставило координацию изучения истории крестьянства и сельского хозяйства на Европейском Севере страны. Региональное объединение мыслилось как постоянный научный центр, согласованно действующий с Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР и оргкомитетом Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы при отделении истории АН СССР. Одной из первостепенных задач стало вовлечение в научный оборот массовых исторических источников¹. В марте 1969 г. постановлением бюро Отделения истории АН СССР было создано на общественных началах Северное отделение Археографической комиссии с центром в Вологде².

Возглавил оба научных объединения П. А. Колесников. Он направил организационные старания на привлечение к работе ученых и на создание творчески настроенного, действенного коллектива единомышленников, который объединял представителей академических институтов, вузов, архивов, музеев. Залог успешной деятельности в изучении широкого круга проблем истории Европейского Севера от древности до современности П. А. Колесников видел в объединении усилий разных специалистов, не только историков, экономистов, но и археологов, этнографов, филологов, искусствоведов, а также краеведов и учителей. Таких специалистов уже к 1970 г. насчитывалось более 100 человек³.

Сферой исследовательского интереса самого П. А. Колесникова была социально-экономическая история российского Севера, ставшего для него поистине родным. В условиях существования советской исторической науки 1950–1980-х гг. приверженность к социально-экономической тематике была понятна. Это было также время ввода в историческую науку разнообразных источников. Достаточно назвать фундаментальные публикации: Русской Правды, Судебников, духовных и договорных грамот, актов Новгородской и Северо-Восточной Руси. Архивы хранят обширные комплексы разных описаний – писцовых, пере-

писных книг и сопутствующих им материалов XVI–XVIII вв., в том числе по северным уездам. Публикации писцовых материалов, принятые в свое время С. Б. Веселовским⁴, не исчерпывали всего их богатства по территориям Севера. Группа ленинградских историков под руководством А. Л. Шапиро на рубеже 1960–1970-х гг. обнародовала результаты обработки новгородских писцовых книг и полученный на их основе опыт моделирования доходов землевладельческих и крестьянских хозяйств во второй половине XV – начале XVI в.⁵ Благодаря многолетней работе коллектива, исследователи получили в свое распоряжение большой массив информации, извлеченной из писцовых описаний, а также базирующихся на ней важных хозяйственных характеристик по обширному региону Северо-Запада России, который включает часть территории Архангельской области, в прошлом Подвиге с Вагой. Правомерна высокая оценка, которую дала работе ленинградских ученых Н. А. Горская. «И сейчас, 20 лет спустя, трехтомник остается наиболее полным и источниковедчески мастерским проникновением в материал источников XV–XVI вв.» (правда, ряд подсчетов в нем вызывает сомнения)⁶. П. А. Колесников наладил научную связь с сотрудниками ленинградского коллектива под руководством А. Л. Шапиро. Он также поддерживал тесные творческие и личные контакты с А. И. Копаневым, Ю. Г. Алексеевым. Не ошибусь, если скажу, что ученые могли неоднократно обсуждать насущные направления деятельности обоих Вологодских объединений. А. И. Копанев сразу же стал активно сотрудничать в его первых изданиях и как исследователь, и как публикатор источников⁷.

Одной из значительных задач, которую ставили перед собой северные объединения, стала работа в области археографии. Она началась с публикации источников XVI–XVIII вв., а именно – материалов писцовых описаний северных уездов XVI в. Писцовым и переписным материалам XVI–XVIII вв. историки тогда придавали первостепенное значение. На VIII сессии межреспубликанского Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1965 г. П. А. Колесников делал доклад на тему: «Писцовые книги и материалы генерального межевания как источники для изучения уровня земледельческого производства в XVII–XVIII вв.»⁸. Ввиду недостаточности публикаций писцовых книг среди массовых источников по северным уездам, Северная археографическая комиссия сосредоточилась на их выявлении в архивах и изданиях⁹.

Первая подобная публикация появилась уже в 1968 г. А. И. Копанев в приложении к статье о структуре двинского землевладения в XV–XVI вв. напечатал сотную из писцовых книг И. П. Заболоцкого на Емецкий стан Двинского уезда середины XVI в. Она содержит описание це-

дственного административного округа, единого по чернососной структуре землевладения¹⁰. Основывающаяся на несохранившихся полностью писцовых книгах И. П. Заболоцкого 1552–1553 г. и В. Гагина 1559 г.; Платежная книга всего Двинского уезда 1560 г. была издана А. И. Копаневым, частично полным текстом, частично в виде таблицы. Обзор и краткую характеристику основного содержания писцовых книг Важского уезда XVI–XVII вв. с приложением таблиц, в которых приведены важнейшие итоговые данные описания 1677–1685 гг., представил Ю. С. Васильев¹¹.

Итоги научной конференции, проведенной по инициативе Вологодского проблемного объединения в 1968 г. и посвященной вопросам историографии и источниковедения Севера, отразились в статьях, обзорах и, конечно же, публикациях. Среди них документы архива Куростровской волости, по преимуществу «розрубы», «выборы» XVI в., характеризующие действия волостного схода по раскладке государственных налогов (А. И. Копанев); сотные на основные волости Вымской и Вычегодской земель и царские грамоты об организации управления и сбора податей в них конца XVI в. (А. А. Зимин, А. И. Копанев); сотная на Кодимскую волость Важского уезда середины XVI в. (Ю. С. Васильев). Здесь также помещены переписная книга Леденгского усолья, проданного в 1711 г. Иваном Грудцыным князю А. Д. Меншикову (С. М. Троицкий), три документа о неповиновении крестьян монастырским властям в последней трети XVII в. (З. А. Огризко)¹².

Перу П. А. Колесникова в этом выпуске принадлежит фронтальная разработка на основе писцовых и переписных книг конца XVI – начала XVIII в. вопроса о миграционных процессах в Поморье по наиболее важным показателям: дворовая пустота, ее причины, направления миграций. Массовый материал, сведенный ученым в основательные таблицы, свидетельствует о четко выделяемых периодах внутренней колонизации и миграций за пределы отдельных уездов и самого Поморья. Замедленное развитие производительных сил, рост государственных налогов, правительственные мобилизации, особенно сильные в первой четверти XVIII в., воздействовали на миграции¹³.

Ученый сделал интересное наблюдение, пожалуй, недооцененное литературой. Волостные миры с последней четверти XVII в. «выбраковывали», по его выражению, малоимущих крестьян через мобилизации в рекруты и на работы, освобождаясь от экономически ослабленных сочленов. Такие социально направленные действия создавали для зажиточных крестьян благоприятные условия по приобретению участков неустойчивых хозяйств¹⁴. В подобных фактах, однако, проявляется и стремление волостного мира поддерживать свою платежеспособность на нужном уровне. В. А. Александров в монографии о сельской

общине, рассматривая вопрос о рекрутчине, показал, что феодалы и общины в XVIII в. широко практиковали сдачу в рекруты «всех тех, кто был им не нужен». Общины выработали разные меры, позволявшие им экономическим путем «очищаться» от малосостоятельных крестьян. Существовала также еще внеочередная сдача в рекруты «штрафных», в которые попадали лица, совершившие антиобщественные проступки, пьяницы, но чаще хозяйственно слабые. Этот способ позволял общине избавиться от наиболее бедной части деревни и имел сугубо «хозяйственно-социальный характер»¹⁵. Показательно, что историки независимо друг от друга выявили одинаковые порядки в связи с рекрутчиной, действовавшие на протяжении XVII–XVIII вв. в черносошной и частновладельческой общинах. В жестком поведении типологически разных общин в отношении нетяггоспособных хозяйств улавливается некая нормативная общность.

Отдельный выпуск археографического сборника был специально посвящен изданию писцовых книг, сотниц и платежниц XVI в., которые вкрупне охватили Вологодский, Белозерский, Каргопольский и Двинской уезды¹⁶. Среди его авторов – А. И. Копанев, Ю. С. Васильев, А. А. Амосов, Н. И. Федышин и другие исследователи. Все они исходили из необходимости перейти от эпизодического издания отдельных документов к специальным публикациям вновь выявленных писцовых материалов. Наибольший интерес, конечно, представляют наиболее ранние из них, относящиеся к XVI в. Среди документов преобладают сотные на отдельные владения монастырей: Кирилло-Белозерского 1544 г., Михайловского Архангельского 1552–1554 гг., Антониево-Сийского 1578 и 1593 гг., Николо-Корельского 1587–1588 гг.; на дворцовое село Турунтаево Вологодского уезда 1580–1589 гг., на черносошный Калеский стан Двинского уезда 1586–1567 гг.; волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг., Водлозерскую волость того же уезда 1568–1569 гг. Наряду с ними издана дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. Под руководством П. А. Колесникова группа студентов-историков (среди них был и А. В. Камкин) подготовила для этого тома «Платежную книгу Каргопольского уезда, составленную около 1560 г.» К исходу 1980-х гг. была закончена публикация сотниц по северным городам и уездам.

Наряду с материалами описаний, служившими основой поземельного обложения, публиковались документы следующей ступени в иерархии налогово-финансовых источников, а именно: связанные с раскладкой и уплатой налогов. Среди них особо важны уже упомянутые платежные книги Двинского и Каргопольского уездов 1560 г., Куростровские столбцы XVI в. Не менее значимы памяти о сборе налогов и сборов по Троицкой волости Важского уезда за конец XVI–XVII вв.

опубликованные Ю. С. Васильевым. Тексты наиболее ранних из них за 1593, 1603, 1611; 1622, 1639 гг. и поздний за 1639 г. даны полностью, а для остальных 4-х – лишь начальные части с указанием видов и размеров сборов. По мнению ученого, сборные памяти позволяют судить об окладных и неокладных налогах, в том числе и о мирских сборах, о соотношении последних с государственными податями. Они также могут быть использованы как некая замена плохо сохранившегося писцового материала Важского уезда первой половины XVII в.¹⁷

Знаменательно издание веревной книги Паниловской волости 1912 г. причем полностью, которую ввела в науку в 1870-е гг. А. Я. Ефименко. А. И. Копанев квалифицировал этот источник как документ, составленный крестьянами по их инициативе. «Веревные книги», фиксирующие земельные владения каждого двора, служили основанием для раскладки государственных налогов и других платежей между волощанами (когда разруб шел «по земле»). Особенная ценность веревных книг среди документов подобного рода, нацеленных на уплату налогов, состоит как раз в том, что в них зафиксированы результаты измерения каждого из земельных участков любого дворохозяина в волости и их оклад. Очень важен сделанный А. И. Копаневым вывод, в корне пересматривающий положение А. Я. Ефименко, основывающееся на этой веревной книге. Она считала сущностью поземельного устройства деревни доленое владение участками, развившееся путем разложения целостного владения родового двора. Каждый дворохозяин имел не кусок земли, а лишь право на его идеальную долю. А. И. Копанев убедительно показал, что измерение всех лоскутов, кусков, полос, закраин каждого двора, а значит и отграничение, позволяло хозяевам отчуждать их частями. Это свидетельство реальности владения землей, и теория долевого владения деревни А. Я. Ефименко не подтверждается.¹⁸

П. А. Колесников организовал публикаторскую деятельность так, чтобы исследователи получили архивный материал по истории крестьян и сельского хозяйства обширного северного региона за длительный хронологический период. Он осознавал невозможность полной публикации писцовых книг XVII в. из-за их огромного массива. Однако ученый стремился дать писцово-переписной материал для адекватного суждения о земледельческом производстве и аграрном развитии Европейского Севера. Эту задачу П. А. Колесников воплотил в сборниках архивных источников «Северная Русь» за XVII в. (Вологда, 1971) и XVIII в. (Вологда, 1973). Первый из них сконцентрировал писцовый материал XVII в., разысканный тогда в архивах, по 16 северным уездам. Один раздел книги содержит составленные по описаниям 1620-х гг. списки селений с указанием размеров окладной земли и источниковое

воспроизведение поволостных итогов Тотемского, Устюжского уездов и Кокшенгской чети Важского уезда. Во втором помещены выписи из писцовых книг и общие итоги описаний уездов 1620-х, 1645-го и 1670-х гг. Территориально материалы охватывают обширные области Подвинья, Вятку, Чарондскую округу и Устьянские волости, а также центральные поморские уезды – Сольвычегодский, Устюжский, Тотемский. Они дают представление о системе расселения, динамике развития поселений, видах и размерах земледельческих угодий, поземельном налоговом обложении и т. д.

Второй выпуск «Северная Русь» собрал массовые источники XVIII в. по территории, в основном сопоставимой с представленной в предыдущем выпуске за XVII в. При отборе П. А. Колесников руководствовался их «научной значимостью для изучения аграрной истории России и особенно Русского Севера», а также разными возможностями и вариантами изучения документов в целях познания истории, краеведения, вспомогательных исторических дисциплин¹⁹. В зависимости от источников они были организованы в соответствующие пять разделов. Открывают выпуск документы, характеризующие мобилизации податного населения Севера на трудовые работы в Петербург в 1707–1711 гг. Во втором разделе помещены малопривлекательные на тот момент ландратские переписи за 1710 и 1717 гг. в извлечениях: по Ромашевской волости Кокшенгской чети Важского уезда, Пежемской волости и общий итог по всем Устьянским волостям. Следующую группу источников и соответственно раздел составили Экономические примечания к Генеральному межеванию по отдельным волостям и сводные таблицы результатов по отдельным уездам. Впервые здесь были опубликованы поуездные итоги 2–5 ревизий, напечатанные по сводной ведомости городов (2 и 3 ревизии) и по складным книгам (4 и 5 ревизии) Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерний. В последнем разделе (также впервые) изданы уникальные материалы из подворной переписи 1785 г. по Селецкой и Челмохоцкой волостям Архангельской губернии, представляющие собой ответы волостных миров на анкетные вопросы.

Объем источников, жесткие рамки учебного пособия и в немалой степени пропедевтические соображения вынуждали П. А. Колесникова поместить в двух выпусках «Северной Руси» извлечения из писцовых переписных книг и ревизий, итоги по отдельным административным единицам, привести первично суммированные сведения. Тем не менее исследователи, преподаватели, студенты и все интересующиеся этой проблемой получили хотя и разнокачественный, но, подчеркну, первичный источниковый материал, характеризующий две основные со

ставляющие аграрного развития Севера – деревню с ее жителями и сельскохозяйственные угодья.

Изучение северной деревни и миграций поморского населения на всей территории Европейского Севера с конца XVI по начало XVIII в. как демографической составляющей ее хозяйственной жизни потребовало от ученого обращения к однотипным источникам – писцовым и переписным книгам, а также оценки их источниковой возможности. Время, причины, направления миграций, судьбы дворовладельцев прослеживаются по ним. Слабую сторону переписей 1640-х гг. П. А. Колесников видел в том, что они не фиксировали выбытия людей из живущих дворов. Переписи первой четверти XVIII в., не вполне пригодные для определения общей численности населения из-за укрывательства от них, позволяют при текстуальном их использовании получить сведения об убыли жителей из дворов и причинах этого. Колесников подчеркнул источниковую особенность ландратских книг 1710 и 1717 гг., состоявшую в сопоставлении данных на момент переписи с результатом предыдущего описания. Сведения о перемещении людей внутри уездов и о местах их выбытия можно получить только путем тщательного текстуального анализа. Таким же способом извлекаются данные не только о дворовладельцах, но и жителях жилых и пустых дворов. Он также подметил, что писцы и переписчики на месте отступали от инструкций и «примерялись» к местным условиям²⁰.

Писцово-переписной материал П. А. Колесников оценил и с точки зрения составления «родословия деревень и генеалогических изысканий» на протяжении многих поколений. Особенности этих источников – отражение в них географических и демографических сведений через сравнительно непродолжительные промежутки времени, примерно равные средней продолжительности жизни одного поколения, сопоставимость показателей по поселениям и жившим в них крестьянским родам. Используя методику датировки по разным источникам, включая акты, П. А. Колесников убедительно показал существование двух пластов появления поселений. Один, наиболее древний, базировался на приречно-приозерных естественно удобных для земледелия участках; второй, более поздний, находился на отрыве от приречья. Изучение родословий людей, возможное по писцовым и переписным книгам за длительный хронологический период, позволяет, по мнению ученого, получить генеалогии крестьянских и посадских родов и сведения об их деятельности. Вместе с тем такая информация приоткрывает завесу о «соотношении биологического и социального кодов как носителей наследственности», а также способствует «раскрытию системы "человек, общество, природа"»²¹.

Такое обобщение основывается на решении поставленной в начале работы Проблемного объединения задачи по истории сельских селений и разрядов населения. Это направление широко представлено исследованиями Я. Е. Водарского по Вологодскому уезду XVII в. Н. П. Воскобойниковой по Яренскому уезду конца XVI – начала XVIII в. Ю. С. Васильева по Важскому уезду XVII в. и других ученых, а также самого П. А. Колесникова по уездам Центрального Поморья. В итоге 22-летней публикаторской деятельности Северного отделения Археографической комиссии на основе писцовых и переписных книг были получены списки более 10 тысяч северных деревень²².

Работа П. А. Колесникова по выявлению, публикации массовых источников, обработке и осмыслению их материала вылилась в известную монографию «Северная деревня в XV – первой половине XIX века» (Вологда, 1976). Его научная и организационная деятельность, сплотившая многих ученых вокруг Вологодских объединений, отразилась в изданных трудах. Поистине детищем П. А. Колесникова стал коллективный том «История северного крестьянства. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма» (Архангельск, 1984), многотрудный как по организации и координации, так и по изданию.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 1968. С. 3–7.

² Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 3–4.

³ Колесников П. А. О выполнении рекомендаций I конференции и о перспективах работы проблемного объединения // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 6.

⁴ Акты писцового дела. Материалы по истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1, 2. М., 1913, 1917.

⁵ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV–XVI. Л., 1971, 1974, 1978.

⁶ Горская Н. А. Зажиточное крестьянство России до начала XVIII в. в трудах Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 57.

⁷ Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI веках // Вопросы аграрной истории... С. 442–462; Он же. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского севера СССР... С. 514–536.

⁸ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. М., 1970.

⁹ Аграрная история Европейского Севера СССР... С. 23.

¹⁰ Вопросы аграрной истории... С. 453–462.

¹¹ Аграрная история Европейского Севера СССР... С. 519–536 и приложение 1; С. 537–562.

¹² Материалы по истории Европейского Севера СССР... С. 344–352, 375–486.

¹³ Там же. С. 353–374.

¹⁴ Там же. С. 372.

¹⁵ Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 273–277.

¹⁶ Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.

¹⁷ Васильев Ю. С. Сборные памяти по Троицкой волости Важского уезда конца XVI–XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973. С. 355–379.

¹⁸ Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Там же. С. 380–388. Текст веревной книги на с. 388–395.

¹⁹ Колесников П. А. Северная Русь. Вып. 2. Вологда. 1973. С. 9.

²⁰ Колесников П. А. Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграций поморского населения в XVI – нач. XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вып. 1. Вологда. С. 182–195. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 227–228.

²¹ Колесников П. А. Писцовые книги как источник для датировки письменных упоминаний о деревнях // Тезисы докладов и сообщений III. совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг. Вологда, 1990. С. 40–43.

²² Там же. С. 40.

Н. П. Воскобойникова
(Российский государственный архив древних актов)

КАТАЛОГ ПИЦОВЫХ КНИГ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Значение книг писцового делопроизводства для истории Российского государства XVI – XVII вв. трудно переоценить. Этот уникальный комплекс документов, образовавшийся в ходе проведения так называемых «писцовых описаний» – дозоров, описаний, переписей, межеваний, – является основным массовым источником по социально-экономической истории XVI–XVII вв. Практически все эти книги, за небольшим исключением, находятся в РГАДА, в фонде 1209 «Поместный приказ, Вотчинная коллегия, Вотчинный департамент». На данный момент в нем числятся 2273 писцовые книги. Часть этих книг была описана Н. В. Калачовым в 1869–1888 гг. Описание опубликовано под названием «Описание книг писцовых, переписных, дозорных, перечневых, платежных и межевых»¹. Оно охватило в основном древнейшую часть коллекции (т. н. «подлинную архиву») и часть списков лучшей сохранности, но зато сделало их доступными для исследователей. Опись Н. В. Калачова впервые ввела в научный оборот основной корпус писцовых источников.

В 1980-х годах в РГАДА началась работа по переописанию оп. 1 ф. 1209. Работа не имела единого организационного центра и общего плана – по сути, сотрудники произвольно описывали интересующие их территории. К концу 1990-х годов некоторые регионы были практически переописаны, но требовалось оформление имеющейся работы, выработка единых требований к описаниям, создание группы редакто-

ров для возможной публикации этих описаний. Такое организационно-методическое ядро сложилось в 1998–1999 гг., под руководством М. Ю. Зенченко и Н. П. Воскобойниковой. Были разработаны схема систематизации документов по уездам, состав описательной статьи соответствующей справочнику, предполагаемому к публикации (при активном участии д. и. н. Н. Ф. Демидовой).

Справочник был составлен с учетом следующих принципов:

I. В основу описания был положен территориальный принцип отбора документов, т. е. книги описывались не по порядку учетных номеров, а по исторически сложившимся комплексам, включающим в себя не только подлинники, но и подготовительные материалы (приправочные книги, черновики), а также документы, созданные на базе итоговых (платежные книги, перечневые списки и ряд иной документации) которые почти не нашли отражения в каталоге писцовых книг, подготовленном Н. В. Калачовым. Таким образом, достигалась полнота учета документов и открывались широкие перспективы по реконструкции имеющихся лакун в описаниях

II. Книги описаны подокументно, т. е. количество описательных статей соответствует количеству самостоятельных книг, фрагментов книг или отдельных листов в пределах одного переплета; обобщенные заголовки не применялись.

III. В описательную статью включена расширенная аннотация особого типа, раскрывающая административно-территориальное деление уезда (или части уезда) и содержащая перечень категорий земель (поместные, черносошные, вотчинные и т. п.) с указанием на листы документа.

Описательная статья начинается с порядкового номера книги в данном справочнике.

Дата приводится в двух летоисчислениях – от сотворения мира (с пропуском первой цифры) и от рождества Христова (в скобках), например: 123 (1614/15) г. Сохранение датировки «от сотворения мира» обосновано наличием многочисленного корпуса источников и монографий (до 1917 г.), использовавших именно этот вариант даты.

Заголовок книги обязательно включает в себя: номинал документа, категорию земель, географию, вид проводившейся работы, исполнителей работы.

В случае необходимости указывались и владельцы земли (для дозоров, межеваний и тому подобных работ, относившихся к владельческим землям, а не к определенным податным округам).

В описательную статью входят также поисковые данные, указание на подлинность или копияность книги, дата составления копии (списка) и, по возможности, указание на лиц, скрепивших, справивших или копировавших ее.

Описательная статья имеет два варианта:

первый – когда книга не имела ни частей, ни копий:

319. 192 (1683) г. дек. 30. – Выпись из писцовых книг 189–191 гг. Сольвычегодского у. письма и меры стольника Григория Дмитриевича Овцына и подьячего Василия Крюкова на вотчины Архангельского Устюжского м-ря в Ратмеровском ст.

Оп. 1. Ч. 3. Кн. 236. Л. 1 – 13.

Копия 1782 г.

Второй. Поскольку книга могла быть физически разделена на несколько переплетов, иметь большое количество копий и каждая из этих единиц хранения в принципе должна носить один и тот же заголовок «Писцовая (переписная, межевая) книга такого-то уезда», то для подобных вариантов одного и того же документа заголовки даются один раз. Далее каждый физический переплет имеет собственный номер, собственные поисковые данные и указание на подлинность и копияность, которое и становится его индивидуальным заголовком.

Например:

303–305. 131–133 (1622–1625) гг. – Писцовая книга гор. Сольвычегодска с уездом письма и меры Парфения Никифоровича Мансурова, дворянина московского Ивана Степановича Благово и подьячего Василия Архипова.

303. Подлинник за скрепами П. Н. Мансурова и В. Архипова.

Кн. 446. Л. 1 – 977.

Содержание:

Соль Вычегодская 1–90...

....итоги по уезду 972–977.

303. Черновик подлинника, за скрепами И. С. Благово и В. Архипова. Отрывок.

Оп. 1. Ч. 3. Кн. 268. Ч. 91. Л. 1–32.

Содержание:

вол. Вилегодская

Богоявленский приход 1–13 об.

Спасский приход 14–32.

304. Список 1643–1649 гг. за скрепой дьяка Мины Грязева.

Кн. 449. Л. 1–413.

Начало, окончание см. № 305.

Содержание:

Соль Вычегодская 1 – 47....

... Утмановская полусошка 407 об. – 413.

305. Список 1643–1649 гг. за скрепой дьяка Мины Грязева и справой подьячего Левки Нестерова.

Кн. 450. Л. 414 – 1077.

Окончание, начало см. № 304.

Содержание:

Онтропьева сл. 414 – 479

итоги по уезду 1074 – 1077.

В данном случае мы имеем подлинник и список, разделенный к тому же на два переплета – т. е. единиц хранения – три, а делопроизводственный документ один, поэтому все они имеют один заголовок.

Этот подход позволяет, не повторяя лишний раз одну и ту же информацию, избавиться от принципиально неверных заголовков типа: «Писцовая книга станов Пачеозерского, Алекинского и т. п.», тогда как эти станы отдельно не описывались и могут оказаться в отдельном переплете или отдельном отрывке совершенно случайно, работа же проводилась по уезду в целом, и перед нами находится просто часть этой общей работы. Кроме того, это дает возможность избежать дублирования и в заголовке, и в аннотации одних и тех же названий станов и волостей.

Кроме описательной статьи, подавляющее большинство книг имеет аннотации.

Аннотация может включать в себя следующие элементы. *Заголовок, Содержание, Делопроизводственные отметки, Архивные отметки, Сохранность, указания на публикации.*

В рубрике *Заголовок* приводится самоназвание книги. Например: «Книги приправочные Соли Вычегодцкой посаду и Усольского уезду черных волостей и монастырских вотчинных деревень с Васильева письма и дозору Семеновича Самарина да подьячего Семена Осокина, каковы дали Парфенью Никифоровичу Мансурову да подьячему Василью Архипову 7128-го году».

Содержание строится по принципу – рубрика (элемент административно-территориального деления, по которому велось описание) – ссылка на лист книги.

В разделах «*Делопроизводственные отметки*» и «*Архивные отметки*» фиксировались только те записи, которые существенны для истории данной рукописи или истории делопроизводства Поместного приказа, например:

Делопроизводственные отметки (л. 285): «198 го году Сей список с переписных книг волоцкого уезду Заозерской половины вотчинной. 186 году. По имянному великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца указу каков прислал из Розряду отдан ис Поместного приказу в Архангельскую губернию»

или

Архивные отметки: «Сверх поданой 770 году ведомости явилась по Вологде книга одна дозорная, а которого году не показано и загла-

вия нет и по окончании не все за скрепою по листам дьяка Тимофея Агеева в полдсть».

Рубрика *Сохранность* содержит сведения о состоянии рукописи. Фиксировались только случаи наличия серьезных физических повреждений книги (без начала и конца, угасший текст и т. п.) и нарушения порядка нумерации листов.

Первым регионом, описания которого были оформлены, отредактированы и подготовлены к изданию стали земли Русского Севера Вологодский, Двинский, Каргопольский, Кеврольский, Кольский, Мезенский, Пустозерский, Сольвычегодский, Тотемский, Устюжский и Яренский уезды, Устьянские волости – описание Н. П. Воскобойниковой и Вятской земли – описание В. Ю. Беликова²

В целом справочник, который получился в результате этой работы, состоит из самостоятельных разделов, являющихся по сути мини-справочниками по каждому отдельному уезду. Каждый раздел, кроме описаний, включает в себя небольшое предисловие, в котором содержится информация об уезде, известных землеустроительных работах на его территории и сохранившихся, либо известных по упоминаниям писцовых документах, ставших отражением этих работ. В качестве приложений к уездам были даны алфавитные списки станов и волостей или справочные материалы по административной структуре уезда. Кроме того, были составлены географический и именной указатели. Необходимо напомнить, что в справочник включены только материалы оп 1. ф. 1209; все известные составителям писцовые материалы из других фондов (как в РГАДА, так и в других архивах) указаны в предисловиях к уездам с подробными заголовками, но без аннотаций. Справочник был издан в издательстве «Памятники исторической мысли» в 2001 г. и, хочется верить, станет началом серии «Каталог писцовых книг Русского государства».

В данный момент в архиве ведется работа над еще двумя справочниками этой же серии. Это «Писцовые книги Восточного Замосковья» и «Писцовые книги Новгородской земли».

Выпуск 2 «Каталога писцовых книг Русского государства» – «Писцовые книги Новгородской земли» – включает в себя писцовые материалы Новгородских пятин с конца XV до конца XVII века. Справочник включает в себя описания более чем 120 ед. хр., в которых выявлено 450 описательных статей (самостоятельных делопроизводственных книг). Все они, так же, как и книги, вошедшие в первый выпуск, относятся к 1 описи ф. 1209. Новый справочник будет включать в себя следующие разделы: 1. Новгород (и оброчные пожни, и покосы, принадлежавшие новгородскому посаду, хотя и расположенные в другой местности); 2. Бежецкая пятина; 3. Водская пятина; 4. Деревская пятина;

5. Обонежская пятина; 6. Шелонская пятина; 7. Записные книги земельным дачам; 8. Фондовые включения. Справочник имеет общее предисловие, указатели (географический и именной). Каждый раздел также имеет собственное предисловие. Следует особо отметить, что над его составлением работали не только сотрудники архива (В. Ю. Беликов – описание и М. Ю. Зенченко – редактирование, унификация и систематизация материалов), но и ученые. С -Петербургского отделения ИРИ РАН (д. и. н. З. В. Дмитриева – редактор-консультант А. Селин – редактирование и предисловие к материалам Водской пятин) и Новгородского музея-заповедника (И. Ю. Анкудинов – редактирование и предисловие к материалам Бежецкой и Шелонской пятин, А. А. Фролов – редактирование и предисловие к материалам Деревской пятин). Редакторская работа над справочником будет продолжаться в течение ближайшего года, хотя корпус (более 30 авт. л.) подан на издательский грант РГНФ.

В настоящее время ведется работа и над третьим выпуском «Каталога писцовых книг русского государства» – справочником «Писцовые книги Восточного Замосковья». В него войдут материалы описаний Владимирского, Гороховецкого, Кинешемского, Лухского, Муромского, Пошехонского, Ростовского, Суздальского, Шуйского, Юрьев-Польского, Юрьев-Повольского и Ярославского уездов. Как видно из приведенного списка, охваченный регион не вполне соответствует территории, описываемой Ю. В. Готье как Восточное Замосковье. Отсутствуют, например, Костромской и Нижненовгородский уезды, которые настолько велики, что просто чрезмерно увеличили бы объем книги. К сожалению, мы вынуждены были принимать во внимание не только факты исторической географии, но и чисто архивные реалии – объем книг, относящихся к разным уездам, степень готовности описания и т. п. В результате нам пришлось ограничить регион вышеприведенными рамками. Описание этого региона ведется силами целой группы сотрудников РГАДА (В. Ю. Беликов, Н. П. Воскобойникова, М. Ю. Зенченко, Г. А. Иванова, В. А. Кадик, А. В. Маштафаров) в рамках проекта РГНФ 02-01-00301а и плановой работы архива. Сейчас уже описаны самые большие уезды – Ярославский (около 100 описательных статей) и Владимирский (более 300 описательных статей), а также ряд небольших, таких, как Гороховецкий содержащий всего 12 книг. Эту работу мы планируем окончить в 2003–2004 гг. и подать на издательский грант.

В заключение хочется сказать, что эти справочники очень ценны тем, что выполнены именно в рамках одной серии – с едиными принципами описания, систематизации, редактирования, составом описательной статьи, что, безусловно, облегчит работу исследователей

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одиб. Кн. 1; СПб., 1872. Кн. 2; СПб., 1888. Кн. 5.

² Географически в этот регион должен был входить и Важский уезд, но, так как писцовых документов по нему в составе коллекции не обнаружено, он остается за рамками данной работы.

Л. Г. Степанова
(*Армавирский лингвистический университет*)

НОВГОРОДСКАЯ ОБЖА ПО МАССОВЫМ ДАНЫМ ПИСЦОВЫХ КНИГ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI в.

Несмотря на то, что Новгородские писцовые книги давно уже являются объектом пристального внимания, их массовые данные долгое время оставались не востребуемыми. Многие ученые, изучавшие НПК, использовали содержащиеся в них сведения только выборочно¹. Пренебрежение к средним величинам, которые могли бы дать массовые данные писцовых книг, по справедливому замечанию А. С. Лаппо-Данилевского, привело к неправильному толкованию организации земледельческого труда, хотя использование этих данных могло бы дать общую картину хозяйственной жизни Великого Новгорода². В спорах дореволюционных историков о роли статистических методов в исследовании писцовых книг особое место занимает точка зрения А. А. Кауфмана, который доказывал, что их статистическая обработка – это не простое увлечение средними величинами, а применение различных группировок по качественным и количественным признакам. При этом, чтобы избежать ошибок, ученый призывал использовать имеющийся материал полностью и выяснить «действительный смысл тех терминов, которыми писец обозначал эти величины...»³.

На протяжении долгих лет самым «затуманенным» термином писцовых книг оставалась новгородская обжа. У многих исследователей не вызывало сомнения то обстоятельство, что обжа была единицей обложения сельскохозяйственными повинностями еще до присоединения Новгорода к Москве. Зато в ответе на вопрос, была ли обжа земельной мерой или нет, многие расходились во мнениях. Мерой земли считал обжу П. А. Соколовский, который приравнивал ее в среднем к 2,5 десятины и полагал, что величина обжи не была постоянной, а зависела от средств и сил крестьянина⁴. По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, обжа равнялась 10 четвертям посева ржи в поле⁵. Против сравнения обжи с определенным земельным наделом выступал П. А. Милюков, который считал ее только окладной единицей⁶. Особая

точка зрения по этому вопросу имела у В. Сергеевича, считавшего, что оклад делался не по количеству имеющейся земли, а по состоянию хозяйства, зависевшего, в первую очередь, от количества лошадей. Поэтому обжа – это однолошадное крестьянское хозяйство. В свою очередь, безлошадное хозяйство облагалось частью обжи, а хозяйство, в котором было три лошади, клалось в три обжи⁷. С В. Сергеевичем не соглашался В. Ф. Загорский. По его мнению, именно количество высеянного хлеба являлось главным показателем тягоспособности крестьянина. Кроме того, он полагал, что существовали и иные условия, влиявшие на увеличение или уменьшение тягла. В частности, писцы могли учитывать при обложении болотистость почвы. Хотя это отклонение от среднего типа обжи, которая, «как окладная единица, очень часто совпадает с платежной единицей, т. е. составляет отдельное хозяйство – двор»⁸. А. А. Кауфман, наоборот, считал, что обжа была несколько меньше двора, поэтому единица обложения не совпала с хозяйственной. Он так и не смог ответить, почему же на обжу высевалось разное количество коробей, но высказал предположение о возможном учете писцами качества земли, отвергая в то же время зависимость обложения от степени обеспеченности крестьянского двора сенокосами⁹. Категорическую позицию в споре занял С. Б. Веселовский, подчеркивавший, что обжа всегда была только условной единицей и ее размер целиком зависел от писца, определявшего посильность хозяйства¹⁰.

Большие разногласия по этому вопросу имелись и в советской историографии. Типично окладной единицей считал обжу Б. Д. Греков. В специально написанной работе «Что такое обжа?» он пришел к заключению, что она не является мерой измерения земельных угодий. Ее величина определяется «соотношением количества рабочей силы к пространству и качеству эксплуатируемой природы (прежде всего пашни)»¹¹. Однако многие исследователи, среди которых были В. Н. Вернадский, Р. Г. Скрынников, Л. В. Данилова, не согласились с этой точкой зрения, считая все же обжу земельной мерой¹².

В этом споре особое мнение высказал Г. В. Абрамович, предположивший, что «обжа стала в середине XV в. самой мелкой земельной единицей, размер которой определялся условно возможностями однолошадного крестьянина»¹³. Ученый считал, что в ее составе были не только пашня и различные, в том числе сенокосные, угодья, но и огород и усадьба крестьянина. В домосковское время размер обжи, с его точки зрения, достигал 9 десятин, причем на юге ее размер был больше, чем на севере. По мнению ученого, обжа стала единицей обложения и единицей поместного оклада и верстания после присоединения Новгорода к Москве¹⁴.

Сплошная обработка всех массовых данных новгородских писцовых книг конца XV – начала XVI в., впервые предпринятая авторским коллективом, работавшим над «Аграрной историей Северо-Запада России», позволила им прийти к выводу, что обжа соответствовала определенному земельному участку, который считался нормальным крестьянским наделом в данном районе и при данной системе земледелия¹⁵. Авторы сослались на известную формулу « обжа – один человек на одной лошади орет» и заключили, что она была неточной земельной мерой, находившейся в некотором соответствии с дворовой запашкой. Такая позиция вызвала возражение Л. В. Милова, считающего, что нельзя понимать эту известную формулу буквально в смысле простых физических возможностей крестьянина и его лошади¹⁶. Л. В. Миллов предложил при рассмотрении этой единицы обложения использовать комплексный подход и «трактовать ее как некую обобщенную единицу, символизирующую производственную мощность и платежеспособность однолошадного крестьянина»¹⁷. Эта трактовка позволила по-новому взглянуть на соотношение обжи и коробейного счета и дала возможность применить на практике совершенно новую методику обработки массовых данных новгородских писцовых книг конца XV – начала XVI в.

Для этого из текста новгородских писцовых книг были выбраны хозяйственные показатели, характеризующие однодворные деревни, а также отдельно описанные крестьянские дворы в «вопчих» деревнях. В результате из всей этой массы описанных хозяйств было выбрано 7195 дворов, показатели которых и были использованы при выяснении различий между крестьянскими дворами в пятинах и их микромассах. Стоит подчеркнуть, что по подсчетам А. Я. Дегтярева, в конце XV в. в новгородских пятинах насчитывалось всего около 37–38 тыс. поселений, как многодворных, так и однодворных¹⁸. Около 40,7 % селений в это время были однодворными, 30 % селений имели два двора и лишь 18,4 % состояли из трех-четырех дворов. Наибольшее количество однодворных деревень (82,7%) насчитывалось в Обонежской пятине. В Шелонской пятине они составляли почти половину всех селений (44,4%). В Водской и Деревской пятинах однодворным было каждое третье поселение (38,4% и 37,7% соответственно), в Бежецкой пятине – каждое четвертое (25,1%)¹⁹. Однако до нашего времени почти полностью сохранились описания лишь Деревской и Водской пятин. В Бежецкой мы имеем описания только нескольких боярских волостей, в Обонежской – всего лишь одиннадцати погостов да еще небольшие отрывки текста, содержащие сведения о крестьянских хозяйствах, находящихся на территории других погостов. При нашей выборке учитывались только крестьянские дворы, а дворы, в которых жили непашен-

ные и другие люди, помещики и их холопы, в расчет не брались. В Обонежской и Водской пятинах при статистической обработке не учитывались однодворные дворы, положенные не в обжи, а в луки. Во всех пятинах не брались в расчет дворы, описания которых дошли до нашего времени не полностью из-за плохой сохранности текста. Таким образом, статистически были обработаны все хозяйственные показатели отдельно описанных крестьянских дворов. В отличие от принципов, использованных авторами «Аграрной истории», группировка этих хозяйств была произведена сначала по обжам, а затем уже по величине запашки внутри каждой из этих групп. Это позволило выявить ряд закономерностей, проявившихся во всех территориях.

Оказалось, что в новгородских пятинах наиболее крупные группы крестьянских хозяйств были положены в одну обжу. Данное обстоятельство позволило заключить, что эти крестьянские дворы имели по сравнению с остальными средние посевы и покосы, т. е. были средними по своему уровню хозяйства в данном регионе. Только в более суровой по своему климату и малоплодородной Обонежской пятине средними по своему уровню хозяйства оказались дворы, положенные писцами в половину и треть обжи.

Анализ данных, полученных в результате группировки массовых сведений Новгородских писцовых книг по нормам обложения, а потом уже по посеvu, позволяет высказать ряд предположений относительно столь спорного до сих пор термина «обжа». В первую очередь, становится ясно, что обжа является нетвердой окладной единицей, опирающейся на производственные показатели среднего двора данного региона. Так, если в Водской пятине в обжу клался двор, в котором запашка достигала 3, 8 коробьи, а запасы сена – 24, 4 копны, то в Шелонской пятине однообожный двор имел уже 4, 3 коробьи пашни и 38,1 копны сена. В Деревской пятине двор, положенный в обжу, сеял 2,4 коробьи ржи и косил 16,1 копны сена, а в Бежецкой – 2,9 коробьи и 16,6 копны. В Обонежской пятине однообожный двор имел только 1,8 коробьи пашни и 16 копен сена. Выясняется и то, что при оценке производственной мощности отдельно взятого крестьянского хозяйства писцы опирались не только на производственные показатели среднего двора каждой пятины, но и на производственные показатели средних дворов более мелких массивов – уездов и даже погостов. И это было логично, ведь производственная мощь крестьянского хозяйства во многом зависела от плодородия почвы, а рядом могли располагаться совершенно разные по своему качеству земли, которые писцам приходилось соизмерять на практике.

Своеобразным эталоном при этом выступал однообожный двор, который был средним по своему уровню хозяйства почти в каждом ре-

гионе. Именно с ним сравнивались все остальные дворы и в зависимости от своей производственной мощности клались в доли обжи или несколько обже.

Тот факт, что в менее платежеспособных группах (положенных в доли обжи) в расчете на обжу посевы и покосы оказываются крупнее, чем в высокоплатежных, свидетельствует о том, что обжа имеет свое одабривание²⁰. Например, в Обонежской пятине во дворах, положенных в пол-обжи, в расчете на обжу запашка составляет всего 1,7 коробы, а запасы сена достигают 18,9 копны. Зато в трехобежных дворах при такой запашке на обжу уже заготавливается 12 копен. В Бежецкой пятине в полобежных дворах в расчете на обжу высевается 3,5 коробы ржи и накашивается 20,5 копны сена, а в трехобежных на обжу приходится уже 2 коробы и 10 копен. Двор, положенный в пол-обжи в Шелонской пятине, сеет в расчете на обжу 4,8 коробы ржи и косит 42,4 копны сена, зато двор, положенный в три обжи, на обжу уже высевает 4,3 коробы и косит всего 23,3 копны. В Деревской пятине в полобежных дворах на обжу приходится 2,7 коробы пашни и 19,4 копны сена, а в трехобежных – 2 коробы и 11,7 копны. В Водской пятине у дворов, положенных в пол-обжи, средняя запашка достигает 4,5 коробы, а запасы сена – 37,6 копны. Во дворах, положенных в три обжи, на обжу уже приходится 3,8 коробы и 19,5 копны сена. Расчеты показывают, что при оценке производственной мощности крестьянского хозяйства учитывалось не только количество коробей пашни, но и обеспеченность хозяйства сеном. Количество заготавливаемого сена было существенным показателем качества почвы.

Таким образом, в каждой из новгородских пятин в обжу включается различное количество пашни и покосов. При оценке хозяйственной мощности крестьянского двора писцы руководствовались традиционными представлениями о том, каким должно быть среднее хозяйство в данном регионе. Обжа предстает перед нами довольно гибкой обобщенной окладной единицей, учитывающей при определении платежеспособности производственную мощность крестьянского хозяйства в зависимости от особенностей каждой местности и уравнивающей по тягоспособности различные типы хозяйств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: С о к о л о в с к и й П. А. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877; Б е л я е в И. Д. Крестьяне на Руси. Исследования о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 1903; Н и к и т с к и й А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893; С е р г е е в и ч В. Древности русского права. Т. 3. Землевладение, тягло, порядок обложения. Изд. II. СПб., 1911; Архимандрит Сергей. Черты церковноприходского и монастырского

была в писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими усилиями жизни) СПб., 1905; и др.

² Лаппо-Данилевский А. С. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области в XV в. // ЖМНП. 1895. № 12. С. 396.

³ Кауфман А. А. Отзыв о сочинении Н. Н. Нордмана «Статистика в Русской истории. Опыт статистической обработки писцовых Новгородских оброчных книг около 1498 года» (рукопись). Отчет о 53-м присуждении наград гр. Уварова и отдельный оттиск. СПб., 1912. С. 89 (35).

⁴ Соколовский П. А. Указ. соч. С. 10.

⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 522.

⁶ Милюков П. А. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Рецензия на книгу Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892. С. 36.

⁷ Сергеевич В. Указ. соч. С. 316.

⁸ Загорский В. Ф. История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XV веках // ЖМЮ. 1909. № 9. С. 326.

⁹ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 130 (76).

¹⁰ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. М., 1916. С. 340–341.

¹¹ Греков Б. Д. Что такое «обжа»? // Известия Академии наук СССР. Л., 1926. Т. XX. № 13–14. С. 1252.

¹² См., например: Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 87; Скрынников Р. Г. Экономическое развитие Новгородского поместья в конце XV–XVI в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1958. С. 6; Данилов А. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 131; и др.

¹³ Абрамович Г. В. Несколько изысканий из области русской метрологии XV–XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Проблемы источниковедения. XI. М., 1936. С. 372.

¹⁴ Там же. С. 373–376.

¹⁵ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 26–27.

¹⁶ Горская Н. А., Милославский Л. В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2. С. 69.

¹⁷ Там же. С. 70.

¹⁸ Дегтярев А. Я. Сельское расселение в Русском государстве XV–XVII вв. (главные черты и факторы развития): Автореф. дис. докт. ист. наук. Л., 1981. С. 15.

¹⁹ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVI веках. Очерк истории сельского расселения. Л., 1980. С. 49.

²⁰ См. об этом подробнее: Степанова Л. Г. Новые подходы в статистической обработке массивов данных писцовых книг конца XV в. (О характере дифференциации крестьянства) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Тез. докл. и сообщ. XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 12–16 сентября 2000 г. М., 2000. С. 230–234; Степанова Л. Г. К вопросу об имущественной дифференциации крестьянства в конце XV – начале XVI века (По данным новгородских писцовых книг) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 144–161.

ГРАНИЦЫ ВЛАДЕНИЙ ВОЛОГОДСКОГО КОРНИЛЬЕВО-КОМЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЦОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И МЕЖЕВЫМ ВЫПИСЯМ XVI–XVII вв.

Писцовые материалы наряду с многими другими позволяют раскрыть вопрос о формировании границ феодальных земельных владений, который в историографии практически не затрагивался. В работах, посвященных становлению и развитию феодальной вотчины, отмечались факты поземельных споров и размежевания владений, однако установление границ не стало темой специального исследования¹. В сообщении показаны способы и процедура длительного процесса формирования границ вотчин Вологодского Корнильево-Комельского монастыря в XVI – XVII вв.

Для исследования привлечены межевая запись Корнильево-Комельского и Кирилло-Белозерского монастырей 1661 г., а также разьежье выписи 1533, 1534, 1558, 1642, 1695 гг.² Большой интерес представляет указная грамота 1669 г., включающая в себя описание процесса межевания вотчинных земель Корнильево-Комельского и Кирилло-Белозерского монастырей в Пошехонском уезде, а также показания местных крестьян о принадлежности спорных угодий³. Дополнительно использована сотная грамота Корнильево-Комельского монастыря 1631 г., выписи из писцовых книг Пошехонского уезда 1630 г. и выписи из писцовых и переписных книг 1682, 1687, 1693 гг.⁴ Также привлечены акты из состава Копийной книги Корнильево-Комельского монастыря, хранящейся в Государственном архиве Вологодской области⁵.

Вологодский Корнильево-Комельский монастырь, основанный в 1497 г. к югу от Вологды, был одним из известнейших в Вологодском уезде. Его вотчина была сравнительно крупной. К концу XVII в. монастырю принадлежало 769 крестьянских дворов⁶. Хозяйственная деятельность Корнильево-Комельского монастыря, как и большинства других в XVI – XVII вв., была направлена на расширение и округление земельных владений. Монастырская вотчина начала формироваться вскоре после его возникновения. Монастырь приобретал земли в результате пожалований великих князей и царей, а также путем заключения различного рода сделок с местными помещиками и вотчинниками. По жалованной грамоте 1538 г., в его вотчине уже числилось 81 поселение, а к концу XVII в. владения монастыря составляли 9 вотчин. В Вологодском уезде это были подмонастырная вотчина с селом Грязивицы, села Коптево (бывшая Коптева пустынь, приписанная к Кор-

нильево-Комельскому монастырю в 1534 г.), Персово (также бывшая пустынь, приписанная в 1588 г.), Лапшино и Новое. Два села – Погорелово и Мошенкино – располагались в Пошехонском уезде, а села Шубино и Семенково – в Переславском.

Параллельно с формированием монастырских вотчин оформлялись и их рубежи. Границы пожни Антипинский Наволок, приобретенной в 1516 г. Корнилием Комельским, описывались следующим образом: «...с верхнево конца с Вознесенской пожнею да с Федоровской пожнею Харитонова з берегу прямо к лесу, а с нижняго конца в межах с Никифоровою пожней Несветаева. А отвод той пожни по старым межам, куды топор и коса ходила исстарины»⁷. Употребление этого выражения является показателем того, что каких-либо четко зафиксированных на местности границ не существовало. При пожаловании же вновь основанному монастырю незаселенных, как правило лесных, пространств указывалось лишь количество верст в разные стороны. Так, старцу Паисию, основателю Коптевой пустыни, в 1481 г. великий князь Иван III пожаловал «лесу черного от ево келеи к Обнорской волости на две версты, да по Великой речке вверх на три версты по обе стороны лесов и покосы, да вниз по Великой же речке на четыре версты, да к волочку к Лежскому на четыре версты...»⁸. Подобным образом с указанием количества верст в разные стороны получил свои первые угодья в 1530 г. Арсений Сахарусов, основатель Арсеньево-Комельского монастыря⁹. Пожалованные же леса казались неосвоенными лишь внешне. Обычно они находились в пользовании крестьянских общин.

В первой половине XVI в. началось установление на местности различных знаков, показывающих, где заканчивались владения монастыря и начинались владения другого феодала. Более раннее известное по сохранившимся источникам размежевание земель Корнильево-Комельского монастыря относится к 1532 г. Оно установило рубеж в лесу между почином Крохиным и почином Доровиным Павлова Обнорского монастыря¹⁰. Крестьяне Корнильево-Комельского монастыря вскоре после размежевания основали вблизи установленной границы на Офимьине займище починок. Однако уже в следующем 1533 г. Корнильевский игумен Лаврентий бил челом великому князю Ивану Васильевичу о том, что Павловские монахи «отняли у нас нашу землю в Комелской волости на Офимьине заимище... пашут силно и починок сожгли на Офимьине заимище». Игумен ссылался на законное, с его точки зрения, межевание земель осенью 1532 г. и жаловался на то, что Павловские старцы не только распахали земли, но и сожгли избу, клеть и похитили монастырское имущество¹¹. В починке уже началось интенсивное освоение земли. Около 30 корнильевских крестьян ру-

били там лес. Те же самые цели преследовал и Павлов Обнорский монастырь, однако по грамоте 1532 г. он утратил права на эту землю. По новому размежеванию Павлов Обнорский монастырь не мог распашивать пашни и ставить починки в Офимьине займище под угрозой штрафа в 30 руб. В 1558 г. известно об установлении границы вотчины Корнильево-Комельского монастыря с владениями князей Ухтомских в Пошехонском уезде. В 1565 г. началась тяжба между игуменом Герасимом и князем Федором Угольским о лесе и рощах двух монастырских деревень – Короваво и Кривошеино. Она была разрешена в пользу монастыря¹².

Известен ряд межеваний XVII в. В 1642 г. была оформлена граница с помещиками Григорием Федоровым Монастыревым и Гаврилой Яковлевым Яндауровым в Вологодском и Пошехонском уездах. Любопытен тот факт, что помещики перед началом межевания искали крестьян-старожильцев в деревнях Корнильево-Комельского монастыря, ссылаясь на то, что в их поместьях старожилов нет. Вероятно, это именно их крестьяне, пользуясь незанятыми угодьями, подошли вплотную к владениям Корнильево-Комельского монастыря и действительно не могли знать места границы последних¹³.

Достаточно долгим был процесс установления границы в Пошехонском уезде между Корнильево-Комельским и Кирилло-Белозерским монастырями. В 1661 г., «поговоря меж собою полюбовно», представители обеих духовных корпораций провели между своими владениями межу. Однако спустя 7 лет вновь начался спор вокруг угодий села Мошенкина Корнильево-Комельского монастыря и села Борисоглебского Кириллова монастыря. Власти первого подали челобитную на имя царя Алексея Михайловича о повторном межевании территории, поскольку «старые межи и грани попорчены и грани посечены», а кирилловские крестьяне их нарушают. Поступила челобитная и от Кириллова монастыря, в которой подвергалось сомнению предыдущее межевание. Кирилловские истцы жаловались на то, что прежний межевщик Иван Нащокин был вкладчиком Корнильева монастыря и потому (якобы «по ложной скаске и по розводу Корнильева монастыря крестьянина») установил межи по их Кирилловской земле, а не по старым межам, «как исстари было». Состоялся суд, где стороны приняли обоюдное решение разделить землю вновь. Но проблемы с установлением границы не закончились. 28 октября 1668 г. вновь последовало челобитье служки Корнильева монастыря о том, что «Кирилловские завладели землей пустоши Сергейцева и угодьями Корнильева монастыря». На этот раз спор шел вокруг пустоши, возникшей на месте деревни Грибково, которую в 1577 г. продали Кириллову монастырю князь Ухтомские¹⁴. Купленная деревня через какое-то время надолго за-

пустела. Когда фактически не осталось и следов ее существования, крестьянин Корнильева монастыря Сергейко основал на этом месте починок Сергейцево, который после его смерти снова запустел. Интересно, что Корнильевские старцы предъявили претензии на землю не потому, что она неправильно отмежевана, а потому, что ею владел принадлежавший монастырю крестьянин. Из рассмотренного факта видим, что, если на заброшенных землях одного феодала начинали селиться крестьяне другого, каждый из них имел право выдвинуть претензии. Спор был решен окончательно в 1669 г., когда по царской указной грамоте владения в пустоши Сергейцевой (Грибковой) остались за Корнильево-Комельским монастырем¹⁵.

Межевая грамота Корнильево-Комельскому монастырю 1682 г.¹⁶ показывает последовательность установления границ, которое предполагало 4 этапа. В первую очередь были подтверждены северный и северо-восточный рубежи вотчины. Здесь соседями Корнильево-Комельского монастыря были помещики Иван Майоров, Иван Кобыльский, Дмитрий Гневашев, Антон Капитонов, а также представители двух ветвей Брянчаниновых – Богдан Михайлов и Богдан Григорьев. Затем в межевой грамоте идет описание границ между Корнильево-Комельским и Павлова Обнорским монастырями. Причем писцы-межевщики, судя по содержанию документа, двигались уже в другом направлении – вдоль восточной границы вотчины с юга на север, дойдя таким образом до угодий деревни Мокрынино – места, где завершился первый этап межевания. Третьим этапом было определение юго-восточной границы – межевание владений Корнильево-Комельского и Спасо-Нуромского монастырей. И наконец, завершают документ записи об итогах разграничения его владений с Николо-Озерским монастырем на западе. Интересно, что в процессе межевания 1682 г. остались не определенными южная и юго-западная границы вотчины. Немногочисленные монастырские селения в этом районе были окружены глухими лесами и болотами на многие километры. Крестьяне, используя угодья, не встречали преград своей хозяйственной деятельности и определение здесь четких рубежей было не нужно. Аналогичная ситуация сложилась и с границами приписной Коптевой пустыни, деревни которой также были со всех сторон окружены лесами.

В 1684 г., спустя лишь 2 года, возникла необходимость повторного размежевания и обновления межей между владениями Корнильево-Комельского и Павлова Обнорского монастырей в районе деревень Заямье (Корнильево монастырь) и Звягино с Филиным (Павлов Обнорский монастырь)¹⁷. Наконец, от 1695 г. известно об оформлении границы между владениями Корнильево-Комельского монастыря и помещиком Ивана Клочкова в селе Окатове Пошехонского уезда¹⁸.

Что же представляла собой процедура установления границ между спорными территориями? По челобитью одной или обеих сторон для разрешения возникшего спора в вотчины монастырей приезжали писцы-межевщики. Они начинали с изучения монастырской документации – сотных грамот, выписей из писцовых книг, частных актов, которые могли бы подтвердить принадлежность спорных участков. Так, при споре вокруг пустошей Грибково и Сергейцево в Пошехонском уезде представители Кирилло-Белозерского монастыря предъявили межевщикам купчие грамоты князей Ухтомских 1557, 1559 и 1560 гг.¹⁹

На пересмотр земли приезжали и представители монастырской администрации, часто в полном составе. В 1661 г. при разграничении владений Корнильево-Комельского и Кирилло-Белозерского монастырей от каждой из сторон присутствовали игумен, келарь, казначей и соборные старцы. Прибывали также стряпчие, служки, священники, созывались для допроса местные крестьяне-старожильцы. При разрешении повторного спора между Корнильевым и Кирилловым монастырями в 1667–1668 гг. на размежевании угодий села Мошенкина и Борисоглебского присутствовали 7 старост из разных окрестных вотчин и поместий, 1 приказчик и 14 крестьян. В деле о спорных пустошах были опрошены 26 человек. Местные жители давали показания о принадлежности спорных земель «по святой заповеди господней», что должно было исключить с их стороны ложь. Крестьяне-старожильцы, действительно были самыми осведомленными в разрешении такого рода вопросов. Однако некоторые их показания не всегда могли удовлетворить судей и истцов. В пограничном споре между Корнильево-Комельским и Кирилло-Белозерским монастырями многие крестьяне прямо говорили, что о принадлежности земли они ничего не знают, поскольку она находится слишком далеко от используемых ими угодий. Крестьянин Корнильево-Комельского монастыря Трошка заявил, что спорной землей владеет он «с товарищи исстари, как родились, а крепости де в монастыре есть ли или нет, они того не ведают»²⁰.

После выяснения примерной границы владений начиналось собственно ее межевание. Если в данном месте уже когда-то были межевые знаки, то их следы отыскивали и поновляли. Если же земли межевали впервые, то в качестве приграничных знаков использовались природные ориентиры или особенности местности – «виловатые» ели и березы, ивовые кусты, ручьи, тропинки, дороги, деревья со сделанными на них затесами – гранями. На равнинных местах, где не было сколько-нибудь достопримечательных природных объектов, выкапывали ямы и заполняли их «угольем», камнями, костями или хрящами. Такого рода ориентиры, конечно же, были недолговечными. Деревья могли сгнить, грани на них стереться, ямы завалиться, что и вызывало по-

вторные межевания. Так, в 1684 г. при обновлении границы владений Павлова Обнорского и Корнильево-Комельского монастырей на одном из ее участков вблизи достаточно крупных монастырских деревень и вследствие этого активно используемых угодий все выкопанные когда-то ямы «заровнялись», а отмеченные гранями ели «выгнили». Однако предыдущее межевание проходило лишь 2 года назад. Невольно напрашивается мысль, а не помогли ли исчезнуть межевым знакам сами крестьяне, которые, безусловно, нуждались в дополнительных землях? Подобные случаи имели место. Об этом, в частности, свидетельствует содержание межевой росписи Корнильево-Комельского и Кирилло-Белозерского монастырей. В заключительной части документа крестьяне-старожильцы, участвовавшие в межевании, дали слово: «...никому ни в чью землю не вступатца, за межу не переходить, межевых признак не портить, деревья не сечь и ям не заравнивать». Крестьяне же пообещали, что если они начнут портить межу, а также давать при повторном межевании заведомо ложные показания, то должны будут заплатить штраф в размере 200 руб.²¹ Для еще более четкого установления границ при повторном межевании вотчин Корнильево-Комельского и Павлова Обнорского монастырей в 1684 г. в землю вкапывали специальные межевые столбы как более надежный ориентир. Указывалось и расстояние между столбами в сажнях, что еще более конкретизировало обозначенную границу.

После определения межи начиналось так называемое «образное хождение» – обход установленной границы владения с иконой. Это должно было, с одной стороны, подчеркнуть правильность ее определения, с другой – как бы показать законность принадлежности земли тому или иному феодалу. В ходе размежевания границ Корнильево-Комельского и Кириллова-Белозерского монастырей представители сторон начали межевание, «приложась и целовав образ преподобных Кирилла Белозерского да Корнилья Комельского»²². Если одна из сторон была не удовлетворена итогами межевания, она отказывалась от «образного хождения», давая тем самым понять, что не принимает его результатов. Завершающей стадией процесса было подписание самого документа, определяющего границы владений каждой из сторон, а также указывающего санкции за их нарушение, после чего представители споривших сторон «били по рукам» и на этом расходились.

Сотная грамота Корнильево-Комельскому монастырю 1631 г. позволяет выявить один из способов, который использовали его власти для укрепления и поддержания стабильности вотчинной границы. Сотные грамоты и выписи из писцовых книг того времени по другим монастырям Комельской и Обнорской волостей показали, что плотность населения, как правило, уменьшалась с удалением той или иной де-

ревни от монастыря, села или погоста. Часто она была наиболее низкой вблизи границ. Однако в том случае, если соседом был сильный феодал, монастырь стремился укрепить свою периферию путем более плотного заселения. Так, по сотным грамотам Корнильево-Комельского и Павлова Обнорского монастырей 1631 г., на их общей границе были сосредоточены сравнительно крупные деревни Заямье (9 дв.), Филино (7 дв.), Звягино (6 дв.) и др., в то время как средняя величина деревень в их вотчинах составляла в это время около 4–5 дворов²³. В данном случае необходимо также принять во внимание тот факт, что эти деревни находились в непосредственной близости от большой Московской дороги, что также могло повлиять на их размеры.

Таким образом, границы Корнильево-Комельского монастыря вплоть до конца XVII в. были далеко не на всем протяжении определены посредством специальных межевых знаков. Они устанавливались лишь на наиболее спорных участках. Там, где монастырские поселения на многие километры окружал лес, вотчинные крестьяне и монастырские власти при определении пределов владений продолжали, по-видимому, руководствоваться принципом «куда топор, коса и соха ходила», поскольку необходимости более четкого межевания не возникало. Оно проводилось тогда, когда в ходе хозяйственного освоения крестьяне достигали используемых другой крестьянской общиной земель. Из межевых и разъезжих записей Корнильево-Комельского монастыря XVI – XVII вв. видим, что в это время существовали два типа установления земельных границ – между монастырем и соседними феодалами и между крестьянскими владениями разных общин, которые не только до конца XVII в., но и в более позднее время определялись зоной хозяйственного использования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI в. М.: Л., 1965; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства XIV – XV вв. М., 1969; Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997; и др.

² Каштанов С. М. Грамоты из архива Павлова Обнорского монастыря // Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 139 – 165; РГАДА. Ф. 281. № 2765, 3161, 9748, 9757, 9884.

³ РГАДА. Ф. 281. № 9755.

⁴ Сотная с вологодской писцовой книги Корнильево-Комельскому монастырю, 1631 г. / Публ. Ю. С. Васильева, А. И. Гамаянова // Городок на Московской дороге. Вологда, 1994. С. 108–129; РГАДА. Ф. 281. № 2979, 3031, 3111, 9719.

⁵ ГАВО. Ф. 520. № 114.

⁶ Водарский Я. Е. Вологодский уезд в XVII в. (к истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 297.

⁷ Акты Введенского Корнильево-Комельского монастыря / Публ. Ю. С. Васильева // Городок на Московской дороге... С. 96.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ Амвросий. История Российской иерархии. Т. III. 1812. С. 280–282.

¹⁰ Каштанов С. М. Указ. соч. С. 141–143.

¹¹ Там же. С. 144.

¹² РГАДА. Ф. 281. № 9884; ГАВО. Ф. 520. № 114/35.

¹³ РГАДА. Ф. 281. № 2765.

¹⁴ Там же. № 9755.

¹⁵ Там же. Ст. 4.

¹⁶ РГАДА. Ф. 281. № 2979.

¹⁷ РГАДА. Ф. 281. № 2992.

¹⁸ РГАДА. Ф. 281. № 3161.

¹⁹ РГАДА. Ф. 281. № 9755. Ст. 26.

²⁰ Там же. Ст. 20.

²¹ РГАДА. Ф. 281. № 9748. Ст. 3.

²² РГАДА. Ф. 281. № 9748. Ст. 1.

²³ РГАДА. Ф. 281. № 2735; Сотная с вологодской писцовой книги Корнильево-Кормельскому монастырю. С. 108–129.

В. А. Перевалов
(Уральский государственный университет)

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XVI–XVII вв. В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. А. ВВЕДЕНСКОГО

Один из крупнейших исследователей отечественной истории в XX в., видный представитель «петербургской исторической школы», профессор Киевского университета Андрей Александрович Введенский (1891–1965 гг.) широко известен в исторической науке своими ставшими уже классическими трудами по истории династии («дома») богатейших предпринимателей-солепромышленников Строгановых и деятельности их «феодальной фирмы», промышленности и ремесел в феодальной России, дипломатике и другим специальным историческим дисциплинам¹. Менее известно, что в своих исследованиях, посвященных одной из магистральных тем его творчества – Строгановым и их деятельности в Поморье и на Урале в XVI–XVII вв., он также уделял немаловажное значение вопросам истории сельского хозяйства и крестьянства. Все эти работы А. А. Введенского написаны на основе значительного и неизвестного ранее архивного материала, в связи с чем они не утратили своей ценности и по сей день. Ниже мы попытаемся очертить круг основных проблем аграрной истории русского средневековья, интересовавших А. А. Введенского и нашедших освещение в его научных трудах.

В 1920 г. А. А. Введенский завершил свое обучение на факультете общественных наук (бывшем историко-филологическом) Петроградского университета представлением зачетного (т. е. дипломного) сочи-

нения «Из истории солепромышленности в Пермском крае в XVI–XVIII вв.», а в 1923 г. окончил там же аспирантуру, представив *provenia legendi*, диссертацию «Монастырский стряпчий»². Но еще в том же 1920 г. произошло событие, оказавшее решающее влияние на всю его дальнейшую деятельность в исторической науке. Посетив с научными целями село Ильинское Пермской губернии (надо отметить, что А. А. Введенский родился на Урале, в г. Перми), где до 1917 г. находилось Главное правление вотчинами Строгановых, он обнаружил, что ценнейший строгановский архив (в котором хранились документы начиная с XVI в.) систематически уничтожается при попустительстве местных властей, и принял решение вывезти его в Пермь, для чего потребовалось 26 подвод³. В 1939 г. весь этот фонд был передан из Пермского областного архива в Москву в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ныне РГАДА)⁴. Разумеется, А. А. Введенского, как историка, не могли не заинтересовать эти уникальные и ранее недоступные ученым материалы, и он стал не только их спасителем, но и первооткрывателем. С этого времени всестороннее исследование хозяйства и торгово-промышленной деятельности рода Строгановых в XVI–XVII вв. сделалось одним из главных направлений его научного творчества.

Уже в 1923 г. А. А. Введенский опубликовал во 2-й книге вологодского журнала «Север» свою статью «Происхождение Строгановых» (тогда же вышло и отдельное издание⁵), в которой на основании первоисточников попытался решить этот запутанный и обросший мифами вопрос, явившись, таким образом, одним из зачинателей изучения генеалогии российского крестьянства. С одобрением отозвался об этой его работе известный историк, профессор Московского университета С. В. Бахрушин: «Автор оспаривает общепринятое мнение о новгородском происхождении своих героев. С большим искусством он подвергает критическому разбору «косвенные указания, почерпаемые из летописи, двинских списков и родословных легенд», и отрицательные выводы, к которым он приходит, следует признать во многих отношениях убедительными»⁶. К этим же вопросам А. А. Введенский обращался и позднее: так, истории окрестянившейся ветви рода Строгановых в XVI–XIX вв., проживавшей в деревне Циренниково под Сольвычегодском, посвящена еще одна его статья⁷.

Выявленные им в архивах материалы по истории сельского хозяйства во владениях Строгановых А. А. Введенский включил в соответствующий раздел своего сборника документов «Торговый дом XVI–XVII веков», изданного им в 1924 г. Этот труд высоко оценил известный источниковед профессор С. Н. Валк, назвав его успехом, благодаря которому ««купеческий двор», сельское хозяйство, торговля и промыш-

ленность крупного предприятия Строгановых получили... для своего освещения ряд первоклассных документов» (1937)⁸.

Проблеме организации сельского хозяйства в поморских владениях Строгановых в XVI–XVII вв. посвящена статья А. А. Введенского, опубликованная им в 1956 г. в 15 томе «Научных записок Киевского университета» (на украинском языке, с кратким резюме на русском).

Итогом почти 40-летних исследований А. А. Введенским истории дома Строгановых в XVI–XVII вв. стала известная фундаментальная монография, вышедшая в Москве в издательстве «Соцэргиз» в 1962 г. В ней он, опираясь на свои предыдущие труды, дал всестороннее исследование деятельности Строгановых, в том числе в земледелии и в сельском хозяйстве в целом. При знакомстве с этой книгой удивляет огромный объем работы, проделанной ее автором, причем, как пишет А. А. Введенский, им сознательно опускался весь большой цифровой материал «о поголовье скота, запасах зерна в деревенских амбарах, других сельскохозяйственных продуктов в строгановских деревенских дворах», так как он, по его мнению, не давал «существенно нового сравнительно с известными в науке данными о состоянии товарного сельскохозяйственного производства в ряде крупных царских, боярских, монастырских и помещичьих феодальных хозяйств XVI–XVII вв.»⁹.

В ходе своих разысканий А. А. Введенский установил, что вотчинное сельское хозяйство Строгановых «в целом в соответствии с уровнем экономического развития того времени было хозяйством натуральным», и даже став солепромышленниками, они никогда не порывали связи с ним, и оно всегда оставалось одним из важных направлений в их экономической деятельности. Сельское хозяйство Строгановых было довольно обширным и «имело вспомогательное значение для их промышленности и торговли. Большой интерес сельскому хозяйству вызывался необходимостью бесперебойного снабжения продовольствием своих промыслов и рабочего населения Пермь Великой и сольвыгодских вотчинах на рубеже XVI–XVII вв.»¹⁰

Таким образом, в выводах А. А. Введенского при изучении сельского хозяйства Строгановых одним из существеннейших стало положение о том, что оно «имело подсобный характер и было предназначено удовлетворять потребительские, внутренние запросы мощного промыслового и торгового предприятия дома Строгановых и лишь в небольшой степени давало товарную продукцию»¹¹.

Другой его характерной чертой, которую отметил А. А. Введенский было наличие в нем двух различных типов «построения вотчинного сельского хозяйства»: если в Поморье, где «не было дворцового и служилого помещичьего хозяйства, а имелось лишь монастырское и

купеческое крупное землевладение», оно велось на «традиционных основах феодально-крепостнической эксплуатации и кабально-ростовщических операциях», то в Приуралье, на «обширных и еще не обжитых территориях» которого «не было недостатка в землях, не было земельной тесноты», основывалось на 20-летней льготе для новоприбылых крестьян, призванной привлекать переселенцев на новые и еще не обжитые земли¹².

Как установил А. А. Введенский, в черносошном Поморье Строгановы «скупали доли земельных участков в деревенских крестьянских общинах... и таким образом овладевали через ростовщические операции целыми земельными... владениями», после чего «прежние их владельцы, обездоленные Строгановыми, либо превращались в строгановских крестьян-половников на полукрепостном положении либо уходили с родных земель в Приуралье и далекую Сибирь, либо вынуждались заниматься отходным промыслом в качестве наемных ремесленников на посадах, казаков и ярыжек на водном транспорте»¹³.

Не менее «нещадно», по его выражению, Строгановы эксплуатировали крестьян по истечении льготного срока и в своих пермских вотчинах. На это они «отвечали феодалам-купцам бегством, поджогами строгановских строений, угоном их скота и прямыми вооруженными выступлениями». А. А. Введенский собрал и привел в своей работе новые сведения о «формах социального протеста и классовой борьбы закрепощаемых», «иногда в союзе с угнетаемыми уральскими татарами, ханты и манси».

Тем не менее, по его словам, «большой и иногда массовый уход крестьян из пермских вотчин не приводил к убыли рабочих рук, так как количество новоприбылых крестьян из центра и Поморья в приуральских вотчинах Строгановых было большим, нежели убыль крестьянского населения»¹⁴.

Еще одним направлением изысканий А. А. Введенского в области аграрной истории стало изучение социальной борьбы крестьян в Поморье в XVI–XVII вв. и такой ее формы, как «одиначество». В статье, посвященной этой проблеме, он собрал сведения о всех сохранившихся в архивах «одиначных записях», в том числе и крестьянских, и привел свои ценные источниковедческие наблюдения над этими весьма редкими историческими документами¹⁵.

Таким образом, вклад А. А. Введенского в изучение аграрной истории России (в частности, проблем истории сельского хозяйства в строгановских вотчинах XVI–XVII вв.) является весьма значительным. Между тем сам он, видимо, будучи скромным человеком, считал, что эти его исследования «лишь подтверждают ранее сделанные наблюдения». Новым в них для исторической науки, по его мнению, являлось

только «раскрытие на конкретном строгановском документальном материале того, как в локальных условиях Поморья и Приуралья по-разному проявлялись известные в науке закономерности развития вотчинного сельского хозяйства у Строгановых в XVI–XVII вв.»¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А н а н ь и ч Б. В. Петербургская историческая школа (1929–1931) // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 670–675; П е р е в а л о в В. А. А. А. Введенский: веки жизненной и творческой биографии ученого // Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство (Провинция и центр: XX век). Т. II. Омск. 2000. С. 73–76; П е р е в а л о в В. А. Историк и педагог А. А. Введенский (К 110-летию со дня рождения) // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург. 2002. С. 116–121.

² Перевалов В. А. А. А. Введенский. веки жизненной и творческой биографии ученого... С. 73–76.

³ В в е д е н с к и й А. А. Об архивах Приуралья // Дела и дни (г. Петроград). 1920 г. Кн. 1. С. 365–371; К у т ь е в О. Л. Вотчинный архив Строгановых в с. Ильинском // Строгановы и Пермский край. Материалы научной конференции. Пермь, 1992. С. 77–78.

⁴ Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. Т. 4. М., 1999. С. 376–382.

⁵ В в е д е н с к и й А. А. Происхождение Строгановых. Вологда: Вологодское обл. отд. гос. изд-во, 1923. 24 с.

⁶ Б а х р у ш и н С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1928. С. 189–191.

⁷ В в е д е н с к и й А. А. Крестьяне-Строгановы в XVI–XIX вв. // Труды Тбилисского государственного университета. Т. 10. Тбилиси, 1939. С. 21–58.

⁸ В а л к С. Н. О публикациях материалов по феодально-крепостническому периоду истории СССР // Историк-марксист. 1937 г. Кн. IV. С. 224.

⁹ В в е д е н с к и й А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 154–155.

¹⁰ Там же. С. 137.

¹¹ Там же. С. 154–155.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 298.

¹⁴ Там же. С. 154–155.

¹⁵ В в е д е н с к и й А. А. Классовая борьба и «одиночество» в Поморье в XVI–XVII веках // Вопросы истории. 1955 г. № 5. С. 116–123.

¹⁶ В в е д е н с к и й А. А. Дом Строгановых... С. 154–155.

И. В. Пугач
(*Вологодский государственный педагогический университет*)

**ИЗ ИСТОРИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
РУССКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА
(по описаниям Устюжны Железопольской
XVI – первой половины XVII в.)**

Материалы писцового делопроизводства давно и широко вошли в научный оборот в качестве основных источников по социально-экономической истории феодальной России. Проблемы методики использования, классификации, достоверности материалов писцового делопроизводства, налогообложения и др. нашли свое отражение во многих историко-ведческих и историографических исследованиях и обзорах¹.

По Устюжке Железопольской за XVI – первую половину XVII в. сохранились полные результаты трех описаний – 1567 г.², 1597 г.³ и 1626 г.⁴, перечневая роспись 1626 г. с итогами дозора 1619 г.⁵, значительный комплекс государевых грамот, наказов, отписок, челобитных посадских людей за первую половину XVII в.⁶, в которых содержится уникальный материал по широкому кругу вопросов налогообложения. Данный круг и составил источниковую основу работы⁷.

Социально-экономический облик русского феодального города, особенности его хозяйственной жизни, финансовые отношения с государством во многом определялись структурой населения, важное место в которой принадлежало посадским людям.

Численный вес посадских людей в большинстве городов был невелик. П. П. Смирнов приводит данные о составе населения 226 городов России середины XVII в. Из 107 413 дворов 64 615 (60,1%) принадлежали служилым людям, 34 111 (31,7%) – тяглецам, 8687 (8,2%) – вотчинникам. При этом дворы собственно посадских черных людей имелись только в 73 городах⁸.

Это обстоятельство во многом определило основные направления в развитии феодального города как социального организма. На протяжении XVI – первой половины XVII в. одной из наиболее важных тенденций становится борьба посада и государства за посадских людей как налогоплательщиков. Она велась по двум направлениям. Во-первых, за ограничение роста белых слобод в городах, которые поглощали часть тяглового посадского населения. Во-вторых, за установление справедливого, посильного для посадских людей размера налогообложения. В первом случае интересы посадской общины и государства совпадали, во втором – были противоположны.

В Устюжне Железопольской, где доля посадского населения, как правило, составляла более 70 – 80 % эта борьба шла особенно активно⁹.

Уже во второй четверти XVI в. посадский мир получил право включать в посадское тягло все новые дворы, поставленные на государственной земле. Так, в 1539 г. устюжане получили от имени государя Ивана IV жалованную грамоту, по которой все дворы, «которые на Устюжне на посаде ... вперед станут на черных землях после писцов, ново» подлежали обложению – «на те прибыльные дворы ... розводити всякие розметы слегка, как пригоже, смотря по людям, в пособ к городу и волостям».

Более того, это право не было стеснено сословной принадлежностью дворовладельца – «а кто учнет жити на нашей на черной земле сын боярский или приказной человек, или митрополичь и владычен и монастырской, или чей хто ни буди: и те люди... тягло с черных дворов и в волостях с черных деревень и с починков наши оброки и всякие розметы тянут повытно, что на них целовальники положат».

Правда, это право имело и обратную силу. Посадский мир был связан в тягле круговой порукой и нес коллективную солидарную ответственность за все запустевшие дворы перед государством по уплате податей: «...а которые на Устюжне на посаде дворы ... запустеют, и пустые дворы ... оплачивати всем городом и волостми»¹⁰. Впрочем, такой порядок не был местной особенностью Устюжны, а имел общее правило¹¹.

Право распределения налогов принадлежало посадской общине – «всем посадским людям самим промеж себя по животам же и по промыслам», что, по мнению С. Б. Веселовского, было, видимо, исключением из общего правила. В других городах это допускалось чаще тогда, когда речь шла не о новом окладе всех мирян, а о пересмотре и изменении оклада некоторых лиц¹². Конкретное распределение податей, их сбор внутри посадского мира возлагалось на выборные лица из числа посадских людей – земских целовальников¹³. Как правило, земские целовальники избирались на один год из наиболее состоятельных и уважаемых посадских людей¹⁴, на которых возлагалась материальная ответственность за выполнение посадом своих тяглых обязательств.

Окладной единицей при исчислении доли налога был посадский двор, точнее, имущественное положение дворовладельца. В распределении оклада действовало общее правило – «верстались все посадские люди в тех во всяких податех и в откупех сошного писма и во всяких в тех денежных оброках ежегод самим промеж себя по их животом и по промыслом». Кроме того, у земских властей было право оп-

ределять как форму, так и конкретный размер доли тягла для отдельных посадских людей. Особенно это касалось низших, малоимущих слоев. Так, для младших посадских людей, у которых «не будет собины, а живут своим двором», земские власти должны были «разводить всякие розметы, смотря по их дворам и кто чего стоит»¹⁵. Это же правило действовало и в отношении дворов нищих и вдов. Они не включались в сошный оклад, но могли привлекаться земскими властями посылно к тяглу, либо полностью освобождаться от него.

В середине XVI в. завершилось становление системы налогообложения Московского государства, а в податной политике наметилась устойчивая тенденция роста налогового бремени на тяглое население страны, в том числе и на посадских людей. Основными формами государственного тягла были денежные подати и различного рода повинности. Во взимании прямых податей с городов правительство придерживалось двух систем – посошной и оброчной.

Первые существенные изменения произошли в конце 40-х гг. XVI в. – значительно были увеличены размеры посошного оклада. Зимой 1547 г. «царь и великий князь велел дань имати с сохи по 12 рублев, и от того крестьяном тегота была великая»¹⁶.

В течение второй половины XVI в. происходит усложнение номенклатуры государственных налогов как за счет перевода на денежную оплату натуральных повинностей, так и за счет введения новых податей. Правительство все шире начинает применять в своей податной политике (сначала в экстренных случаях, а затем как систему) практику надбавок к основным податям, получивших название «примет», или «приметных денег»¹⁷.

Первое полное представление о структуре, формах и размерах тягла посадских людей Устюжны Железопольской можно составить по сотной 1567 г. По итогам описания сошное письмо Устюжны Железопольской составило 10 и 1/6 сохи. Кроме общего итога, в сотной были определены размеры посадской сохи – «лутчих и отрадных людей по 35 дворов в сохе, а середних людей по 60 дворов в сохе, а молотчих людей по 85 дворов в сохе, а которые люди добре худы, казаков и молотников по 100 дворов в сохе»¹⁸.

Основную тяжесть государственного налогового бремени составляли пищальные деньги¹⁹. В приказ Большого прихода посадские люди выплачивали 105 руб. 56 коп., что составляло немногим более 10 руб. на соху. Эта сумма распределялась посадскими людьми «промеж себя по животам и по промыслам» следующим образом: лутчие люди (50 дворов) платили по 30 коп. с двора, средние люди (250 дворов) – по 20 коп. с двора, молотчие казаки и молотники (213 дворов) – по 12 коп. с двора, а «которые люди добре худы» (200 дворов) – по 7,5 коп.²⁰

**СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАЛОГОВ ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
УСТЮЖНЫ ЖЕЛЕЗОПОЛЬСКОЙ В СЕРЕДИНЕ XVI – СЕРЕДИНЕ XVII В.**

Вид платежа	Год			
	1567*	1597	1619	1626
За наместнич. доход	-	1р.57к.	-	-
Пищальные	105р.56к.	16р.64к.	4р.	8р.
Ямские	-	+**	-	-
Оброчные	-	-	3р.22к.	6р.42к.
Кормовые	-	-	50к.	1р.
Полоняничьи	-	3р.75к.	-	-
Судные пошлины	-	-	18р.54к.	18р.57к.
С пашенных людей	-	17р.	-	-
С животныхных выпусков	4р.	4р.20к.	2р.10к.	-
С рыбных ловель	4р.20к.	4р.20к.	2р.10к.	4р.19к.
С еза	10р.67к.	-	-	-
С перевозу	6р.30к.	-	83к.	1р.64к.
С пашен	4р.20к.	4р.20к.	2р.10к.	7р.31к.
С сенокосов	10р.50к.	10р.50к.	5р.43к.	10р.77к.
С лавок	12р.22к.	5р.02к.	2р.66к.	7р.47к.
С кузниц	-	-	-	94к.
С мельниц	-	-	-	13р.
С деревень	-	-	-	5р.75к.
С оброчных лесов	4р.20к.	-	-	4р.
Новоприбыльные	-	-	3р.16к.	-
С мельницы Воскресенского монастыря	-	-	-	50к.
Всего	161р.85к.	67р.08к***	44р.64к.	89р.56к.

Источники: Сотная 1567 г. С. 160–162, 164, 166–169, 174–177; Сотная 1597 г. С. 156–157; Сотная 1626 г. Л. 142 об. –215; АПД. Т. 1. № 83. С. 109; Т. 2. Вып. 1. № 24. С. 54–57. Вып. 2. № 83–87. С. 218–226; Роспись перечневая... С. 104–106.

Примечания:

* В 1567 г. Устюжна Железопольская была отдана в кормление старице Александре. Общие платежи посада в ее пользу составляли 173 р. 07 к. (см табл.).

** Конкретный размер не установлен – «почем государь укажет».

*** В числе фиксированных платежей посада указаны таможенные пошлины – 122 руб. 50 коп. и свальные пошлины – 8 руб. 91 коп. Они не включены в общую сумму при расчете тяжести налогового бремени, так как не были в прямом смысле податями. Видимо, торговые пошлины в конце XVI в. были за посадом на откупе, поэтому и попали в число регламентированных платежей.

На оброке за всеми посадскими людьми находились хозяйственные угодья посада – пашни, животинные выпуски, сенокосы, лес, рыболовные угодья и перевоз. Доля участия в оброчных платежах каж-

дого посадского человека была либо пропорциональна его тяглой способности (с выпусков, лесных угодий, рыбных ловель; перевоза), либо определялась размерами его земельных владений (с пашен и сенокосов). Общий объем этих оброчных денег вместе с пошлинами составлял 44 руб. 07 коп. При исчислении оброка с пашни учитывалось качество земли. С худой земли платили по 2 коп. с чети, а с «добре» худой – по 1,5 коп.²¹

Единственным оброком, который не распространялся на всех тяглых посадских людей, были платежи «с лавок». Они касались только владельцев лавок. Лучшие люди платили по 10 коп. на год с лавки (40 лавок), средние – по 7,5 коп. (40 лавок), молотчие – по 6 коп. (44 лавки). Оброк с хозяйственных угодий посадские люди платили в Приказ Углецкого дворца, исключение составляли сенокосы, за них оброк платили в Конюшенный приказ²²

Все посошные доходы государство передало в кормление старице Александре²³. В ее пользу посадские люди, как и прежде, «по государеву указу» должны были платить по 15 руб. на год с каждой сохи. За ней же остались «впредь ежегод с сошного писма по розводу... ямские. и приметные, и полоняничные денги и иные доходы», которые со всех посадских людей «преж сего шли на обиход княж Юрьевы Васильевича княгини». Они составляли большую часть сошного оклада²⁴. Кроме того, к старице Александре перешла часть оброчных платежей за новые оброчные посадские сенокосы и лес. Все платежи посадского мира в пользу старицы Александры составили 173 руб. 07 коп., что в среднем составляло около 24 коп. на один двор, или 21 коп. на одного тяглеца.

Таблица 2

**ПЛАТЕЖИ ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
УСТЮЖНЫ ЖЕЛЕЗПОЛЬСКОЙ В ПОЛЬЗУ СТАРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ В 1567 Г.**

Вид платежа	Объем платежей
Посошные деньги	161 р. 65 к.
Наместничий откуп	1 р. 59 к.
С оброчных лесов	3 р.
С сенных покосов	6 р. 88 к.
Всего	173 р. 12 к.

Источник: Сотная 1567 г. С. 160–177.

Таким образом, общий объем государственных и кормленых денежных податей и оброков посадских людей составлял 334 руб. 94 коп. в год. В среднем в 1567 г. на один посадский двор приходилось по 46

коп. прямых налогов, а на одного тяглеца – 41 коп. Уровень тяглой способности различных категорий дворов по отношению друг к другу составлял примерно следующее соотношение: 4 (добрые): к 2,7 (средние): к 1,6 (молотчие): к 1 (худые). Следовательно, с 50 лутчих дворов посадские люди платили такую же сумму, как и с 200 худых дворов. Правда, это соотношение каждый год менялось, т. к. «верстались все посадские люди в тех во всяких податех и в откупех сошного письма и во всяких в тех денежных оброках ежегод самим промеж себя по их животом и по промыслом». В целом в 60-е гг. XVI в. экономический потенциал посадской общины Устюжны Железопольской позволял выдержать налоговое бремя без существенного ущерба для внутреннего развития. Значительную часть посадского населения (42,1 %) составляли дворы добрых и средних людей. Это была торгово-ремесленная верхушка посада, которая оплачивала большую часть государственных податей²⁵.

В целом тяглая способность посада была очень высокая. Всего 53 посадских двора, или 7,4 %, которые принадлежали нищим и вдовам, не были включены в сошное письмо. Но и с этих дворов в счет сошного оклада посада брали по 6 коп. с двора «в их розметы в подмогу за пищальные, и за ямские, и за приметные, и за полоняничные деньги, и за наместнич откуп, и за иные за всякие подати» или «чем кого посадские люди обложат по их промыслишком и животишком»²⁶.

Через 30 лет ситуация изменилась кардинальным образом. В первую очередь это касалось объемов податей, поступающих в казну. К концу XVI в. в Устюжке Железопольской значительно сократилось не только количество податного посадского населения, но изменился уровень его тяглой способности. В 1597 г. писцы насчитали в городе всего 134 полнотяглых посадских двора – 7 средних и 127 молотчих. В число «убогих, бобыльских и вдов» были записаны 76 посадских дворов. Они в сошное письмо писцами «не положены для их убожества, скитаются по миру»²⁷.

Общий объем сошного письма посада был определен в 1 и 7/8 сохи. За 30 лет он уменьшился более чем в 5 раз. Многократное сокращение тяглого населения не оказало существенного влияния на уровень налогового бремени для посадского человека. Общий объем прямых податей в пересчете на 1 соху за это время вырос незначительно и составил, по подсчетам С. Б. Веселовского, около 30 руб.²⁸ Более того, по отдельным налогам, в силу обнищания посадского населения, произошло даже его сокращение. Так, в 1597 г. нормы платежей с одного посадского двора за пищальные деньги не изменились – 20 коп. с среднего двора и 12 коп. с молотчего двора. Но сократился

общий объем пищевых денег в расчете на 1 соху – в 1567 г. их приходилось более 10 руб., а в 1597 г. – менее 9 руб.

В целом посадский мир Устюжны Железопольской на протяжении всего XVI в., даже в последней его четверти, не испытывал чрезмерного, непосильного налогового бремени, что, невзирая на все неблагоприятные обстоятельства, позволило городу сохранить свой хозяйственный потенциал и своеобразие социально-экономического облика. Значительное запустение посада было вызвано иными причинами, в первую очередь всеобщим хозяйственным кризисом в стране и морозным поветрием в Устюжне.

Совершенно иной уровень взаимоотношений посада и государства в области налогообложения наблюдается в первой половине XVII в. В большей степени он был сведен к жесткому, зачастую непосильному по своим масштабам феодальному диктату со стороны государства. В этих условиях у посадского мира оставалось не так много возможностей для борьбы за свои права. Наиболее реальным (отвечающим в том числе и интересам государства) был путь борьбы за тягловцев. Но, несмотря на все усилия в борьбе с белыми слободами, для конкретного посадского человека закладничество или уход с посада оставались иногда единственным выходом. Это заставляло посадскую общину, несмотря ни на что, вести борьбу за самосохранение, т. е. снижение размеров податей и повинностей. Ее трудно назвать активной, скорее, посадские люди постоянно напоминали государству о непосильном бремени и обращали внимание правительства на последствия этой политики – запустение посада и желание посадских людей избавиться от тягла любой ценой.

В первой половине XVII в. основными постоянными податями посада были: прямая государева подать, стрелецкие деньги, ямские деньги, полоняночные деньги. Кроме того, взимались и чрезвычайные сборы – пятая деньга, десятая деньга.

Тяжелое финансовое положение страны в начале XVII в., прежде всего армии, заставляло правительство искать новые источники доходов. Особенно тяжело на положении посадских людей сказывались дополнительные чрезвычайные налоги, так называемые пятины. Они составляли 1/5 движимого имущества и взимались со всевозможных доходов – торгов, промыслов и т. д. Со временем из чрезвычайного этот налог превратился в регулярный и составлял 120–150 рублей с сохи²⁹.

В 1616 г. Земский собор принял решение об очередном, третьем по счету, сборе пятой деньги. Налог должны были собирать выборные представители местного населения, хотя в 1614 г. для сбора пятой деньги на места посылались представители центра. С. Б. Веселовский

связывает эту перемену с переходом к окладному обложению, т. е. к установлению заранее необходимой суммы сбора. Это было удобно как для казны (можно было определить размеры поступлений), так и для населения, которое получало выгоду «собирать деньги самим и не иметь дела с особыми сборщиками, что всегда обходилось ему дорого»³⁰.

Летом 1617 г. с посада Устюжны Железопольской земские целовальники собрали больше 426 руб. пятинных денег. Это, видимо, было меньше, чем полагалось по «розводу». Воевода в свое оправдание писал, что больше деньги взять не с кого, «многие посадские люди от скудости померли, а иные разбрелися»³¹.

Побеги посадских людей продолжались, несмотря на предпринимаемые властями меры. Они пытались избавляться от тягла даже таким крайним средством, как продажа собственного двора. Еще в мае 1614 г. в Устюжну пришла царская грамота с ответом на челобитье земских старост и распоряжением для воеводы. Челобитчики жаловались на то, что посадские люди продают свои тяглые двory и уходят с Устюжны, а им приходится за «те двory платить великие подати». Воеводе предписывалось следить, чтобы тяглые двory дворянам и детям боярским посадские люди не продавали, а «которые будут продавать им свои двory, чинить наказание»³².

На посадских людей возлагалось выполнение и различных тяглых служб – подводной повинности, постоянной повинности, постройка и ремонт городских укреплений (городовое дело), ямская повинность и т. д. Чрезвычайные сборы и повинности часто превышали по своим размерам прямые налоги.

В первой половине XVII в. тяжелой ношей на посадское население ложились различные повинности, в первую очередь ямская (подводная).

Когда появился ям в Устюжне, неизвестно. Видимо, в конце первой половины XVI в. В 1560-е гг. в городе, на реке на Вороже, уже был большой ямской двор – «а на дворе хором, 2 избы да 2 сеника, а около двора тын дубов, а ворота тцаные, а живут в нем дворники ямские». Вдоль реки Ворожи и ямского двора тянулась довольно большая, в 20 дворов. Ямская улица³³.

О степени тяжести этой повинности для посадских людей говорят некоторые данные о числе проезжающих через Устюжну Железопольскую «государевых людей». Н. П. Воскобойникова в «Описании древнейших документов архивов Московских приказов» за XVI – начало XVII в. приводит данные о более 250 списках с подорожных грамот за 1606 – 1628 гг., выданных в Ямском приказе³⁴. Из них третья часть (85

грамот) дана для проезда из Устюжны или в Устюжну. Это не считая тех, что даны через Устюжну, в Тихвин, к шведскому рубежу и т. д.

А. М. Гневушев опубликовал 48 подорожных, относящихся к 1606 – 1608 гг.³⁵ Абсолютное большинство из них – 41 – имеет отношение к Устюжне. Количество подвод или саней, требуемых для проезда государевых людей, различно – от 1 до 32. Большая часть подорожных грамот – около 75 % – была на 1 или 2 подводы, но встречаются подорожные на 4 (3 случая), 6 (1 случай), 8 (2 случая), 11 (2 случая), 12 (1 случай), 17 (1 случай) и 32 (1 случай) подводы. Наибольшее количество подвод требовалось на транспортировку из Устюжны государственных заказов в Москву или перевозку «колодников», т. е. заключенных. Так, в феврале 1607 г. кузнецу Михаилу Олферьеву и устюжскому «розсылщику» Трешке Ярославкину от Устюжны до Москвы потребовалось 11 подвод под ядра; а в марте 1608 г. Самойло Микулин на Устюжне «взял под ядра и подсобя 32 подводы». Летом 1608 г. Елизарию Онаньину требовалось 17 подвод с проводниками: 2 – для себя, а 15 – «под колодников под 30 человек, 2 человеком подводой с телегами да проводника»³⁶. При этом надо иметь в виду, что в большинстве случаев подорожные были «в обе стороны», а кроме подвод, посадку приходилось в ряде случаев в обязательном порядке выделять проводников.

О размерах тяглого бремени, связанного с выполнением посадом ямской (подводной) повинности, говорят следующие факты. На Устюжне, видимо, в 1614 или 1615 г. был организован ям «для посольских скорых гонцов и посланников», где стояли ямщики из Ярославля (15 подвод), Кинешмы, Романова и Сухорского яма (15 подвод). Но вскоре они разбежались, и посадским людям пришлось нанимать подводы под гонцов и казну за свой счет. Осенью и зимой 1616/17 г. найм одной подводой у крестьян до Тихвина стоил 40 алтын (1 руб. 20 коп.), а до Острошка – 1 руб. 50 коп. Так, за сентябрь – декабрь 1616 г. они наняли до Тихвина 80 подвод, а за январь 1617 г. – 44 подводы, уже по 1 руб. 50 коп. за подводой. Таким образом, за несколько месяцев 1616 и 1617 гг. убытков у посада было свыше 250 руб. Это более чем в 5 раз превышало размер всех прямых податей с посада. В этот период с посада собирали еще казачьи хлебные запасы для Тихвина и кормили посольских лошадей. Непомерное бремя только усиливало обнищание и разорение посадских людей, многие из которых, как писали они в своих челобитных, «стоят на правеже», а остальные от того «правежу» «бредут розно»³⁷.

Постоянный налоговый пресс и значительный рост податей и особенно повинностей создавали напряжение во взаимоотношениях посадского мира с государством или посадского мира с беломестцами и

тарханщиками. Он повышал социальное напряжение и внутри посадской общины. Главным источником противоречий стала борьба за социально справедливое распределение налогов.

Весной 1615 г. внутри посадской общины произошел серьезный конфликт между зажиточной посадской торговой верхушкой и молотчими людьми, в который вынужден был вмешаться воевода. В 1614/15 г. в Устюжну Железопольскую приехал Михайло Пушкин собирать «зборные деньги». Это был чрезвычайный 20-процентный налог, который не брался с молотчих людей. Социальный статус определялся по поперстному окладу. Земские старосты и целовальники жаловались на то, что «мелкие» посадские люди в поперстном окладе в книгах проведены дешево, после оклада у них объявились торги и промыслы. В одностороннем порядке, без решения посадской общины земские власти произвели перераспределение поперстных окладов молодшим людям, что вызвало настоящий бунт. Как писали земские целовальники, «те мелкие люди завели на Устюжне казачий быт, всех черных людей привели к вере – знаменовались образом – и учинили заговор на том, что им земских целовальников не слушать и в те торговые расходы по сыскному верстанью не платить и на правеж друг друга не дати». Они пошли на земских целовальников и на всех лучших людей «скопом, и заговором, и шумом великим» и хотели побить насмерть. При этом молотчие люди не отказывались платить свои налоги, они выступали против несправедливого перераспределения тягла.

После того, как М. Пушкин, собрав «зборные деньги», уехал в Москву, земские целовальники Ивашко Ховроньин и Ивашко Дарьин и земской дьячок Фочка с товарищи, «умысля воровством с прожиточными людьми», попытались часть своих расходов переложить на молотчих людей, поставив их на правеж. Пришлось вмешаться воеводе. Он обязан был пресекать любые беспорядки – виновных людей «имать, бить батогами и сажать в тюрьму до указа»³⁸.

Окончание Смуты требовало от правительства иных методов взаимоотношений центральной власти с тяглым населением. Вопрос обсуждался на самом высоком уровне – Земском соборе 1619 г. Для выяснения действительного состояния дел с мест в Москву приглашались выборные люди. От Устюжны было «велено выбрать из духовного чину человека или двух, а из детей боярских и из посадских людей по 2 человека, добрых и разумных, которые умели бы рассказать обиды и насильства и разорение»³⁹. Собор принял ряд решений в области внутренней политики. Главным образом они относились к налогообложению и затрагивали интересы казны. Единовременные сборы запросных и пятинных денег, взимавшиеся наряду с другими налогами, не могли стать постоянным источником средств для казны. Они

только разоряли население. Для определения реальной базы налогообложения, т. е. численности посадского населения и его способности нести тягло, было решено провести новую перепись. В города, разоренные в Смуту, посылали дозорщиков, в остальные – писцов. Особое внимание при этом обращалось на усиленное для посадских людей налогообложение.

В 1619 г. посад Устюжны Железопольской дозирали Филат Маслов и подьячий Матвей Лужин⁴⁰. Результаты этого дозора не могут не вызывать удивления. В городе оказалось только 16 тяглых посадских дворов, в которых жил 31 человек. Кроме них, в число посадских были записаны 27 бобыльских дворов, 45 человек, но они в сошное письмо положены не были. Со времени прежнего дозора, который был в 1614 г., запустили 30 дворов и 8 мест дворовых – «а посадские люди ис тех дворов сошли безвесно, а иные померли». Посад был положен в сошное письмо в полчети сохи, т. е. в 100 четвертей. Всех денежных доходов, которые шли с посадских людей Устюжны Железопольской, было 44 руб. 63 коп.⁴¹ Таким образом, по итогам дозора 1619 г. приходилось 2 руб. 79 коп. на один тяглый посадский двор и 1 руб. 44 коп. на 1 человека прямых податей на год. Это по сравнению с концом XVI в. не менее чем четырех- или пятикратный рост на один двор. В пересчете на 1 соху рост также значителен: более чем в 2,5 раза – с 30 руб. до 73 руб. 61 коп.⁴²

Значительная убыль посадского населения явилась прямым следствием непомерного тяглого бремени, обрушившегося на посад. Главная задача дозоров 1619 г. – установить справедливое налогообложение (по крайней мере, относительно Устюжны) – не была выполнена. Новый посошный оклад никак нельзя отнести к числу тех, которые способствовали бы увеличению численности посадского населения.

Постоянный рост налогового бремени оказывал влияние на уровень социального напряжения среди посадских людей. В ноябре 1625 г. внутри посадского мира возник очередной конфликт. Его причиной стал расклад податей на новый 134 (1625/26) г. Земский целовальник Васька Пестов с товарищами (12 человек) отказались подписать окладные книги, так как их «окладывают без сыску не по их животам», посчитав, видимо, завышенным свой податной оклад. Кроме того, пользуясь служебным положением, они препятствовали окладчикам «податей и писцам на корм и в мирские расходы по тем книгам збирати не велят и грозят им продажи и поклепные иски». Конфликт вышел за пределы посада, в него пришлось вмешаться правительству и местной администрации. Правительство возложило контроль за исполнением решений земских властей по «розводу» податей на воеводу. Ему предписывалось «велеть земским целовальникам и окладчи-

кам посадских людей окладывать по их мировому выбору и по окладным книгам вправду по нашему крестному целованию, не боясь никого, чтоб никто в избытых, не был, а лишних бы податей ни на ково, будет кому платити невозможно, не клали». Особо решался вопрос с главным бунтовщиком – «а Ваське Пестову за его непослушание велел бити батоги да посадить в тюрьму на неделю, чтоб, на то смотря, иным неповадно было так дуровать»⁴³.

За 7 лет, с 1619 до 1626 г., число полнотяглых посадских дворов увеличилось более чем в 11 раз – с 16 до 178, а тяглых людей – более чем в 8 раз – с 31 до 254. Кардинальное увеличение числа посадских тяглецов стало результатом настойчивой борьбы посадского мира за свои права и организационных мер правительства и местной администрации. По государеву указу от 5 августа 1623 г. все дворы, не принадлежащие посацким людям, но стоящие на посадской земле, переводились в число тяглых, а запустевшие дворы отдавались как тяглые посацким же людям⁴⁴.

В значительной степени изменился и социальный состав посадского населения. В числе посадских людей появились «лутчие» люди – 12 дворов (21 человек), средние – 15 дворов (23 человека). улучшилось материальное положение части беднейших слоев посада – 69 дворов молотчих посадских людей (91 человек), «которые государева тягла не тянули», стали полнотяглыми посадскими дворами, хотя большая часть дворов этой категории все еще оставалась за пределами сошного оклада – 100 молотчих дворов посадских людей «в государево тягло не положены для их бедности»⁴⁵.

При столь значительном повышении количества и качества тяглового посадского населения размер сошного оклада посада увеличился только в 2 раза – со 100 четвертей до 200 четвертей. Соответственно и в денежном выражении выросли прямые подати в 2 раза, с 44 руб. 63 коп. до 89 руб. 56 коп.⁴⁶, т. е. буквально за несколько лет реальные размеры тягла, приходящиеся на один двор и одного тяглеца, резко сократились и достигли уровня конца XVI в.

Несмотря на это, сразу же после описания города посадские люди стали жаловаться на непомерный сошный оклад – «ни в которых городах твоих государевых такая великия нужи и бедности нет»⁴⁷. Он, как оказалось после описания, действительно был чрезмерным и значительно превышал сошные оклады многих более крупных городов вместе взятых. Как писали посадские люди в своих челобитных, в 1625/26 г., когда писали и меряли посад Устюжны Железопольской писцы Иван Кутузов да подьячий Посник Трофимов, они «по недружбе положили в тягло в 200 чети, больши 7-ми городов: Углича, Твери, Кашина, Городецка, Торшка, Лук Великих, Дмитрова».

Волей или неволей, посадку приходилось нести это бремя. Результат такой податной политики был заранее предсказуем. По словам посадских людей, они от такого «немернова окладу и от правежу, и в тюрьме сидя, и от московские волокиты вконец погибли, и многие розно розбрелися, и помирают напрасно голодную смертью». Из челобитной в челобитную посадские люди повторяли одну и ту же просьбу – «збавить и поверстать хотя против коева ни есть аднаво города, чтоб твой государев и достоль город не запустел, а нам бы, сиротам твоим, в тюрьме сидя и на правеже стоя, голодную напрасно смертью не помереть и замученым не быть»⁴⁸. Несмотря на очевидную несправедливость, посадскому миру так и не удалось добиться снижения сошного оклада. Посад платил «на всякой год пущи пятые деньги, со 134-го (1625/26) году да по 150-й (1641/42) год против девяти городов»⁴⁹.

Во второй четверти XVII в. произошел не только количественный рост налогов, чрезвычайных сборов и повинностей. Существенно изменились принципы налогообложения. В начале 30-х гг. XVII в. в земельную систему оклада была введена существенная поправка – «живущая четверть». С этого времени, как правило, все новые срочные сборы собирались подворно. Это подготовило переход к подворному обложению, вытеснившему старое сошное письмо. Оно позволило привлечь к тяглу новые разряды плательщиков. В условиях усиления централизации государственной власти во всех сферах, особенно на местах, подворная подать была «более доступна непосредственному контролю администрации и могла быть изъята из ведения автономной областной раскладочной организации»⁵⁰.

С конца 30-х гг. XVII в. правительство широко начинает вводить подворное обложение в денежной форме. Так, в декабре 1637 г. пришла грамота воеводе Ивану Елизарову о сборе денег ратным людям для войны с Крымским ханством. Размер налога был чрезвычайно высоким и срочным – «с двора по 2 рубли собрать тотчас, а собирали бы есте те деньги с дворов розвыта промеж себя, чтоб бедным людем перед прожиточными людьми тягости не было». На владельческих крестьян накладывалась своего рода рекрутская повинность. Со светских владений с 20 дворов – одного ратного человека, с монастырей, в зависимости от размеров владений, с 10 дворов – одного даточного человека или 4 лошади под ратных людей⁵¹.

В 1638 – 1639 гг. был проведен «подымный сбор», с дворовладельцев взимались и пятинные деньги. В середине XVII в. на подворное обложение было переведено взимание полоняничных денег⁵².

Были еще обстоятельства, которые с течением времени постоянно усиливали налоговое бремя посадских людей. Во-первых, во второй четверти XVII в. идет дальнейшее увеличение размеров сошных пла-

тежей. В Устюжне Железопольской за период с 1626 по 1646 г. при сошном окладе в 200 четвертей они выросли почти в 4 раза – с 89 руб 56 коп. до 326 руб. 64 коп. Во-вторых, что было, видимо, более существенно, по размеру сошного оклада в первой половине XVII в. рассчитывались все остальные сборы и повинности. Поэтому важнейшим показателем, который определял степень или уровень тяглого бремени было количество дворов, приходящихся на единицу сошного письма. В Устюжне Железопольской этот показатель для второй четверти XVII в. составлял от 1,4 до 3 дворов на 1 четверть, значительно превышая средние устоявшиеся нормы (см. табл. 3).

Таким образом, сформировавшаяся во второй четверти XVII в. система налогообложения со всей тяжестью обрушилась на платежеспособные слои населения города

Все это неизбежно вело к убыли посадского населения, побег оставался единственным способом избавиться, хоть временно, от тягла. Между 1626 и 1634 гг. с посада разбежались «против сотные Иван Кутузова да подычего Постника Трофимова 118 дворов», т. е. почти половина посада. По указанию воеводы, лучшие посадские люди разошлись в Спасскую слободу, что против Романова на Волге, в Кострому и Нижний, а молотчие – по другим городам⁵³.

Только в 1645 г., через 20 лет непрерывных напоминаний и жалоб с посада по государеву указу было «збавлено» 50 четей. Это уменьшение кардинально не изменило податную ситуацию для посадских людей Устюжны Железопольской. Теперь они платили «всякие государевы подати со 150 чети против шти городов: Твери, Углича, Торшку, Кашина, Лук Великих, Бежецково Верху посадов»⁵⁴.

Накануне посадской реформы, видимо в конце лета 1648 г., согласно царскому указу, велено было посадским людям «подавать челобитные и росписи о своих нуждах, что которому городу нужна и обида». В сентябре 1648 г. выборные от посадских людей Устюжны Васка Игнатъев и Еуфимка Степанов были уже в Москве и подали Алексею Михайловичу очередную челобитную.

За несколько лет, до конца 1648 г., их было более 30. В челобитных посадские люди подробно описывали свое положение и повторяли одну и ту же просьбу – уменьшить размер сошного оклада. Посадские люди, зачастую эмоционально, пытались апеллировать к здравому смыслу правительства. Приведем выдержки наиболее важных аргументов из посадских челобитных. Во-первых, от такого «великого немалого окладу посадские людишка розно розбредилися, а мы, государь достальные людишка, против всех шти городов платили тебе, государю, с того большого окладу деньги, займуючи в кабалы по вся годь и закладывая дворишка свои и животишка из великих понеделень»

ростов. И ныне, государь, и достальные людишка по закладным кабалам дворишка свои отказывают и бредут розно от такого великого немерного оклада и некупных долгов».

Во-вторых, несмотря ни на что, посадские люди платили и при этих обстоятельствах все подати. Но, какие! «На всякой год пуци пятые деньги, со 134-го году да по 150-й год против девяти городов... и со 151-го году... против шти городов и больши, а не стоим мы, сироты твои, адново города Углича или Торшка ни доли, ни трети».

При сохранении размеров сошного письма перспектив у посада, кроме долгов, кабалы, обнищания и усиливающихся побегов, по мнению посадских людей, нет. Они настоятельно просили «збавить и поверстать хотя против коева ни есть адново города, чтоб твой государев и достоль город не запустел, а нам бы, сиротам твоим, в тюрьме сидя и на правеже стоя, голодную напрасную смертью не помереть и замученым не быть... и чтоб нам, бедным, с кручины самим на себя рук не поднять»⁵⁵.

Действительно, понять логику писцов, определявших размер сошного письма, а тем более многолетнее отсутствие реакции правительства на столь очевидную несправедливость невозможно. Таблица 3 дает наглядное представление о размерах налогового бремени Устюжны Железопольской на фоне других городов.

Таблица 3

**РАЗМЕРЫ СОШНОГО И ДЕНЕЖНОГО ОКЛАДА РЯДА ГОРОДОВ
ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.**

Город	Год	Тяг- лых дво- ров	Сошный оклад*		Денежный оклад*	
			всего	дв. на 1 ч.	всего	на 1 двор
Устюжна Железополь- ская	1626	278	200 ч.	1,4	89 р. 56 к.	50 к.
	1646	300	150 ч.	2	326 р. 64 к.	1 р. 09 к.
	1650	332	100 ч.	3,3	217 р. 76 к.	66 к.
Бежецкий Верх	1646	162	15,125 ч.	10,5	62 р. 06 к.	38 к.
Кашин	1646	258	25 ч.	10,33	54 р. 41 к.	21 к.
Луки Великие	1646	180	12,125 ч.	14,5	42 р. 20 к.	23 к.
Тверь	1646	345	27 ч.	12,75	63 р. 98 к.	19 к.
Торжок	1646	476	30,3 ч.	15,5	69 р. 21 к.	15 к.
Углич	1646	447	33,33 ч.	13,5	99 р. 12 к.	22 к.
Итого по шести городам	1646	1868	142,75	13,1	390 р. 98 к.	21 к.
	1650	1868	192,75	9,7	499 р. 86 к.	27 к.

Источник: АПД. Т. 2. Вып. 2. № 86. С. 224-226.

Примечание: * расчетные данные сошного оклада и размеры денежного окладов в ряде случаев округлены.

Простой сравнительный анализ показывает, что на 1646 г. суммарная численность посадских дворов шести городов более чем в 6 раз превышает количество посадских дворов в Устюжне, 1868 против 300. притом, что четвертной живущей пашни в Устюжне больше – 150 четвертей против 143 четей без четверика. Если в Устюжне на 1 четверть сошного письма после его снижения с 200 до 150 четвертей приходилось 2 посадских двора, то в данных городах в 5 – 8 раз больше, т. е. от 10 до 15,5 двора. Только суммарные денежные платежи 6 городов были несколько выше – около 391 руб. против 326 руб.

Таким образом, в среднем каждый устюженский посадский двор с 1626 по 1641 г. включительно был обложен государственными податями (а следовательно, и повинностями) почти в 10 раз, а с 1642 по 1645 г. в 6,5 раза тяжелее, чем 1 посадский двор в вышеназванных городах.

В августе 1650 г. сошный оклад посада был уменьшен со 150 до 100 четей. В денежном выражении снижение составило более 108 руб. или 36 коп. на 1 двор. Уменьшились соответственно и размеры некоторых податей. Так, размер оброчных, пищальных и кормовых денег был сокращен на треть и равнялся 7 руб. 70,5 коп., сокращения составили всего 3 руб. 85 коп. Остальные «всякие доходы и оброчные деньги устюженцом, посацким людем», необходимо было платить «по прежнему окладу против писцовых книг». Снятые с Устюжны 50 четей сошного оклада и 3 руб. 85 коп. денежных платежей разложили на шесть городов⁵⁶. Повышение размера платежей на один тяглый двор в этих городах в среднем составило 6 коп.

Почему с Устюжны было сбавлено такое количество сошного оклада, именно 50 четей, а не больше или меньше, и положено по 3 двора на четь, когда в других городах на четь приходилось более 10 – 15 дворов, понять невозможно. Из доклада Устюжской Чети видно, что устюженцы в сошном окладе и в платежах действительно были очень «утяжелены» перед другими городами, но все приказные выкладки оказались совершенно ни при чем. Сама сбавка, по словам С. Б. Веселовского, и ее размер имеют вид простой подачи докучливым челобитчикам, сделанной на глаз⁵⁷.

Однако важно не только констатировать отсутствие какой-либо здоровой государственной налоговой политики по отношению к городам, но и оценить ее последствия для социально-экономического развития, в частности Устюжны Железопольской, в первой половине XVII в.

На протяжении XVI – первой половины XVII в. идет неуклонный рост тяжести податей и повинностей посадских людей Устюжны Железопольской. В пересчете на одну соху динамика этого роста выглядит по самым общим и далеко не полным данным следующим образом.

В 1567 г. вместе с платежами в пользу старицы Александры посадские люди платили с 1 сохи примерно 26 рублей. К концу XVI в. платежи составляли уже около 30 рублей. Однако значительный рост, почти в 2,5 раза, произошел только в первой четверти XVII в. В 1626 г. в пересчете на 1 соху посадским людям Устюжны Железопольской приходилось платить 73 руб. 63 коп.⁵⁸ За вторую четверть XVII в. платежи устюжан выросли еще более чем в 4 раза. С 1626 по 1646 г. их общий размер увеличился с 89 руб. 56 коп. до 326 руб. 64 коп., т. е. в 3,6 раза, притом, что сошный оклад сократился на четверть, с 200 до 150 четвертей. Таким образом, с 60-х гг. XVI в. до середины XVII в. относительный рост прямой сошной подати посадских людей Устюжны Железопольской существенно превысил десятикратный размер.

В отдельные периоды наблюдался значительный рост прямых налогов в расчете на 1 тяглый посадский двор и 1 тяглого посадского человека.

Таблица 4

**РАЗМЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЯГЛА ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
УСТЮЖНЫ ЖЕЛЕЗОПОЛЬСКОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

Год	Общий объем налогов	Тяглое пос. население*		Размер тягла	
		дворов	людей	на 1 двор	на 1 чел.
1567	334 р. 92 к.	713	811	47 к.	41 к.
1597	67 р. 08 к.	134	258	50 к.**	26 к.**
1619	44 р. 64 к.	16	31	2 р. 79 к.	1 р. 44 к.
1626	89 р. 56 к.	178	254	50 к.	35 к.
1646	326 р. 64 к.	300	-	1 р. 09 к.	-
1650	217 р. 76 к.	332***	-	66 к.	-

Источники: Сотная 1567 г. С. 160–162, 164, 166–169, 174–177; Сотная 1597 г. С. 156–157; Сотная 1626 г. Л. 204–215; АПД Т. 1. № 83. С. 109; Т. 2. Вып. 1. № 24. С. 54–57. Вып. 2. № 83–87. С. 218–226; 1626 г. – Роспись перечневая... С. 104–106.

Примечания:

* в таблице указаны только полнотяглые посадские дворы и числящиеся в них люди, положенные писцами в сошное лисьмо;

** размер тягла в расчете на 1 двор и на 1 человека были выше. Неизвестен размер ямских денег взимаемых с посада;

*** количество тяглых дворов неизвестно. взяты данные за 1649 г.

За период с середины XVI до первой половины XVII в. устойчивого и прямолинейного роста такой подати, как посошные деньги, не наблюдалось, что вполне объяснимо. В первой половине XVII в. основная доля тягла приходилась на различного рода чрезвычайные посошные или подворные сборы и повинности. Надо иметь в виду, что зачастую один единовременный чрезвычайный налог с одного посад-

ского двора мог значительно превышать годовую сумму прямых податей. Так, летом 1617 г. с посада Устюжны Железопольской земские целовальники собрали огромную сумму – больше 426 руб. пятинных денег, а в конце 1637 г. для войны с Крымским ханством с каждого посадского двора было взято по 2 рубля.

По наблюдениям Е. Д. Сташевского, в Московском государстве к середине XVII в. «обложение было доведено до предела тяглоспособности и дальнейшее повышение налогов могло снова вызвать ряд экономических потрясений в народном и государственном организме»⁵⁹. Яркой иллюстрацией этого положения служит пример Устюжны Железопольской.

По мнению С. Б. Веселовского, право привлекать в тягло всех людей, независимо от их юридической принадлежности к посадскому миру, провозглашенное еще в XVI в., вырабатывается с течением времени в более широкое правило. Оно перерастает в правило тягла по посадскому промыслу – все, кто промышляет и торгует на посаде, независимо от того, на какой земле они живут, обязаны тянуть тягло с посадом. Не желающие вступить в посадское тягло должны прекратить свои торги и промыслы и продать свою недвижимость тяглым людям. Введение этого правила посадские люди настойчиво добивались в силу значительного роста налогового бремени. Правительство, по мере правового и хозяйственного обособления посадов от уездов, не могло не признавать основательности этих требований и шло им навстречу⁶⁰. Но это движение было направлено не в сторону посада, а в сторону интересов казны, что часто подрывало экономический потенциал тех городов, где преобладало посадское население.

Конкретная податная политика в отношении Устюжны Железопольской, крупного торгово-промышленного города-посада, игравшего заметную роль в экономическом развитии России XVI – XVII вв., ее формы и методы противоречили и подавляли элементарные законы экономического развития, присущие любому уровню товарно-денежных отношений. Непомерное государственное тягло, круговая порука внутри посадской общины лишали часть посадского населения, особенно тех, кто был ориентирован на рынок, смысла хозяйственной деятельности. В этих условиях посадский мир на уровне инстинкта самосохранения боролся за увеличение числа тяглецов, все более настоятельно требуя от государства признания своей монополии на промыслы и торги, т. е. ликвидации белых слобод, что государство в конце концов и сделало, но типичными для феодального общества методами принуждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее важные работы в этой области принадлежат А. С. Лаппо-Данилевскому, Н. А. Рожкову, В. Седашеву, С. Б. Веселовскому, Ю. В. Готье, А. Ц. Мерзону, Ю. С. Васильеву, Л. В. Милову, М. Б. Булгакову и И. М. Гарасковой. См.: Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения Московского государства со времени смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1 – 2. М., 1915 – 1916; Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937; Мерзон А. Ц. Писцовые и переписные книги XV – XVII вв. М., 1956; Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гараскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986; Павлов-Сильванский В. П. Писцовые книги России XVI в. М., 1991; Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. СПб., 1999; и др.

² 1567 г. – Сотная с книг И. И. Плещеева и Григория Зубатово Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской. Публикация Ю. С. Васильева и Н. П. Воскобойниковой // Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981. С. 136 – 177 (далее – Сотная 1567 г.).

³ Сотная с писцовых книг Д. Г. Бельского на посад Устюжны Железопольской 1597 г. Публикация Н. П. Воскобойниковой и П. А. Колесникова // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 130 – 158 (далее – Сотная 1597 г.).

⁴ Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН (г. С.-Петербург). Ф. 111. Д. 116 (далее – Сотная 1626 г.).

⁵ Перечневая роспись опубликована дважды. Первый раз – С. Б. Веселовским. См.: АПД. Т. 2. Вып. 1. М., 1917. № 24; Вторая публикация принадлежит П. А. Колесникову. См.: 1626 г. – Роспись перечневая, что на Устюжне в остроге и за острогом по новому писму Ивана Кутузова да подячево Посника Трофимова в живущем сошного писма и что посадских людей и что с них государевых четвертных всяких денежных доходов. Публикация П. А. Колесникова // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. Вологда, 1985 (далее – Роспись перечневая ...).

⁶ РГАДА. Ф. 137 (Городовые книги разрядного приказа). Кн. № 1; Акты писцового дела (1644 – 1661 гг.). М., 1977. № 83 – 87 и др. С. 218 – 227.

⁷ Источниковедческий обзор материалов писцового делопроизводства по Устюжне дан в статье «Устюжна Железопольская в XVI – первой половине XVII в.» См.: Пугач И. В. Устюжна Железопольская в XVI – первой половине XVII в.» // Устюжна Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда. 2002. С. 13 – 15, 75 – 77.

⁸ Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1919. Т. 1. Вып. 2. С. 346. Таблица.

⁹ О структуре населения Устюжны Железопольской XVI – XVII вв. см.: Пугач И. В. Устюжна Железопольская в XVI – XVII веках // Устюжна. Краеведческий альманах Вып. 5. Вологда, 2002. С. 44 – 53.

¹⁰ ААЭ. Т. 3. № 138. С. 194, 195.

¹¹ Веселовский С. Б. Сошное письмо... Т. 2. С. 283.

¹² Веселовский С. Б. Сошное письмо... Т. 1. С. 371.

¹³ В 1567 г. земскими целовальниками были Степанко Андреев сын Копник, Власко Якимов сын Малой, Федька Онисимов, Куземка Семенов сын Ржавой, Васюк Сихин и Михал Костин сын Судоков с товарищи. См.: Сотная 1567 г. С. 146

¹⁴ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 187. На 1613/14 финансовый год все посадские люди выбрали в земские целовальники Ивашка Данилова с товарищи - 10 человек, «а те де люди у них добрые и посадскими людьми их наряжати, а им всем посадцим людям их слушати».

¹⁵ ААЭ. Т. 3. № 37.

¹⁶ АИСЗР. Т. 2. С. 25.

¹⁷ См.: Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI – первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 65–70.

¹⁸ Сотная 1567 г. С. 160. Нормы посадской дворовой сохи, выработанные в 60-е гг. XVI в., действовали и в первой половине XVII в. В сошное письмо дворы клали по «лучшим и по прожиткам, и по торгам, и по промыслам». Так, в 1623 г. в соху клали 30–40 лучших дворов, 50–60 средних, 70–80 молодых, 100–120 худых. Те, кто не попадал в эти категории, т. е. обедневшие, облагались оброком. См.: Веселовский С. Б. Посадская соха в первой половине XVII в. // ЖМНП. Ч. XXVII (май). СПб., 1910. С. 27, 38.

¹⁹ Это была, как считает Г. В. Абрамович, самая тяжелая подать. В 1588 г. она взималась в размере от 15 до 36 коп. с двора. См.: Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI – первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 83.

²⁰ Сотная 1567 г. С. 160.

²¹ Сотная 1567 г. С. 166.

²² Сотная 1567 г. С. 164.

²³ *Старица Александра* – в миру княгиня Палецкая Юлиания (Ульяна) Дмитриевна жена Юрия Васильевича, младшего брата Ивана Грозного. После смерти мужа в 1563 г. постриглась в Новодевичий монастырь. Последние годы жизни провела в Воскресенском Горицком монастыре. В 1569 г. по распоряжению Ивана IV казнена. По преданию утоплена в реке Шексне вместе с княгиней Евфросинией Андреевной Хованской, основательницей Горицкий монастырь, матерью опального старицкого князя Владимира Андреевича.

²⁴ Перечисленные подати входили в состав суммы, определенной сошным окладом. Об этом прямо говорится в сотной, когда речь идет о налогообложении беднейших слоев посадских людей: «...в то ж в сошное писмо в 10 сох с полутретью в их розметы: за подмогу за пищальные, и за ямские, и за приметные, и за полоняничные деньги, и за наместнич откуп, и за всякие подати». См.: Сотная 1567 г. С. 161–162.

²⁵ О значимости для государства таких категорий посадских людей, как лутчие и средние, говорит уровень их юридической защищенности. Судебник 1550 г. (статья 26) оценивает социальный статус средних людей в 5 раз выше, чем молотчих людей. См. Российское законодательство. Т. 2. С. 101, 138.

²⁶ Сотная 1567 г. С. 161–162.

²⁷ Сотная 1597 г. С. 156–157.

²⁸ Веселовский С. Б. Сошное письмо... Т. 1. С. 152.

²⁹ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909.

³⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов... С. 62. Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 66.

³¹ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 256.

³² Там же. Л. 151, 152.

³³ Сотная 1567 г. С. 147, 152.

³⁴ Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов Московских приказов. XVI – начало XVII в. М., 1994. С. 223 – 247. Это описание одного из дел Ямского приказа. РГАДА. Ф. 141. 1606 г. № 1. Л. 1 – 247. Начало этого дела (л. 1 – 40) опубликовано. См.: Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. № 53. С. 60 – 64.

³⁵ Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. № 53. С. 60 – 64.

³⁶ Там же. С. 62.

³⁷ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 237 – 244.

³⁸ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 184 – 189 об.

³⁹ Акты, относящиеся к истории Земских Соборов. М., 1909. С. 19.

- ⁴⁰ Итоговые результаты дозора сохранились в Перечневой росписи 1626 г. См. прим. 5.
- ⁴¹ 1626 г. – Роспись перечневая... С. 104.
- ⁴² Веселовский С. Б. Сошное письмо... Т. 1. С. 152.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 774 об. – 776 об.
- ⁴⁴ РИБ. Т. 35. № 318. С. 569, 570.
- ⁴⁵ Роспись перечневая 1626 г. С. 104.
- ⁴⁶ Там же. С. 104, 105.
- ⁴⁷ Продолжали расти и другие подати. С 1622 г. государство ввело налог, который получил название «стрелецкие хлебные запасы». Он взимался как хлебом – 100 четвертей с сохи, так и деньгами – в Поморье по 100 – 200 рублей с сохи. В начале 40-х годов XVII в. вклад был значительно повышен и доходил до 672 рублей на соху. См.: Веселовский С. Б. Сошное письмо... Т. 1. С. 175–185.
- ⁴⁸ АПД. Т. 2. Вып. 2. № 85. С. 222–224.
- ⁴⁹ АПД. Т. 2. Вып. 2. № 85. С. 222.
- ⁵⁰ Милюков П. Н. Спорные вопросы... С. 124.
- ⁵¹ ААЭ. Т. 3. № 275. С. 419.
- ⁵² Чистякова Е. В. Городские восстания... С. 40.
- ⁵³ Смирнов П. П. Города Московского государства... Т. 1. Вып. 2. Киев, 1919. С. 97.
- ⁵⁴ ААЭ. Т. 3. № 86. С. 224.
- ⁵⁵ АПД. Т. 2. Вып. 2. № 84, № 85. С. 221 – 224.
- ⁵⁶ Там же. № 87. С. 226.
- ⁵⁷ Веселовский С. Б. Сошное письмо... Т. 2. С. 318. Примерно такая же, а временами и более тяжелая ситуация, была у посадских людей Вязьмы. Размер оклада у них составлял 1,5 двора на четверть. Только в 1648 г. они добились его снижения до 4 дворов на 1 четверть. См.: Там же. С. 328–329.
- ⁵⁸ Веселовский С. Б. Сошное письмо... Т. 1. С. 152. Темпы роста отдельных видов податей были различны. За этот же период размеры пищальных денег в пересчете на 1 соху выросли более чем в 3 раза, с 10 до 32 руб. (8 руб. с четверти сохи). Для сравнения: в Белозерье в 1618 г. они составляли 11 руб. 60 коп. с сохи, а в Верее в 1614 г. – всего 1 руб. 20 коп. с сохи. См.: Веселовский С. Б. Сошное письмо... Т. 1. С. 147.
- ⁵⁹ Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. С. 387.
- ⁶⁰ Веселовский С. Б. Сошное письмо... Т. 2. С. 284.

**ДОЗОРНАЯ КНИГА ВОЛОГОДСКОГО УЕЗДА
КНЯЗЯ ПЕТРА БОРИСОВИЧА ВОЛКОНСКОГО
И ПОДЪЯЧЕГО ЛЕОНТИЯ СОФОНОВА 1616/17 ГОДА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Дозорные книги представляют собой особый документальный тип писцового делопроизводства, и их важность трудно переоценить. Приближаясь по форме и содержанию к писцовым книгам, дозорные книги обладают рядом специфических черт, отличающих их от каких-либо других форм земельного кадастра. Прежде всего специфика проявляется в целях создания этого источника. Если писцовые описания уездов страны (валовое письмо) проводились, так сказать, «планово», с расчетом длительного использования результатов письма в фискальных и иных целях государства, то дозоры имели задачей сжатый по срокам учет положения дел на местах, выяснение реальной платежеспособности населения для оперативной корректировки налоговой политики. Практически все дозоры носили экстраординарный характер и производились в условиях или сразу после глубоких социально-экономических и политических кризисов. Это, безусловно, накладывало отпечаток на саму процедуру описательных работ, проводившихся по упрощенному образцу. Другое отличие дозоров от писцовых описаний состоит в том, что дозоры инициировались преимущественно не государством, а заинтересованными в изменении налогового бремени (естественно, в сторону облегчения) различными корпоративными организациями (крестьянской общиной – волостью, посадским миром, служилым «городом», монастырем или местной кафедрой) и даже отдельными лицами (помещиками и вотчинниками). Отсюда, дозоры имели в отличие от писцовых работ более подвижные территориальные рамки – от целого уезда до более-менее крупного поместья или вотчины).

Исследователи в своих работах к дозорным книгам обращались реже, чем, скажем, к писцовым, поскольку дозоры, как отмечает М. С. Черкасова, начавшая источниковедческую разработку комплекса дозоров 1610-х гг. вотчин Троице-Сергиева монастыря, отличаются большей однородностью и не дают в руки историка многоплановый материал по разным сюжетам аграрной истории¹. Впрочем, это не умаляет ценности этого типа источников как такового, способного ответить на ряд не менее важных вопросов. С. Б. Веселовский в своей фундаментальной работе «Сошное письмо» много и активно обращался к дозорным книгам. Выводы Ю. В. Готье о страшном опустошении во время иностранной интервенции начала XVII в. построены пре-

имущественно на данных дозорных книг многих центральных уездов². Вологодские дозорные книги привлекли внимание Ю. С. Васильева, опубликовавшего дозор посада Вологды 1616/17 г. Весьма полезные обзоры фонда Поместного приказа в РГАДА, содержащего 88 вологодских дозорных книг 7121–7126 (1612–1618) гг., сделаны Н. П. Воскобойниковой³. Интересная архивная находка, раскрывающая механизмы проведения дозоров в Вологодском уезде в 1610-е гг., введена в научный оборот М. Б. Булгаковым⁴.

События Смутного времени и первых послесмутных лет (политического, экономического, социального) и негативные природно-климатические явления привели к серьезным сдвигам в социально-экономической сфере. Они выразились в резком сокращении населения деревни и города, усилении миграционных процессов, запустении огромных массивов земель различного владения, скоротечном изменении форм земельной собственности на больших территориях, когда, например, за какие-нибудь один-два года в массе своей Черносошные уезды превращались в регионы с доминированием поместно-вотчинного уклада. В этих условиях правительство (сначала боярское, затем – нового царя Михаила) проводит серию дозорных работ практически во всех центральных уездах страны. В Вологодском уезде дозоры начались еще при боярском правлении и продолжались до конца 1610-х гг. Один из них – дозор князя П. Б. Волконского и подьячего Л. Софонова 1616/17 г., охвативший весь уезд и являющийся объектом рассмотрения в данной работе. Представляется необходимым дать комплексное историко-экономическое обозрение Дозорной книги Вологодского уезда князя П. Б. Волконского и подьячего Л. Софонова (далее ДК)⁵.

ДК находится в конволюте (формат 4, 1335 листов, архивный переплет XVIII в.) с дозорной книгой посада Вологды этих же писцов и этого же года⁶ и занимает листы 95 – 1335 (соответственно современной пагинации, выполненной простым карандашом). ДК сохранилась в подлиннике, скрепленном по листам одним из дозорщиков. Скрепка подьячего имеет шестичастную структуру («Ле – он – теи – Со – фо – нов»)⁷. ДК не имеет окончания (из-за этого особенно плохо сохранилось описание вотчин), листы книги перепутаны при переплете, часть из них (преимущественно в конце ДК) имеет угасающий или уже угасший текст. В каталоге «Писцовые книги Русского Севера» составителями дается рекомендация по пользованию ДК – «при чтении надо придерживаться чернильной (XVIII в. – Д. Г.) нумерации»⁸. Однако не всегда можно успешно разобрать чернильную пагинацию: цифры написаны неразборчиво, часто в самом углу листов, которые истрепались или загнуты, много ошибок и перечеркиваний. Это существенно осложняет работу с источником, тем более что в РГАДА выдается в читальный зал не сам подлинник, а его микрофильм. Поэтому нами

предпринята попытка реконструировать порядок листов ДК по современной (карандашной) пагинации. Главным критерием нашей расстановки листов ДК служит не чернильная пагинация, а современная тексту ДК буквенная нумерация тетрадей-блоков, из которых впоследствии и была сброшюрована ДК. Всего пронумеровано 163 тетради, состоящие в большинстве случаев из 8 листов (замечены колебания от 2 до 18 листов). Порядок листов выглядит следующим образом: 1 – 603, 606 – 1078, 604, 605, 1079 – 1119, 1130 – 1156, 1120, 1121, 1157 – 1188, 1222 – 1262, 1290 – 1333, 1189 – 1221, 1263 – 1289, 1334, 1335 (причем текст на лл. 1156 об. – 1164 повторяется на лл. 1120, 1122 – 1129. Отсутствует два листа между лл. 569 и 570 (судя по скрепам и тексту), отсутствует до 56 листов между лл. 701 и 733 (судя по буквенной нумерации тетрадей ДК (за тетрадью ПГ следует тетрадь Ч) и шестислоговой скрепе подъячего)). Современная пагинация тоже не лишена огрехов – л. 833 пропущен.

В создании ДК принимало участие как минимум четыре переписчика, почерки которых ясно различаются в тексте. Очень вероятно, что ДК была скреплена по листам Л. Софоновым еще до того, как на ней был записан основной текст. Проще говоря, переписчики получали чистые тетради, заверенные подписью дозорщика. Это доказывается следующим наблюдением. На поле л. 585 стоит слог-скрепа «теи», на следующем листе (586), как и полагается, стоит слог-скрепа «Со». Но на л. 585 текст статьи, описывающей последнее поместье Васильевской трети Тошенской волости, замыкает полный автограф подъячего «Леонтеи Софонов», а л. 586, являясь первым листом новой тетради-блока (KS), открывает описание уже другой – Масленской – волости. То же самое наблюдаем на лл. 700, 701. Скрепа на поле л. 700 «Со» продолжается скрепой «фо» на л. 701. Однако на л. 700 об. мы находим замыкающую текст подпись подъячего «Леонтеи Софонов». На л. 701 – первом листе новой тетради (ПА) – начинается описание новой (Сямской) волости, причем почерком, отличным от почерка на л. 700. Замечено, что скрепа на полях и полные автографы подъячего выполнены разными чернилами. Таким образом, алгоритм создания книги представляется так: подъячий Л. Софонов подписывал пустые тетради, которые затем раздавались коллективу переписчиков. Последние переписывали набело из так называемых «полевых» книг данные по какой-либо волости или группе поместий, а затем Л. Софонов производил окончательную сверку и в случаях надобности снова заверял текст. Видимо, такая схема работы была оправданной в условиях кратких сроков дозора.

Структура книги традиционна. За начальным протоколом, гласящим, что князь П. Б. Волконский и подъячий Л. Софонов «писали и дозирали по государеву ... наказу и по государевым ... грамотам в Вологодском уезде поместья за столники и за дворяны, и за приказными вся-

ких чинов людьми, и за детьми боярскими, и за старыми вологодскими помещиками поместья ж и вотчины, и митрополичичи, и архиепископские, и монастырские вотчины», следуют описания поместий и вотчин 40 вологодских волостей. Нетрудно заметить, насколько не полной сохранилась ДК. Из заявленного в начальном протоколе объема писцовой работы до нас дошли лишь более-менее исправные описания поместий иногородцев и коренных вологодских дворян, а также в очень плачевном состоянии часть описания вотчин вологжан детей боярских. Совершенно отсутствуют данные о владениях духовных феодалов. Н. П. Воскобойникова считает, что дозор 1616/17 г. охватил лишь Первую половину уезда⁹, однако из 27 волостей, где располагались поместья дворян-иногородцев (т. е. лиц, не служивших с «городом» Вологдой, за исключением иноземцев – «старых» вологодских помещиков), 12 волостей и до и после этого дозора состояли в Заозерской половине (волости Бохтюга, Водога, Двиница, Корбанга, Пельшма и др.). Под особой рубрикой ДК перечислены поместья «в розных волостях за старыми вологодскими помещиками за дворяны и за детьми боярскими, и за иноземцы», которые противопоставлены остальной массе служилости. Их поместья располагались в девяти волостях Первой половины уезда.

Содержание описательных статей поместий и вотчин ДК довольно шаблонно. Статья начиналась именем помещика (-ков) в творительном падеже с характерным предлогом «за», подчеркивающим условность владения. При описании вотчин к подобной фразе добавлялось принципиальное разъяснение – «в вотчине». Далее шло перечисление объектов владения, начиная с селца или деревни, в которой жил барин, затем населенных деревень и, наконец, пустошей. В каждом населенном пункте дозорщики скрупулезно учитывали каждый двор. Если двор пустовал, то в очень редких случаях не указывалась причина, по которой крестьянин оставил свое хозяйство. В ситуации, когда поместье было, так сказать, «сборным», т. е. различные (разновременные) дачи и приобретения помещика располагались в нескольких волостях, то поместье обычно записывалось по той волости, где находилась первая по времени дача (чаще о господской усадьбой) независимо от ее размеров. Если в поместье имелись храмы, то дозорщиками учитывались: 1) архитектурные особенности и функциональные возможности храма¹⁰; 2) наличие у храма других построек (как правило, они отражали персональный состав местного клира): колоколен, часовен, церковных дворов, келий нищих и т. д.¹¹; 3) чьим иждивением построен и обустроен храм¹²; 4) количество тянущей к церквям земли и угодий¹³.

Описательную статью замыкало подведение итогов, включавшее подсчет жилых и пустых селец и деревень, пустошей и их жеребьев, затем дворов – помещиковых (вотчинниковых), людских, крестьянских,

бобыльских, пустых и мест дворовых. Если в тексте описательной статьи мы находим разнообразные причины запустения дворов, то в итоге эти причины сводились в две группы, выделенные по хронологическому признаку: «старая» и «новая» пустота. Рубежом между ними стоял 7124 (1615/16) год, когда к прочим напастям (разбойные экспедиции поляко-литовцев, казаков, черкасов и русских воров) добавился страшный неурожай, так называемая «хлебная недорода» 7124 – 7125 (1615 – 1617) гг.

В итогах статьи, описывающей поместье, обязательно содержался расчет живущей (помещиковой и крестьянской) и запереложенной пашни (в четвертях) и расчет сошного письма. Производился подсчет сенокосных и лесных угодий. Традиционно земля оценивалась по плодородию и делилась на добрую, среднюю и худую («добре худой» земли ДК не отмечает). Весьма необычным является то, что дозорщики клали в соху одинаковое количество земли (1000 четвертей) независимо от качества последней. Например, за князем П. И. Бабичевым ДК отмечает поместье в Корбангской волости в 77, 25 четверти (л. 949 об.)¹⁴. Земля определяется как «добрая». В итоге дозорщики подсчитали «сошного писма в живущем и в песте полполполтрети: и полполполчети сохи. И перешло за сошным писмом четыре чети без полполтретника». При 1000-четвертной сохе получаем: 41, 67 (полполполтрети сохи) + 31, 25 (полполполчети сохи) + 3, 92 (4 чети без полполтретника) = 76, 84 четверти. Ошибка дозорщиков при переводе четей в сохи составила чуть менее осьмины земли. То же наблюдаем в поместье С. А. Бакина (Тошенская волость). 111, 25 четверти «добрый» земли поместья составили в сошном письме полполчети (62, 50 четверти) и полполполтрети сохи (41, 67 четверти) и 7 чети и полполтретника (0, 083 четверти) (л. 441). Те же 1000 четвертей, но уже «средней» земли, клались в соху, например, в поместьях И. В. Баскакова (Тошенская волость): 212 четвертей = полчети и полполтрети сохи и 5 чети без третника (л. 370 об.) и иноземца М. Мостофина (Сянжемская волость): 125 четвертей «средней» земли¹⁵ = полчети сохи (л. 998). Странности возникают, когда анализируются поместья с «худой» землей. Так, О. И. Воронцову принадлежало в Сямской волости пустое поместье в 112 четвертей «худой» земли, что соответствует расчету дозорщика при сохе в 1000 четвертей («полполчети и полполполтрети сохи. И перешло за сошным писмом семь чети без третника», т. е. 62, 50 + 41, 67 + 6, 67 = 110, 84 четверти) (л. 794). Однако в поместье И. А. Ододурова (Корбангская волость) числилось 86, 5 четверти «худой» земли (л. 952)¹⁶. В пересчете на сохи это составило полполполтрети и полполполчети сохи. В поместье его соседа П. Г. Квашнина числилось 55 четвертей «худой» земли. В пересчете на сохи это составило полполполполтрети сохи. «И перешло за сошным писмом пять

чети» (л. 955). В обоих случаях в соху клалось 1200 четвертей земли¹⁷. Считать это просто недоразумением мы вряд ли можем.

Следующими (и последними) элементами формуляра описательной статьи поместья были ссылка на приправочную книгу с целью сравнения – какое количество земли обрабатывалось на момент предыдущего описания / дозора и фиксирование убыли земли в «пусто». Например, в поместье окольного князя Г. К. Волконского (Брюховская волость) «по приправочным книгам было в живущем шесть чети с осминою. И по нынешнему дозору перед приправочными книгами убыло из живущего в пусто пять чети с осминою» (л. 170 об.). Совсем не праздным будет вопрос – с каких книг (какого года и каких писцов) были сделаны приправочные книги, которыми пользовались дозорщики 1616/17 г.? Ответить на него не так просто. В тексте ДК ни разу прямо не упомянуты предыдущие писцы, с чьих книг составлены приправочные книги. Последнее валовое письмо уезда, известное С. Б. Веселовскому, было в 1599 г. (писцы В. Я. Кузьмин, С. Ф. Рупосов и подьячие Я. Демидов и И. Антонов)¹⁸. Но к 1616/17 г. данные этого письма, видимо, уже безнадежно устарели. Скорее всего приправочные книги были сделаны с недавних дозорных книг Вологодского уезда 1614–1616 гг. Складывается такое ощущение, что дозорные работы в Вологодском уезде в эти годы практически не прекращались¹⁹. Не подтверждается наша гипотеза о том, что для приправки могли использоваться данные отказных книг. Такие случаи известны. Сравнение, к примеру, отказной книги поместий дворянам и детям боярским служилого «города» Белая от 15 июня 1613 г.²⁰ и ДК показывает, что один из основных показателей ДК – «пашня паханая» в отказной книге и «пашня паханая» в неизвестной приправочной книге, на которую ссылается ДК, совпадают в редких случаях. В большинстве случаев эти показатели сильно расходятся: в поместье Д. М. Мещеринова на 1613 г. пашни паханой 16 четвертей, а по приправочной книге уже только 8 четвертей; в поместье И. М. и Ф. М. Тарбеевых – 31 четверть и 16, 5 четверти, в поместье С. Ш. Дражилова – 8, 5 четверти и 3, 25 четверти; в поместье С. С. (В.) Левашова – 28, 5 четверти и 15 четвертей без четверика соответственно²¹. Сравнение этой отказной книги и ДК выявило и другую интересную деталь – размеры поместий некоторых дворян в 1613 г. и в 1616/17 г. довольно значительно расходятся, при том что никаких мобилизационных процессов этой поместной земли не было, и состав объектов владения (деревни и пустоши) на 1616/17 г. остался таким же, каким был и в 1613 г. Так, поместье И. Д. Дедевшина непонятным образом увеличилось с 45 до 69, 75 четверти, поместье Г. Д. Кривского – с 45 до 76 четей, поместье П. П. (В.) Воеводина – с 54 до 61, 5 четверти. В поместье Н. Д. (И.) Толбугина на 1613 г. было 72 четверти земли, до дозора 1616/17 г. треть его деревни Сафайлова (4, 5 четверти) перешла к А. А. (Д.) Бизюкину, а в ДК в поместье Тол-

бугина значится не 67, 5 (как следовало бы), а 88, 5 четверти (!)²². Такие метаморфозы трудно счесть не за ошибку.

Кстати, об ошибках. ДК просто пестрит ими. Есть ряд фактологических ошибок²³, но прежде всего они касаются подсчетов и подытоживаний дозорщиками различных показателей. Нет нужды приводить конкретные примеры — их было бы слишком много. Масштаб распространенности ошибок наглядно демонстрирует приводимая таблица по дворовладению помещиков Вологодского уезда. Так как окончание ДК отсутствует, где наверняка были приведены итоги по земле и дворовладению в масштабе всего уезда (поволостные итоги также отсутствуют), то нами было предпринято самостоятельное подытоживание данных сохранившейся части ДК. Суммировались данные в две группы: 1) число всех упомянутых ДК живущих и пустых дворов в каждой деревне и 2) число итогов дозорщиков по живущим и пустым дворам (см. табл. 1). Из таблицы видно, что дозорщики более основательно и внимательно подошли к вопросу учета живущих дворов²⁴. Всего в Вологодском уезде в поместьях 40 волостей по сумме итогов дозорщиков было не менее 1413 людских, крестьянских и бобыльских живущих дворов. При сплошном подсчете этих же дворов оказывается не менее 1442. Как видно, погрешность дозорщиков невелика (всего 2 %). Другая ситуация с заброшенными в течение 1612 — 1617 гг. дворами. При суммировании итогов дозорщиков получилось 4698 пустых дворов. Однако наш подсчет предоставил другую цифру — 5388 дворов, что на 15 % (!) больше итогов дозорщиков.

Подобная картина наблюдается и в отношении землевладения. Если живущая пашня в итогах по поместью суммируется дозорщиками весьма дотошно, то итоги по запереложенной и лесом поросшей земле зачастую не соответствуют сумме земель всех деревень или пустошей в отдельном поместье. Кроме этого, как уже отмечалось, показатели количества земли по конкретным поместьям ДК и других источников могут существенно расходиться.

Помимо сугубо статистической информации о населенных и пустых селениях, количестве дворов и пашни в них, ДК предоставляет в распоряжение исследователя уникальные сведения, касающиеся частных вопросов жизни тогдашней вологодской деревни. К 1616/17 г. в основном завершилось развертывание поместной системы в Вологодском уезде — «старое» вологодское поместное дворянство было потеснено в землевладельческом отношении большой массой испомещенных в 1612 — 1614 гг. членов Государева двора, приказов, дворян других служилых «городов», казаков и иноземцев. ДК описывает чуть менее 500 поместий в 40 волостях. Так как дозорщики не ссылались при описании каждого конкретного поместья на прежние документы (писцовые и отказные книги, послушные, ввозные, раздельные, рядные грамоты и др.), являвшиеся основанием прав владения²⁵, то особую ценность

приобретают упоминания в тексте ДК бывших владельцев поместий²⁵. В первую очередь это касается «старых» вологодских помещиков. Если история недавних испомещений (1613 – 1617 гг.) воссоздается более-менее успешно, то история землевладения вологодских детей боярских даже во время правления Б. Годунова и В. Шуйского сильно страдает из-за крайне не полного источникового корпуса. Например, мы узнаем, что отцовские поместья унаследовали «старые» вологжане Т. Б. и Д. Б. Качкаровы (л. 1040), иноземец Г. А. Одольский (л. 1060 об.), А. И. Бунков (л. 1082), иноземцы Г. и К. Чернавские (л. 1089 об.), М. Н. Волоцкий (л. 1103) и др. Поместья мужей получили вдова М. Скорбеева с сыном (л. 1139 об.), вдова А. Угренина с тремя сыновьями (л. 1069 об.), М. Р. Шенуров владел, видимо, прожиточным поместьем своей матери вдовы Фотины (л. 1045 об.). Особый интерес представляют оговорки ДК о переходе поместий (или их частей) «на сторону», не родственникам прежних владельцев. Например, Г. В. Борисов владел поместьем вдовы А. Сапоговой (л. 1057), М. М. Остолопов получил поместье С. Челеева (л. 1072), В. А. Холопов – О. Брянчанинова (л. 1122 об.), иноземец К. С. Рогульский – Г. Данилова и Я. Блаженского (Ближевского?) (л. 1125). Весьма важны в генеалогическом смысле упоминания ДК о родственных связях помещиков. Так, половина сельца Ананьина (ныне в черте города) принадлежали вдове Д. Загорской, а другая половина – ее пасынку М. С. Загорскому (л. 1126 об.). В. В. Панов также владел поместьем пасынка и падчерицы – Б. и А. Брянчаниновых (л. 1174). Б. М. Беседный делил поместье со своими племянниками Д. Б. и М. Б. Беседными (л. 1117 об.). Редки, но очень интересны пространные комментарии ДК о судьбе тех или иных поместий. Например, П. К. Брянчанинов владел поместьем «что было ... за Иваном (Бахтеяровым сыном – Д. Г.) Беседным, а после дано было на прожиток жене его вдове Анне с Ивановыми з двумя сестрами с Марьєю да с Настасьєю» (л. 1120 об.). В Шилегодской волости было поместье вдовы Д. Розвариной, «что было списано сошным писмом з Замятнинскою женою Ропского» (л. 1195 об.). Ценность подобных уточнений ДК в генеалогических и иных целях исторического описания, тем более за столь ранний период, очень велика.

Информативность ДК поистине безгранична. Наряду с отмеченными сведениями она дает уникальный материал для воссоздания событий эпохи. Монотонный слог дозорщика изредка разбавляется на первый взгляд несущественными, не представляющими для целей дозора особой нужности фактами. Между тем всей своей конкретностью и мизерностью с точки зрения «большой» истории эти факты позволяют заштриховать «белые» пятна в очень не простой истории вологодского региона смутных и послесмутных лет.

ДВОРОВАЛЕНИЕ ПОМЕЩИКОВ ВОЛОГОДСКОГО УЕЗДА ПО ДОЗОРНОЙ КНИГЕ КНЯЗЯ П. Б. ВОЛКОНСКОГО И ПОДЪЯЧЕГО Л. СОФОНОВА 1616/17 ГОДА

Волость	Дворов живущих								Дворов пустых										Итого										
	помещиковых		Людских		крестьянских		бобыльских		«клевного недорода»		«казачья разоренья»		«казачья разоренья»		«казачья разоренья»		Умерло				запустело по неизвестным причинам	П	И						
	П ¹	И ²	П	И	П	И	П	И	7124	7125	7121-22	7123-24	7120-22	7121-22	7123	7121	7122	7121-22	разбойниками	До 7122				7122	7123	7124	7125	?	
																					1	2	3						4
<i>Первая половина</i>																													
Авдеевская	10/1	10	7/2	6	134	132	53	52	68	24	8	43	15	-	10	5	-	-	1	9	1	-	13	1	-	-	66	264	262
Брюховская	5/1	5	4/4	4	25	23	3	4	37	-	38	22	13	6	7	4	-	4	4	6	1	2	5	-	1	11	161	139	
Городской стан	6/1	6	2	2	48	48	55/1	54	33	13	53	17	6	7	2	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	40	174	112	
Комельская	24/8	24	28/9	28	84	85	28/2	23	106	5	44	16	2	3	14	-	-	-	2	5	1	6	2	-	80	286	208		
Кубенская	-	-	6/6	4	39	40	26/1	28	15	5	15	43	3	3	8	-	-	-	8	1	5	6	2	-	45	159	160		
Лежский волок	4	4	1	1	3	3	1	1	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	13	13		
Лоскомская	6	6	12	10	31	31	14	14	36	2	15	37	14	-	3	-	-	1	3	1	-	4	1	-	13	130	121		
Масленская	12/9	12	5/4	5	9	9	4	4	75	1	84	25	2	36	10	-	9	3	1	6	3	4	1	-	13	287	269		
Обнорская	4	4	-	-	12	12	6/1	6	23	12	3	6	-	-	-	-	-	-	-	5	-	5	-	2	7	60	60		
Оларевская	-	-	-	-	2	2	-	-	4	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	9	9	
Перебатинская	1	1	1	1	8	9	3	4	26	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	3	-	3	1	-	4	39	37		

Волость	Дворов живущих								Дворов пустых														Итого					
	помещи- ковых		Людских		крестьян- ских		бобльских		«солонного недрода»		«казачья разоренья»		«литовского разоренья»		Убито крестьян				Умерло						запустело по неизвестным причинам	П	И	
															казаками		литовцами		черкасами	разбойниками	До 7122	7122	7123	7124				7125
	П ¹	И ²	П	И	П	И	П	И	7124	7125	7121-22	7123-24	7120-22	7121-22	7123	7121	7122	7121-22							До 7122	7122	7123	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
Пуркалов- ское око- лого- родье	6	6	3	2	21	19	6	7	30	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ракуль- ская	14/1	14	3/1	3	32	31	12	11	49	8	20	13	6	3	1	-	-	-	1	6	-	-	4	-	1	21	133	104
Раменская	5/4	5	7/6	7	7	7	2	2	12	2	7	10	-	11	7	2	-	-	-	-	-	1	2	1	-	13	68	39
Сямская	26/ 24	25	3/3	4	33	32	17	18	160	31	27	45	16	3	36	35	33	4	1	3	4	4	11	3	-	47	463	417
Тошен- ская Васильев- ская треть	20/ 20	20	9/9	7	16	17	2	1	68	11	119	41	-	27	7	1	-	-	1	7	3	4	5	2	89	6	391	327
Верхов- ская треть	37/3 3	37	19/ 18	17	57	62	10	6	95	14	62	186	2	45	92	-	-	-	1	2	21	1	7	-	1	25	564	492
Пуркалов- кая треть	27/2 3	27	27/ 24	26	40	41	22	14	81	17	188	25	2	17	6	6	-	-	1	3	8	5	15	2	7	22	405	338
Угольская	7/7	7	7/7	7	7	6	3	2	27	4	12	11	6	30	25	16	-	-	-	1	-	-	2	-	-	8	142	110
Шиленгол- ская	13/2	13	9/1	9	40	35	16	17	57	12	3	4	5	-	-	-	-	-	-	-	2	2	4	2	-	11	102	87
Южская	6/4	6	6/5	7	9	9	8	9	34	1	10	-	2	52	6	14	1	-	-	1	3	-	3	2	-	6	145	127
Янгосар- ская	2	2	2	2	4	6	3	1	12	-	6	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	1	26	23

Волость	Дворов живущих								Дворов пустых													Итого						
	помещико- вых		Людских		крестьян- ских		бобыльских		особого назначения		«казачья расоренка»		«литовского разоре- нья»	Убито крестьян			Умерло					запустило по неизвестным причинам	П	И				
	П ¹	И ¹	П	И	П	И	П	И	7124	7125	7121-22	7123-24	7120-22	казаками		литовцами	черкасами	разбойниками	До 7122	7122	7123				7124	7125	?	
														7121-22	7123													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
<i>Завотерская полемина</i>																												
Бохтож- ская	-	-	1	1	3	3	2	4	4	6	11	-	-	9	3	-	-	-	2	1	-	-	5	1	-	2	44	42
Водо- ская	31/26	29,5	41/ 38	43	67	70	40	33	190	11	92	2	1	121	1	-	-	-	1	-	2	2	7	-	2	10	442	356
Давыдов- ская	5/5	5	4/4	4	13	13	14	14	22	5	14	8	5	2	5	2	2	8	1	3	3	4	8	-	-	11	103	96
Двиниц- кая	-	-	-	-	19	20	5	4	1	-	77	1	2	13	20	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	115	104
Замош- ская	-	-	-	-	7	7	2	2	33	-	23	6	7	4	6	3	-	-	3	2	-	5	2	-	10	104	103	
Звижен- ский и Богослов- ский ста- ны	-	-	1/1	1	8	8	8/1	8	16	-	3	-	-	29	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	7	57	54
Ильин- ская	-	-	-	-	4	4	-	-	3	-	3	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	9	9
Коданов- ская	-	-	-	-	8	8	2	2	-	19	7	-	6	-	-	8	-	-	4	-	3	-	2	1	2	-	52	49
Корбанг- ская	-	-	1/1	1	7	7	6	6	27	-	7	26	-	1	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	70	69
Корнская	-	-	-	-	4	4	4	3	6	18	-	-	1	-	5	-	3	-	-	-	-	1	-	-	-	-	34	33
Маньлов- ская	-	-	-	-	8	8	2	2	2	-	3	1	2	-	-	-	-	3	1	-	3	-	4	-	-	19	18	

Волость	Дворов живущих								Дворов пустых											Итого									
	помещиковых		Людских		крестьянских		бобыльских		«ослебного недорода»		«казачья разоренья»		«литовского разоренья»	Убито крестьян			Умерло					запустело по неизвестным причинам	П	И					
	П ¹	И ²	П	И	П	И	П	И	7124	7125	7121-22	7123-24	7120-22	7121-22	7123	7121	7122	7121-22	рабочниками	До 7122	7122	7123	7124	7125	7	запустело по неизвестным причинам	П	И	
																													1
Пельшемская	1/1	1	-	-	10	10	2	2	52	5	37	41	-	2	-	-	-	1	-	6	2	1	1	-	-	6	154	153	
Петровская	-	-	-	-	6	6	4	4	12	1	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	6	2	-	-	-	25	26	
Село Никольское Новое	-	-	-	-	1	1	-	-	3	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	5	5	
Село Хрепотово	-	-	1/1	1	1	1	-	-	3	-	4	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	2	17	15
Семигородская	-	-	-	-	2	2	2	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	2	2	
Сянжемская	-	-	-	-	12	11	3	3	4	8	1	14	7	-	1	-	-	-	-	4	-	2	6	4	-	1	52	52	
ВСЕГО:	272 / 170	269, 5	310 / 144	203	842	843	390 / 6	367	1440	238	934	729	131	416	278	119	49	33	26	78	82	52	150	33	105	495	5388	4698	

¹ Здесь и далее число получено путем суммирования всех упомянутых ДК тех или иных дворов.

² Здесь и далее число получено путем суммирования данных итогов дозорщиков по тем или иным дворам всех поместий, описанных ДК.

Мы узнаем о хозяйственном состоянии поместий из подобных реплик ДК. Так, в поместье П. О. Самарина (Тошенская волость) к деревням Озерецкому и Ондронову было приписано в угодья озерко, «а оброку дают с тово озера с рыбные ловли по пяти алтын да пошлин по полуторе денге на год» (л. 416). Княгиня М. Голицына, получившая поместье мужа (село Никольское Старое с деревнями, Авнежская волость, 800 четвертей), чувствовала себя в нем как самая настоящая вотчинница. Вот что об этом говорит ДК: «К тому ж селу (Никольскому Старому – Д. Г.) на реке на Сухоне ез Буянов. А ловят в том езу рыбу на помещика. Того ж поместья на реке на Сухоне ж ез Боровицкой да речка Кибаска. И тот ез Боровицкой и речку Кибаску ... княгиня Марья отдала Махринского монастыря новым чудотворцам Григорью и Касьяну» (л. 1244 об.). К поместному сельцу Рунову на р. Тошне Я. И. Уварова «бывала на реке на Тошне мельница, а ныне стоит пуста» (л. 517 об.). Некоторые помещики в эти трудные годы изыскивали средства и время для обустройства на новых местах или восстановления разрушенного хозяйства. Так было в поместье Ф. Г. Башмакова, испомещенного в 1613 г., где «двор помещиков Федоров ставитца на крестьянских местех вново Гришки Селиванова да Ивашка Торотаева», согнанных казаками в 1613/14 г. и недавним голодом (л. 515). Сосед Башмакова помещик А. Л. Бердяев к моменту дозора уже отстроился – его двор в деревне Рожественное на р. Еме (Тошенская волость) «поставлен ново» (л. 519). Другие помещики (большинство, не менее 170 человек) менее преуспели в этом деле и были вынуждены жить и селить своих холопов в запустевших крестьянских избах²⁷.

ДК открывает широкую панораму человеческих судеб, в общей массе печальных. Четырех крестьян дьяка Г. Богданова «замучили розбойники во 119 (1610/11) году» (л. 985). Крестьянина К. Л. Зубова Митку Шумилова «сожгли розбойники» в 1615/16 г. (л. 1034 об.). Другой крестьянин, наоборот, сам встал на путь легкой добычи, «грабил и розбивал», но «и з детми в прошлом во 124-м (1615/16) году на Вологде в розбойном деле в тюрьме умер» (л. 944 об.). Троицкий поп Анкидин Юдин, служивший в поместье княгини М. Голицыной, «перешол в Троецкой монастырь на Нозму» (л. 1259). Один из дворов в поместье Г. А. Алябьева (Бохтюжская волость) запустел, потому что вдова «Устиньница умерла, а сын ее Марко потонул во 121-м (1612/13) году» (л. 938). Крестьянина дьяка И. Г. Булыгина «Суботку убили на службе под Осташковым» (л. 978 об.). Многие крестьяне вынуждены были искать лучшей доли на других местах, поэтому часто можно встретить в ДК указания, что некоторые приняли монашество²⁸, другие – перешли под покровительство духовного феодала²⁹, третьих – монастыри сами «свозили» в свои деревни³⁰. Уходили крестьяне от жесткой налоговой

политики властей. Так, крестьянин турченина К. Мустофина «сшел безвесно от тихвинсково запасу» в 1616/17 г. (л. 995 об.)³¹. Другие «обнищали от немерных податей (и) сошли безвесно во 125-м (1616/17) году» (Л. 839 об.).

В ДК можно найти упоминания, свидетельствующие о жестком противостоянии между феодалами и их крестьянами, иногда заканчивавшемся кровопролитием. В поместье Ф. И. Пересветова, что ранее было за М. Лызловой, стояло два пустых крестьянских двора – «а Челпанка и Панка убил сын боярьской Яков Милославской во 121-м (1612/13) году» (Л. 624). Крестьяне, терпевшие от произвола помещиков, платили той же монетой. Так, в поместье Ф. Д. Сназина, доставшемся ему от дядьки Т. Сназина, пустовал крестьянский двор П. Гаврилова, «а Первушка сшол безвесно, убив помещика» (л. 486 об.). Человеческая жизнь, стоившая в средние века и без того немного, в годы Смуты обесценилась совершенно. В ДК, наверное, нет ни одного листа без упоминания о насильственной смерти. Сотни деревень обезлюдели из-за неоднократных погромов, устраивавшихся то разбойниками из числа местных крестьян и помещиков³², то польскими и литовскими интервентами, то казачьей и черкасской вольницей³³. Чтение ДК производит гнетущее впечатление прежде всего из-за своих устоявшихся формулярных клише такого рода: «двор крестьянской пуст ... во 123-м (1614/15) году от казаков убит до смерти з женою и з детми» (л. 1290); «двор пуст ... взяли казаки, а жену его ссекли» (л. 1243 об.); «дворы запустели во 123-м (1614/15) году от казачья разоренья побиты, а иные сожжены до смерти, а жены их и дети сошли безвестно» (л. 1244); «дворы их сожгли литовские люди во 122-м (1613/14) году, а те крестьяня с того разоренья сошли безвестно в том же году» (л. 777); «и тех крестьян во 121-м (1613) году побила литва» (лл. 732, 756); «и тех крестьян посекали литовские люди во 121-м (1613) году. А дворы их згорели» (л. 740); «Двор пуст ... замучили казаки во 123-м (1614/15) году» (л. 662) и т. д.

Оскудение вологодской деревни, вызванное политическими факторами, усилилось из-за «хлебной недороды» 7124 (1615/16) года. За неполных два года – 7124, 7125 от неурожая умерло или забросило свои дворы, как свидетельствует ДК, более 2000 крестьян-дворохозяев. Все это непосредственным образом отразилось на количестве пашни паханой в крестьянских и помещичьих хозяйствах. Разруха одинаково захватила и мелких землевладельцев (чьи поместья не превышали 100 четвертей) и крупных. Редко, когда помещичья запашка в поместье превышала одну четверть земли, в основном – осьмина. Крестьянский двор пахал земли на себя и того меньше.

В заключение следует сказать, что ДК один из очень немногих документов, отражающих состояние в первую очередь поместной системы Вологодского уезда (охватившей большую часть территории и населения уезда) первых послесмутных лет. В целом ДК дает более-менее объективное представление о мощности крестьянского хозяйства, а с другой стороны, об обеспеченности дворянской службы землей. Данные ДК (при сравнении с более ранними и поздними писцовыми материалами) просто незаменимы для выяснения динамики развития главной производящей отрасли Вологодского уезда того времени – пашенного земледелия.

ДК будет весьма ценным и многообещающим источником и для других исследователей. Любопытный материал обнаружат в ДК географы, культурологи, демографы, филологи³⁴, генеалоги, другие специалисты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Черкасова М. С. Дозорные книги Троице-Сергиева монастыря 1610-х годов // Тезисы докладов и сообщений V Всероссийского совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Новгород, 1992. С. 47 – 50.

² Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. М., 1906.

³ Воскобойникова Н. П. Дозорные книги Вологодского уезда в собрании ЦГАДА // Тезисы докладов и сообщений ... С. 51 – 58; Писцовые книги Русского Севера / Сост. Н. П. Воскобойникова и др. М., 2000. С. 35 – 160.

⁴ Булгаков М. Б. О малоизвестных частных дозорах Вологодского уезда 1616-1617 гг. // Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 2000. С. 30-33.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 60.

⁶ Последняя опубликована Ю. С. Васильевым (См.: Дозорная книга посада Вологды князя П. Б. Волконского и подъячего Л. Софонова, 1616 – 1617 г. // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 333 – 370.

⁷ Кроме скрепы начальных листов ДК. (Лл. 95 – 105: «К сим книгам Леонтеи Софонову руку приложил»).

⁸ Писцовые книги Русского Севера ... С. 60.

⁹ Там же. С. 37; Вологодский уезд традиционно делился на две крупные административные единицы: Первую и Заозерскую половины.

¹⁰ Например, в селе Воскресенском Ракульской волости в поместье В. А. Закрывского стояла «церковь *холодная* Воскресения Христова» (л. 1107); в селе Спасском Брусничном в Городском стану в поместье Я. А. Синовского находились «церковь Преображение Спасово *деревяна клетцки*, да другая церковь *теплая с трапезою* Кирил чудотворец» (л. 109) и т. д.

¹¹ В поместье стольников Б. И. и Г. И. Морозовых селе Фрязиново «на реке на Вологде: что у Вологды у посаду» у церковей Андрея Первозванного и Иоанна Предтечи находились «*колоколница*», *дворы попа*, *церковного дьячка*, *пономаря*, *келья проскурницы*. «*да десять келей нищих*, *питаютца от церкви Божии*» (Лл. 95 об., 96).

¹² В отцовском поместье М. Н. Волоцкого в селе Вознесенском на р. Кохтыше (Кормельская волость) находилась одноименная церковь, «а в церкви образы и свечи и кни-

ги и сосуды церковные и ризы и всякое церковное строение и колокола *приходных людей*» (л. 1103); другое наблюдаем в храме, стоящем в усадебном селе Голубкове (Пуркаловское околородье) помещицы вдовы А. Угренинной «А в селе церковь Ивана Предотечи древяна клетцки. А в церкви образы и свечи и книги и ризы и сосуды церковные и колокола *строенье помещиково*». (Л. 1054). В крупном поместье княгини М. Голицыной (Авнежская волость, 800 четвертей) стоял Архангельский монастырь. «А в монастыре церковь Михаил Архангел древяна клетцки, а другая теплая церковь Успение Пречистые Богородицы с трапезою. А в церквах образы и свечи, и книги, и ризы, и все церковное строение, и колокола князь Андреевы Васильевича Голицына княгини Марьи» (Л. 1291 об.).

¹³ В усадебном селе Копрове М. С. Трусова (Комельская волость) к церкви Николы чудотворца приписано 4 четверти средней земли «в поле, а в дву по тому же» (Л. 1153).

¹⁴ По нашим подсчетам, при складывании земли, тянущей к отдельным деревням, итог дозорщика уточняется – 78 четвертей.

¹⁵ По нашим подсчетам, 135 четвертей.

¹⁶ По нашим подсчетам, 86, 25 четвертей.

¹⁷ Поместье И. А. Ододурова: 50 (полполполтрети сохи) + 37, 5 (полполполчети сохи) = 87, 5 четверти.

Поместье П. Г. Квашнина: 50 (полполполтрети сохи) + 5 (И перешло за сошным писмом) = 55 четвертей.

¹⁸ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2. С. 583.

¹⁹ Известны дозоры И. Е. Гневашева и подьячих Ф. Константинова, И. Воробьева, Г. Майкова, Л. С. Шарыгина и подьячего И. Гогарова, Л. Б. Брянчанинова и подьячего Ф. Константинова; Ф. Д. Беседного и подьячего П. Самсонова; князя Б. В. Касаткина-Ростовского и подьячего Ж. Малахеева, В. М. Кузьмина и подьячего И. Гогарова и Г. Бабкина; И. Г. Мантурова; И. Путятина и подьячего А. Берестова и И. Гогарова; князя Н. Шаховского и В. Яковлева; князя И. В. Дябринского и подьячего Б. Беляева, Ф. И. Хомякова и подьячего М. Колзакова, Ф. М. Буркова, Р. Тарбева; Л. Трусова, и видимо, многих других. (См.: Писцовые книги Русского Севера ... С. 39-57); то, что существовали другие дозоры, помимо названных, убедительно иллюстрирует статья М. Б. Булгакова (См.: Булгаков М. Б. О малоизвестных частных дозорах. .)

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14863. Лл. 302 – 404 об.

²¹ Там же. Лл. 308 об., 313, 322, 344 об. ДК. Лл. 170 об., 181 об., 185 об., 199 об.

²² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14863. Лл. 320, 336, 339, 342, 343 об.; ДК. Лл. 184, 188 об., 191, 194, 204.

²³ Например, за А. Я., И. Я. и Т. Я. Чайковскими было записано 2/3 деревни Новой (Шилегодская волость), третий жеребий принадлежал М. К. Симанову. И в первом и во втором поместье числился пустой крестьянский двор Шестунки Акепсимова. Причем Шестунка, принадлежавший Чайковским, умер в 7122 (1613/14) г. (Л. 1193 об.), а Шестунка помещика Симанова – в 7123 (1615/16) г. (Л. 1206). Безусловно, в обоих случаях речь идет об одном и том же крестьянине.

²⁴ То же отмечает Ю. С. Васильев, анализируя Дозор посада, – «дозорщиков интересовали лишь данные о той части населения посада, которая была обязана платить государственным повинности» (См.: Дозорная книга посада Вологды ... С. 333).

²⁵ Единственный раз дозорщики сослались на «государеву грамоту» как основание прав владения А. М. Лонским пустошами, т. к. «в приправочных книгах тех пустошей за ним не написано» (Л. 1064). При списании вотчин дозорщики ссылались на «государевы грамоты» чаще.

²⁶ Методику ретроспективного изучения писцовой документации успешно применил А. П. Павлов. (См.: Павлов А. П. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере писцовой книги Старичского уезда 1624 – 26 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. 17. С. 100 – 120.

²⁷ Ф. П. Соколов обосновался в пустых дворах Г. и А. Филиповых, которые «умерли от казачья жьженья» в 1614/15 г. (дер. Перепечино на р. Вологде) (л. 346 об.); И. А. Баташев переселился во двор некоего Соловейки, ушедшего в монастырь (дер. Слободица, Тошенская вол.) (л. 357); «Помещик (С. А. Слепушкин – Д. Г.) и люди ево живут в крестьянских дворах» (л. 404) и т. д.

²⁸ Крестьянин иноземца И. Тимофиева Павлик Конанов «постригся в Еуфимьев монастырь» в 1615/16 г. (л. 1006 об.); Крестьянин И. В. Макшеева «взят в Кирилов монастырь в язычной молке» (л. 470 об.) и т. д.

²⁹ Крестьянин А. Ропской Б. Игнатъев «вышел Троицково монастыря в вотчину» в 1615/16 г. (л. 1202 об.).

³⁰ Крестьянина немчина Ивана Петрова «вывезли в Кирилов монастырь силно» в 1616/17 г. (л. 796).

³¹ Вологда и Белоозеро в 7122-23 (1613-15) гг. и видимо, позднее, давали хлебные запасы ратным людям, сосредоточенным в Тихвине (Веселовский С. В. Сошное письмо ... М., 1915. Т. 1. С. 168.)

³² Одна отказная книга на поместье в Сянжемской волости говорит: «И потому стало четвертные пашни мало, что в нынешнем во 122-м году с Сергиева грабежу Лонского с товарищи (С. Лонской – «старый» вологодский помещик; его поместный оклад на январь 1613 г. равнялся 800 четвертей – Д. Г.) крестьяня розбежались. А животы их пограбили оне. И вологодской разсылщик Махай Жаравин ... писал то поместье за переводчика за Юрья Михайлова сына Якушевского деревни пусты, жилцов не было, были в розбиге. И на Юрьево жалованье Якушевского немногие люди сошлись. А иные крестьяня для Сергиева грабежу не сошлись» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14864. Лл. 200 об., 201.).

³³ Приведем яркое свидетельство. В июле 1614 г. понятия – крестьяне Янгосарской волости – заявили Т. С. Кадникову, отделявшему поместье Я. А. Синовскому, что «в нынешнем во 122-м (1613/14) году приезжали воровские люди казаки и черкасы, и крестьян мучили и животы их грабили, и их секли, и деревню выжгли, и рожь и яровой хлеб всякой в полях вытравили ... А в деревню (на момент отдела – Д. Г.) крестьяне не заехали. А живут де по лесом мучены и ранены и огнем жены». (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14864. Л. 137.)

³⁴ В ДК представлен совершенно уникальный массовый материал по антропонимике. Обратим внимание на такие, вероятно, еще не известные науке личные имена-прозвища, как Говелка, Свайка, Сажка, Коротюха, Роспутка, Неусыпка, Скрепейка, Ротводка, Урюпа, Сморяга, Супостатка, Путырь, Крупычка, Шалавка, Ездок, Смышляйко, Затопляйко, Солиха, Шалак, Грабежка; женские – Смиренка, Олисавка, Кунавка, Голубка, Шумишка и др.

Н. П. Воскобойникова
(*Российский государственный архив древних актов*)

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПИСЦОВОЙ КНИГИ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО (УСОЛЬСКОГО) УЕЗДА 1623–1628 гг.

Данное сообщение построено на основании сравнительного изучения материалов из архива писцов Сольвычегодского (Усольского) уезда за 1620–1628 гг.

Летом 1623 г. для описания Сольвычегодского уезда из Устюжской четверти были посланы писцы Парфентей Никифорович Мансуров и подьячий Василий Архипов. Приступая к описанию уезда, писцы имели на руках полученные еще в Москве приправочные книги дозора Сольвычегодского уезда писцов Василия Семеновича Самарина и подьячего Семена Осокина 1620 г. Приправочная книга 1620 г. в целом знакома писцов с уездом: характером и числом поселений, населением, количеством пашенных земель и сенокосных угодий, числом живущих вытей, суммой уплачиваемого крестьянами оброка.

О том, как писцы П. Н. Мансуров и подьячий В. Архипов проводили описание, свидетельствуют челобитные населения: «И ныне по твоему государеву указу писец Парфений Никифорович Мансуров и подьячий Василий Архипов с купчих дворовых и со всяких земляных крепостей списки емлют в твою государеву казну».

После смерти в июле 1624 г. писца П. Мансурова Устюжская четверть потребовала от подьячего Василия Архипова приводить в порядок писцовые книги. Описание уезда было продолжено уже после приезда в августе 1624 г. нового писца Ивана Благово, который, согласно полученной им грамоте, должен был по приезду в Соль Вычегодскую взять государев наказ, который получил П. Мансуров, и по нему вместе с подьячим В. Архиповым описать оставшиеся 12 станов и волостей уезда.

Устюжская четверть руководила описанием уезда: посылала писцам указные грамоты и получала от них отписки. Анализ содержания грамот свидетельствует о том, что писцы, описывающие уезд в 1623–1628 годах, должны были придерживаться тех же принципов описания, которыми руководствовались и их предшественники, то есть не должны были нарушать веками сложившийся в уезде уклад жизни, традиции и нормы землевладения и землепользования.

При описании уезда писцы первоначально все полученные данные занесли в черновые тетради. Это были сведения о названии станов, волостей и селений, жилых дворах с именами взрослого населения м.п., о всех имевшихся у них на руках актах на право владения деревнями, дворами, пожнями, пустых дворах с указанием на причины их запустения, размеров пашни паханой по новому письму в сравнении их с данными по приправочной книге, количестве перелога, копен сена, завытной пашни и суммы собираемого оброка, жилых и пустых вытей, размере покотины по пашне, а также лесов и болот.

До нас дошло несколько очень ветхих отрывков черновой писцовой книги И. Благово 1624–1625 годов (32 листа с оборотами). Книга написана малоразборчивым почерком с большим количеством исправлений, зачеркиваний, записей над строкой и скрепы писцов Ивана Благо-

во и В. Архипова. На каждом ее листе имеется запись писцов «Справлено». В ней приведены описания Спасского и Богоявленского приходов Вилегоцкой волости Сольвычегодского уезда¹.

После описания в черновых тетрадах Сольвычегодского посада и всего уезда, писцы составили по черновой книге перечневые росписи и направили их в Устюжскую четверть, а в августе 1625 г. и сами приехали в Москву, где около полутора лет отделявали свои черновые записи. 26 мая 1628 года переписанная набело писцовая книга была передана в Устюжскую четверть, где и была утверждена 28 июня 1629 года.

В чем же заключалась отделка черновой писцовой книги, показывает сравнение черновика книги с его беловиком. Прежде чем переписать книгу набело, писцы уточняли помещенные в черновике сведения, редактировали их, а также частично сокращали. Так, при правке черновой писцовой книги из нее были вычеркнуты некоторые имена владельцев дворов, перечень ряда актов, подтверждающих права на владения, сравнение размера пашни паханой по приправочной книге и по новому письму, размер перелога, пустых вытей, завитной пашни и суммы собираемого с населения оброка.

Эти исключения из текста писцовой книги находят свое объяснение: не было необходимости перечислять все взрослое население двора, так как за исправное несение тягла отвечали только дворовладельцы; для подтверждения же прав на владения достаточно было упоминание одного, реже двух актов; сравнение размеров пашни паханой по приправочной книге и по новому письму необходимо было писцам только для составления перечневых росписей, которые подавались в Устюжскую четверть ранее передачи туда беловика писцовой

---

¹ Приводим перечень поселений Богоявленского и Спасского приходов

Деревни Богоявленского прихода: д. Насадино, д. Колодинская, д. Софроновская, д. Першинская, д. Маурина, д. Головина гора, д. Щербининская (Полова гора), д. Дрестваная, д. Кочнева гора, д. Терина, д. Самина, д. Клобуковская, д. Клобуковская другая, д. Сорова, д. Жабья слобода, д. Тимофеевская, деревня, что был починок Тобола (Кондратовская), д. Тоболина (Леонтьевская), пустошь, что была деревня Тобол (Бутобариха), д. Нохтева гора, д. Шиловский починок, д. Починок Якушевская новая роспашь, пустошь Дубенская

Деревни Спасского прихода:

д. Бендуга (Борисовская), д. Дядкинская, пустошь, что была деревня Кривой мыс, д. Поздеевская, д. Лисьи Босы, починок Епиховской, д. Нетесино, д. Галкинская, д. Хрячева, д. Фефилова, д. Ярцевская, деревня, что была пустошь Верткова гора, деревня, что была пустошь Скачкова гора, деревня, что была пустошь Воробьева гора, деревня, что была пустошь Омелянова гора, д. Выставок из деревни Клементьевской.

Кроме перечисленных деревень, сохранились отрывки описаний погоста Спасского прихода, а также оброчных пожен, пустошей и итогов описания всего Спасского прихода

книги; размер завитной пашни и количество пустых вытей не влияли на размер обложения.

Таким образом, после «отделки» черновой книги, в ней остались только те сведения, которые должны были быть перенесены в беловик: это название волостей, населенных пунктов, имена владельцев жилых и пустых дворов, ссылки на один, реже на два акта, подтверждающие право на владения, размеры пашни паханой и сенокосных угодий, число живущих вытей и пашни, площадь лесов и болот.

В черновой писцовой книге приводятся размеры как тяглой пашни, с которой крестьяне платили государевы повинности, так и всей площади пахотных земель. При этом тяглые надель крестьян включали только часть обрабатываемых земель, оставшаяся же за тяглом земля завитная, или примерная пашня, существовала как необлагаемый резерв, приданный к тяглой пашне. Размеры тяглой пашни были меньше общей площади всех пахотных земель.

Таким образом, беловая книга (по сравнению с черновиком) потеряла ряд интересных сведений по социально-экономической истории уезда и тем самым стала менее информативной. Вместе с тем она отвечала всем требованиям, которые к ней предъявляли писцы и пославшая их на описание Устюжская четверть.

После окончания описания одновременно с готовой писцовой книгой писцы передали в Устюжскую четверть весь отложившийся у них за время описания писцовый архив, изучение которого свидетельствует о сложной и кропотливой работе писцов на разных этапах описательных работ.

В приложениях к сообщению мы помещаем образцы описаний Вилагоцкой волости:

в приложении 1 – двух деревень Богоявленского прихода Мауриной и Тоболиной (Леонтьевской);

в приложении 2 – погоста Спасского прихода;

в приложении 3 – оброчных пожен Спасского прихода.

Приложения №1 и №2 состоят из трех частей:

а) описания в приправочной книге 1620 г.;

б) описания в черновых тетрадах;

в) описания в беловой писцовой книге.

Проведенное нами сравнение характера и полноты сведений, помещенных в приправочных книгах, черновой и беловой писцовых книгах, показывает, что они существенно между собой отличаются.

ОПИСАНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ

В приправочной книге указывается название поселения, указаны дворы, имена и фамилии их владельцев, размер пахотной пашни, качество земли, количество сена и размер живущей выти.

В черновой книге указывается название поселения, перечень жилых дворов, а в них всего взрослого населения м.п., дается перечисление всех актов, на основе которых крестьяне владели деревнями, дворами, землями, пожнями и другими угодьями, дан размер пахотной пашни по новому письму в сравнении с приправочной книгой, а также перелога, указаны пустые дворы и причины их запустения, количество жилых и пустых вытей, размер завытной пашни, леса и болот, а также сумма оброка, уплачиваемого крестьянами.

В беловике в населенных пунктах перечислены жилые дворы с именами их владельцев, качество и размер пашни пахотной только по новому письму, приведен, как правило, только последний по времени акт на право владения, размеры живущих вытей и оброка с них, число сенокосов, размер покотины, леса и болот, и в конце сказано, есть ли отпись в уплате оброка.

Деревня Маурино

Приправочная

Л. 670 об. Деревня Маурина на реке Виляди в. Ерофейко Пулянов с сыном Первушкой. На той же земле в выставке за рекою за Вилядью в. Тимошка Юрьев. в. половники Гришинские Осипко Ошмарин. в. Офонько Васильев сын Притыкин. Пашни паханые средние земли с припашью четырнатцать чети, а в дву по тому ж. Сена сорок копен. В живущем выть.

РГАДА. Ф. № 1209. Оп. № 1. Кн. 15039. Л. 670 об.

Черновик

Справлено

Л. 3 Полдеревни Маурина по обе стороны реки Виляди, а в ней крестьян, а другая половина тое деревни за рекою за Вилядью, а поля у них вместе в. **Ярофей половник Пятуныки Сергеева, да Тимошка Денисов владеет по мирской данной 130 году.** в. Тимошка Неронов, владеет по жене рядной. в. Тимошка Юрьев сын Лубен, владеет по купчим 106 и 111 и 123 и 129 году. в. Тренка Иванов сын с сыном Ивашком, владеет по купчей 129 ж году, да в Тимошкине жеребью половина Федке девке Оленке Левонтьеве дочери по духовной.

А в другой половине за рекою за Виледью: в. половник земского дьячка Пятки Сергеева Тимошка Денисов, владеет по мирской данной 130 году.

Пашни паханой по приправочным книгам во всей середние земли **четырнатцать чети, а по новому письму и мере в половине пашни паханой примерено двенатцать чети с полуосминою. Да перелогом две чети без полосмины двенатцать чети с полосминою** и с тем, что за рекою за Виледью в поле, а в дву по тому ж. Сена сорок копен. В живущем выть без полчети². **Да в пусте полчети выти, поскотины.** Поскотины шесть десятин. Лесу и болота шесть десятин.

Тое ж деревни меж поль сена сто семьдесят копен. **У тое деревни в другой половине.** Оброку семь алтын. Отписи нет.

РГАДА. Ф. № 1209. Оп. № 1. Ч. 3. Д. 268/91. Л. 3

Беловик

Л. 728 Полдеревни Маурина по обе стороны реки Виледи, а в ней крестьян: в. Тимошка Неронов, владеет по жене рядной 128 году. в. Матюшка Юрьев сын Любен, владеет по купчей 129 году. в. Тренька Иванов сын с сыном с Ывашком, владеет по купчей 129 году. Да в Тимошкине жеребью половина девке Оленке Левонтьевой дочери по духовной, а в другой половине за рекою в. половник земского дьячка Пятки Сергеева Тимошка Денисов, владеет по мирской даной 130 году.

Пашни паханые двенатцать чети с полуосминою и с тем, что за рекою за Виледью в поле, а в дву по тому ж. Сена сорок копен. В живущем выть без полчети выти. Поскотины по пашне шесть десятин. Лесу и болота тож. У тое ж деревни сена меж поль сто семьдесят копен. Оброку семь алтын, три деньги.

РГАДА. Ф. № 1209. Оп. № 1. Кн. 446. Л. 728

Деревня Тоболина, Леонтьевская

Приправочная

Л. 674 Деревня Тоболина, Леонтьевская, а в ней: в. Ивашко Климов. в. брат ево Пятунько. в. Онофрейко Иванов с сыном з Гаврилком, в. Родионко Степанов, в. Боженко Савин., в. Ерошка Торыскин.

Пашни паханые середние земли и с припашью **четырнатцать чети в поле, а в дву по тому ж. Сена сорок копен. В живущем выть.**

РГАДА. Ф. № 1209. Оп. № 1. Кн. 15039. Л. 674

---

² Далее оторвано. Зачеркнутый писцами в черновике текст мы приводим полужирным шрифтом. - Н. В.

Черновик
Справлено

Л 11 Деревня Тоболина, Леонтьевская, а в ней крестьян: в. Иванко Климов да сын ево Ярофейко, владеет по купчей 111 году. д. пуст Пятуньки Климова **владел**, а Пятунька умер во 129 году, владеет тем двором Ивашко Климов по тем же купчим. в. Левка Марков владеет по купчей 129 году. д. пуст Родьки Степанова, а Родька сшел на Вятку во 130 году, пашню того двора пашет Левка Марков, владеет по мирской данной **по мирской** 131 году. в. Офонька Поспелов да сын ево Ивашко владеют по мирской данной 123 году. в. Левка Мальцов да сын ево Тренька.

Пашни паханой **по приправочным книгам** средние земли семнатцать чети с осьминою. **четырнатцать чети. А по новому письму и мере пашни паханой примерено четыре чети без четверика.** Да перелогом осьмина без четверика в поле, а в дву по тому ж. Сена сорок копен. В живущем выть с четью, а в пусе полполполчети выти. **Да завытной пашни три четверика четыре четверика. З дву поль оборуку четыре деньги шесть алтын³ деньги.** Поскотины девять десятин. Лесу и болота десять десятин.

РГАДА. Ф. № 1209. Оп. № 1. Ч. 3. Д. 268/91. Л. 11

Беловик

Л. 763 об. Деревня Тоболина, Левонтьевская тож, а в ней крестьян: в. Ивашко Климов да сын ево Ерофейка владеют по купчей 111 году. д. пуст Пятуньки Климова, а Пятунька умер в 129 году, владеет тем двором Ивашко Климов по тем же купчим. в. Левка Марков, владеет по купчей 129-го году. д. пуст. Родьки Степанова, а Родька сшол на Вятку в 130-м году, пашню того двора пашет Левка Марков, владеет по мирской данной 131-го году. в. Офонька Поспелов да сын ево Ивашко владеют по мирской данной // (Л. 764) 123 году. в. Левка Мальцов да сын ево Тренька.

Пашни паханые средние земли семнатцать чети с осьминою. Да перелогом осьмина без четверика в поле, а в дву по тому ж. Сена сорок копен. В живущем выть с четью. А в пусе полполполчети выти. Поскотины девять десятин. Лесу и болота десять десятин.

РГАДА. Ф. № 1209. Оп. № 1. Кн. 446. Л. 763 об., 764

---

³ Далее оторвано

ОПИСАНИЕ ЦЕРКВЕЙ СПАССКОГО ПРИХОДА

В книге 1620 г. дается только название церкви и сказано, что в церкви есть образы и книги, которые не перечислены.

В черновой писцовой книге 1623–1628 гг. приведены название и архитектура церкви, ее убранство, перечислены все находящиеся в ней иконы с их украшениями, а также богослужебные книги.

В белой писцовой книге перечислены далеко не все находившиеся в церквях иконы и богослужебные книги.

Приправочная

Л. 689 об. В Вилегоцкой волости на усть р. Пыелы погост. На погосте храм во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа теплой с трапезою. Да другой храм во имя Зосимы и Саватая Соловецких чудотворцев.

А храмы и в храмах образы местные и поставные, а у образов приклад и свечи, и ризы, и книги, и колокола, и все церковное строение мирских людей Вилегоцкой волости и крестьян.

РГАДА. Ф. № 1209. Оп. № 1. Кн. 15039. Л. 689 об.

Черновик

Справлено

Л. 24 В Спаском ж приходе погост, а на погосте церковь во имя Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, клетцкии.

А в церкви образов: Деисус стоящей на двунатцати цках писан на празелени, двери царские и столпцы и сень писаны на золоте, **да две гривны у царских дверей**. Да образов месных: образ месной **Спаса** Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа писан на золоте, прикладу венец серебрян резной **позолочен**, да десять гривен серебряных **позолочены**; образ Пречистые Богородицы Одегитрея **меж царскими и северными дверьми** писан на золоте, да прикладу две гривны серебряных **позолочены**; да образ Пречистые Богородицы за престолом писан на празелени.

Да на погосте ж другая церковь, **вверх шетровой** во имя Изосима и Саватая Соловецких чудотворцов, **вверх шетровой**, а в нем образов **месных**: Деисус стоящей писан на празелени на одинатцати цках, двери царские и столпцы, и сень писаны на золоте. Да месных образов: образ **во имя** Изосима и Саватая Соловецких чудотворцов писан на золоте, да у тово ж образа прикладу два венца серебряные **позолочены** да восемь гривен серебряных **позолочены**; образ Пречистые Богородицы **меж царскими дверьми** писан на золоте, да прикладу две гривны.

Л. 24 об. Образ Пречистые ж Богородицы за престолом писан на золоте, **золочены**, прикладу два венца серебряных **золочены**, да на оной цке писано святые – образ **Власия Саватейского в чудесех**; образ **Ильи Пророка да Офанасия и Кирила, да Козьмы и Демьяна и Прокопья праведного Устюжского чудотворца**, да **Ворлама Новгородцкого чудотворца** писаны на золоте на одной цке. Образ **Фрола и Лавра** писан на золоте, да прикладу пять гривен серебряных **позолочены** да четыре образа **Пядниц** писаны на золоте образ **Рождства Христова** на золоте, образ **жен мироносиц** писаны на золоте; образ святые **Пороскевеи нарицаемые Пятницы** да святые мученицы **Екотерины**, да святые мученицы **Варвары** писаны на золоте на одной цке.

Да в тех же церквах книг: Евангелие на престольное, печать московская в десть, **Евангелие на престольное ж писчье в десть**, Апостол печать литовская в десть. Псалтырь печать литовская в полдесть **другая Псалтырь в полдесть ж**, Полууоставье писчье в полдесть **Триодь Постная** в десть, **Триодь Цветная** печать московская в десть [две] **Миней писчих общих** в полдесть, две **Миней месячные**⁴.

РГАДА. Ф. № 1209. Оп. № 1. Ч. 3. Д. 268/91. Л. 24-24 об.

Беловик

Л. 763 об. В Спасском же приходе погост, а на погосте церковь во имя **Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа**, древяна клетчки. А в церквах образов: **Деисус** стоящей на двунатцати цках, писан на празелени. Двери царские и столпцы, и сени писаны на золоте. Да образов местных: образ местной **Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа** писан на золоте, прикладу **венц серебрян резной** да **десять гривен серебряных**; образ **Пречистые Богородицы Одегитрия** писан на золоте, да прикладу **две гривны серебряных** да образ **Пречистые Богородицы за престолом**, писан на празелени.

Да на погосте ж **другая церковь** во имя **Зосимы и Саватея Соловецких чудотворцов**, вверх шатровой, а в ней образов: **Деисус** стоящей, писан на празелени на **одинадцати цках**. Двери царские и столпцы, и сень писаны на золоте. Да местных образов: образ **Зосимы** || (л. 764) и **Саватея Соловецких чудотворцев** ткан на золоте, да у того ж образа прикладу **два венца серебряные** да **восемь гривен серебряных** **позолочены**; образ **Пречистые Богородицы** писан на золоте да прикладу **две гривны**; образ **Пречистые Богородицы за престолом** писан на

---

⁴ Продолжения нет.

золоте, прикладу два венца серебряных, да прикладу ж пять гривен серебряных, да четыре образа пятниц писаны на золоте.

Да в тех же церквах книг. Евангелие на престольное печать московская в десть; Апостол печать литовская в десть; Псалтырь печать литовская в полдесть; Полууставье писменное в полдесть; Треодь Постная писменная в полдесть; Триодь Цветная печать московская в десть; две Миней общих писменные в полдесть; две Миней месечные печать московская...

РГАДА. Ф. № 1209. Оп. № 1. Кн. 446. Л. 763 об., 764

Приложение 3

ОПИСАНИЕ ПОЖЕН СПАССКОГО ПРИХОДА

В разделе описания оброчных пашен, рыбных ловель и сенных покосов в черновике упомянуты и отхожие пашни, тогда как в беловике эти сведения отсутствуют.

Черновик

Справлено

Л. 26 Пожня Березовец, сена дватцать шесть копен. **Да тут же отхожие пашни десятина**, владеет Павлушка Поздячков с товарищи, деревне Петрушинские. Оброку с пашни и с сена два алтына полтора деньги, полосмы деньги.

Пожня Кошелиха, а Кривец тож, сена тритцать копен, владеет Ивашко Творогов деревни Воробьевы. **Отписи нет.** Оброку девять денег.

РГАДА. Ф. № 1209. Оп. № 1. Ч. 3. Д. 268/91. Л. 26

Д. А. Черненко
(*Московский государственный университет*)

К ВОПРОСУ О «ЛЮДЯХ» ПИСЦОВЫХ КНИГ (по материалам писцовой книги Суздальского уезда 1628–1630 гг.)*

Исследователям, работающим с материалом писцовых книг первой трети XVII в., приходится иметь дело с данными приблизительными и неоднозначными. Но преимущество этого своеобразного кадастра в том, что он содержит важнейшие показатели состояния хозяйства на

---

* Автор благодарен аспиранту исторического факультета МГУ Д.А. Хитрову за высказанные им ценные наблюдения по данной теме.

большей части территории страны. Поэтому всякое уточнение отдельных особенностей писцовой статистики представляется небезынтересным. Как известно, в комплексе сведений, содержащихся в писцовых книгах, есть и данные о населении, исчисляемые в количестве «людей» во дворе. В статье представлены некоторые наблюдения относительно «людей во дворах», сделанные на основе писцового описания довольно обширного в XVII в. Суздальского уезда¹.

Более надежными считаются сведения о количестве дворов, они чаще приводятся исследователями как показатель населенности или запустения той или иной местности или владения, а также величины поселения. Тем не менее данные о «людях во дворах» тоже используются историками при анализе писцовой статистики и по-разному интерпретируются ими.

Н.А. Рожков считал, что «люди во дворах» – это крестьянское рабочее население². С возражениями ему выступил В.О. Ключевский, видевший за этим термином дворохозяев³. Ю.В. Готье полагал, что в XVI в., при сошном окладе писцам незачем было сколько-нибудь полно фиксировать население двора. Но в книгах первой трети XVII века, по его мнению, было записано все мужское население двора, т.к. этот же принцип проведен и в других описаниях XVII в. Небольшое количество «людей» во дворе он объяснял недавними потрясениями Смуты⁴. Историки, занимавшиеся новгородскими писцовыми книгами, интерпретировали данные о «людях» в общем, одинаково. А.М. Андрияшев считал, что в старом письме (т.е. в писцовых книгах 1470-х – начала 1490-х гг.) перечислены дворохозяева, а в новом – главы семейств⁵. Той же точки зрения придерживался и А.А. Кауфман, отметивший примерное совпадение среднего количества работников на двор в северо-западных губерниях, которое давала современная статистика со средним числом «людей» на двор по новгородским писцовым книгам рубежа XV-XVI вв.⁶ А.М. Гневушев также считал, что в «новом письме» перечислены главы семейств, и предложил свою методику исчисления количества населения по этим данным, по которой число «людей» умножалось на 6⁷.

Авторы фундаментальной «Аграрной истории Северо-Запада России» (в первую очередь – Т.И. Осьминский) также полагали, что «люди во дворах» – это главы семейств, и на основе этого ими были сделаны важные выводы о количестве, плотности и движении населения в новгородских пятинах за длительный период. При этом по условному коэффициенту 1 «человек» во дворе (т.е. 1 семья) переводился в 5 душ обоого пола, каждый следующий «человек» (семья) добавлял к ним еще 2,5 души обоого пола на двор⁸. Принятый для книг конца XV – начала XVI в., этот принцип соблюден и для писцовых описаний всего

XVI столетия, причем аргументом послужил корреляционный анализ взаимосвязи числа «людей» во дворе и надела⁹. Важно отметить, что Я.Е. Водарский впоследствии подтвердил правильность этих перерасчетов Т.И. Осьминского, сделанных им на материале второй половины XVII-XVIII вв. и перенесенных на более ранний период¹⁰.

К материалу XVII века авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» подошли двояко: писцовые сведения за 1616-1623 гг. переводились по изначальному методу, а данные писцовых книг второй половины 20-х гг. и более поздних описаний XVII в. были удвоены¹¹. Считалось, что в первом случае писцы продолжали учитывать только глав семей, а во втором – уже все мужское население. О том, что уже в писцовых книгах 1620-х гг. фиксировалось все мужское население двора, говорится и в монографии В.М. Воробьева и А. Я. Дегтярева¹².

Авторы новаторской коллективной монографии «Тенденции аграрного развития России первой трети XVII столетия» по-иному подошли к данным о «людях во дворах». В качестве исходного наблюдения ими было установлено, что вотчина населена «людьми» лучше, чем поместье¹³. Для решения основных исследовательских задач были взяты суммарные данные о «людях во дворах» во владении в расчете на его общую площадь. Полученная таким образом своеобразная единица плотности населения соотносилась с другими показателями, взятыми также на десятину общей площади владения¹⁴. В этой модели связи переменной «люди во дворах» с другими показателями («пашня паханая» (крестьянская и владельческая), «перелог» и др.) указывали на взаимную обусловленность хозяйственных и демографических процессов в вотчине и поместье. Регрессионный анализ позволил сделать важное наблюдение о более быстром росте населенности вотчины с увеличением числа дворов, чем в случае с поместьем¹⁵.

Обобщая дискуссию по проблеме населенности двора в XVI-XVII вв., Н.А. Горская отметила, что большая часть исследователей считает «людей» писцовых книг XVI в. главами семей (или женатыми мужчинами)¹⁶. Добавим, что «людям» писцовых книг первой трети XVII в. уделялось меньше внимания, чем в случае с ранними новгородскими писцовыми книгами, писцовыми книгами XVI в. или переписными книгами XVII в. Отсюда и некоторая неоднозначность в интерпретации этого термина. Как уже говорилось, Ю.В. Готье и авторы «Аграрной истории Северо-Запада» придерживались мнения, что «люди» здесь – все мужское население двора. М.В. Витов полагал, что в книгах первой трети XVII в. «учтено только взрослое население и, по видимому, все»¹⁷. По мнению А.Л. Шапиро, в писцовых книгах 1620-х гг. «иногда учитываются только «люди» – главы семейств (как в XVI в.), а иногда все взрослые мужчины (как в переписных книгах 1640-х гг.)»¹⁸.

Л.В. Милов подчеркивал, что «в XVI в. и в первой трети XVII в. писцовые, приправочные, дозорные книги, сотницы отмечали исключительно дворовладельцев и лишь иногда (в XVII в.) взрослое мужское население двора»¹⁹

Можно ли выяснить, в каких случаях состав двора отражался полнее?

Обратимся к данным нашей писцовой книги. По классификации Л.В. Милова, писцовая книга Суздальского уезда относится к варианту «с неразделенной пашней»²⁰. В работе использована база данных, созданная на основе текста книги. Мы исходили из того, что писцовое описание в принципе содержит комплексную информацию, отдельные составляющие которой так или иначе взаимосвязаны, и в качестве метода поиска этих взаимосвязей мы применяли уже многократно апробированный на писцовом материале корреляционный анализ.

В Суздальском уезде писцами было зафиксировано около 9600 крестьянских и бобыльских дворов, а в них – более 15200 «людей». О крестьянских и бобыльских дворах речь идет потому, что, как известно, во дворах «людских», «деловых людей», «приказчиковых», «монастырских детенышей» и других категорий зависимого населения практически всегда записан один «человек», а иногда число «людей» вовсе не указывалось. В крестьянских и бобыльских дворах число людей могло сильно колебаться, в нашем случае от 1 до 11. Однако как среди крестьянских, так и среди бобыльских дворов преобладали «однородные» дворы, составлявшие, соответственно, 68 и 63 % от общего числа. Где располагались эти дворы, как их наличие согласуется с картиной сельского расселения, с данными о «пашне паханой», со структурой феодального землевладения – эти вопросы представляются наиболее важными для данной темы.

Исходя из определения «людей во дворах» как глав семей, приходится предполагать, что в этом крае шло интенсивное отпочкование семьянинов. Между тем Суздальский уезд – это, как известно, район старого освоения, и в первой трети XVII в. починки составляли здесь 6,5 % от всех жилых поселений²¹ и были сосредоточены в слабо освоенной восточной части уезда. Правда, в уезде было много мелких деревень: почти две трети из них (а это более тысячи поселений) составляли деревни в 1-3 двора. Это указывает на относительную легкость в обработке земли, особенно в условиях ополья, и на возможность сравнительно небольшими усилиями основать новое поселение.

На первый взгляд, в этом можно увидеть связь с данными о «людях во дворах». Средняя «людность» двора была равна 1 в 37,5 % деревень. «Многолюдные» дворы (4 и более «человека») в среднем на

двор) встречались в суздальских деревнях исключительно редко – примерно в 6 % поселений. Но было ли сколько-нибудь четкое соответствие средней «людности двора» величине деревни?

Для ответа на этот вопрос нами были выстроены два ряда: в одном – общее количество дворов в данной деревне, в другом – средняя «людность» двора в ней. Коэффициент корреляции оказался крайне мал ($r = -0,28^{22}$), и общий вывод состоит в отсутствии четкой взаимосвязи между размером поселения (а значит, и его возрастом) и «людностью» двора, указанной писцами. Обратимся к данным по селам Суздальского уезда.

Вполне понятно, что села – опорные пункты всякой локальной системы сельского расселения, сформировавшиеся раньше других поселений. Логично поэтому предполагать здесь и большее количество «людей» на двор. Но соотношение размера поселения и средней «людности» двора оказывается здесь еще более противоречиво, чем в случае с деревнями. Так, крупнейшее в уезде торгово-ремесленное село Лежнево (Опольский стан) насчитывало 149 дворов, а на крестьянский и бобыльский двор приходилось здесь 1,1 «человека», село Мыт, давшее название крупному стану, насчитывало 67 дворов при средней «людности» двора тоже в 1,1 «человека». Но в маленьком селе Кошеево (всего 7 дворов) она достигала 4,3 «человека» на двор. Можно привести и другие примеры подобного рода. Корреляционный анализ и здесь показал полное отсутствие взаимосвязи между «дворностью» поселения и средней «людностью» двора ($r = -0,009$).

На наш взгляд, это свидетельствует о невозможности интерпретировать данные суздальской писцовой книги о «людях во дворе» через обращение к структуре сельского расселения в уезде.

Интересно также выяснить, существует ли взаимосвязь между количеством «людей во дворе» и количеством «пашни паханой», приходящейся на двор. Были выстроены два ряда: среднее число «людей» на двор в данном поселении и количество «пашни паханой», рассчитанной на двор в этом же поселении. Этот анализ учитывал соотношение практически во всех поселениях уезда. Коэффициент корреляции оказался весьма незначительным ($r = 0,23$), т.е. зависимость между примерным объемом земледельческих работ и числом «людей», приходящихся на двор, отсутствует. Возникает вопрос: что же тогда выражает эта единица, так слабо согласующаяся с напрямую относящимися к ней показателями? Ведь важно не просто «забраковать» ее, а попытаться интерпретировать с других позиций.

Территорию Суздальского уезда XVII в. можно условно поделить на две части: первая охватывала ее с юга и востока (станы Опольский, включая волости Быковскую и Назарьевскую, Стародуб-Ряполовский,

Мыцкий и Матня); вторая – с запада и севера и состояла из 12 менее значительных по площади станов²³.

Эти части различались своими почвенными условиями. Южная включала знаменитое ополье, в котором доля «добрых земель» превышала 40 %, на севере и северо-западе преобладали «средние» земли. Территория уезда была освоена крайне неравномерно. Так большая часть «четвертной пашни» (около 70 %) и подавляющая часть крестьянского населения (около 90 %) располагалась в южных станах, которые поэтому были лучше распаханы («пашня паханая» составляла здесь 37,2 % «четвертной земли», а в северных – 24,3 %). Важным критерием этого деления является и структура феодального землевладения.

В целом в Суздальском уезде в первой трети XVII в. поместное землевладение составило 47 % всей «четвертной земли», светские вотчины аккумулировали 21 %, а духовные – 22 %. Около 10 % составлял фонд «порозжих земель».

На юге доминировали крупные собственники – монастыри (Троице-Сергиев, Спасо-Ефимьев в Суздале, Рождественский во Владимире), архиепископ Суздальский и Тарусский, патриарх, князя Иван Иванович Шуйский, Иван Борисович Черкасский, Пожарские, Ромодановские и др. Так, в Опольском стане доля духовного землевладения достигала 48 %, доля княжеско-боярского землевладения (и поместного, и вотчинного) составляла в Стародуб-Ряполовском стане 35 %, а в Мыцком – 80 %. Как правило, это были крупные и богатые владения. Для нас особенно важно, что «однолюдные» дворы составили здесь 80,3 %. Во владениях рядовых служилых людей тех же станов они составили лишь 36,6 %. Особенно характерен пример своеобразного мелкопоместного «анклава» на территории южных станов – небольших Быковской и Назарьевской волостей, в которых доля поместных земель составляла 76 и 89 %. Здесь и земли распахивалось меньше (28 % против 40 % в монастырских и княжеско-боярских владениях), и доля «однолюдных дворов» падала в почти в 3 раза (до 29 %).

В более слабо освоенных северных станах уезда княжеско-боярских и монастырских владений крайне было мало или не было вовсе, а доля поместного землевладения достигала 93 %. Здесь доля «однолюдных дворов» также резко снижалась по сравнению с крупными вотчинниками на юге уезда, составляя всего 34,2 %.

При чтении книги складывается устойчивое впечатление, что при описании крупной вотчины писцу было достаточно указать на наличие в крестьянском дворе хотя бы одного «человека», и тем самым зафиксировать этот двор как «живущий», положить его в «живущую четь». В крестьянских и бобыльских дворах, принадлежащих помещикам, ука-

зывалось, как правило, более одного человека. Возможно, причина в том, что мелкий помещик, не располагающий ни разветвленным аппаратом управления, ни обширной учетной документацией, ни значительным экономическим потенциалом, гораздо больше рискует потерять рабочие руки, чем боярин или монастырь-вотчинник. Поэтому он заинтересован в более полном перечислении своих «людей» в писцовой книге. Вполне определенную уступку этой заинтересованности служилых людей со стороны власти можно проиллюстрировать статистически.

Таблица 1

ПРОЦЕНТАЯ ДОЛЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРОВ С ТЕМ ИЛИ ИНЫМ ЧИСЛОМ «ЛЮДЕЙ» ПО КАТЕГОРИЯМ ВЛАДЕНИЯ

	Поместья	Светкие вотчины	Духовные вотчины
	дворов (%)	дворов (%)	дворов (%)
1 «человек»	39,06	67,23	79,98
2 «человека»	32,36	19,14	14,76
3 «человека»	13,53	7,52	4,70
4 и более «людей»	15,05	6,11	0,56
Всего	100	100	100

Таблица 2

ПРОЦЕНТАЯ ДОЛЯ БОБЫЛЬСКИХ ДВОРОВ С ТЕМ ИЛИ ИНЫМ ЧИСЛОМ «ЛЮДЕЙ» ПО КАТЕГОРИЯМ ВЛАДЕНИЯ

	Поместья	Светкие вотчины	Духовные вотчины
	дворов (%)	дворов (%)	дворов (%)
1 «человек»	40,65	61,91	87,56
2 «человека»	34,13	23,50	10,16
3 «человека»	13,55	8,21	1,92
4 и более «людей»	11,67	6,38	0,34
Всего	100	100	100

В обеих группировках обращает на себя внимание две закономерности: во-первых, доля «однолюдных» дворов в поместьях оказывается существенно ниже, а, во-вторых, распределение дворов по критерию «людности» в поместьях значительно более равномерно, чем в светских и особенно в духовных вотчинах. Сильную диспропорцию в населенности дворов вотчин невозможно, на наш взгляд, объяснить причинами демографического характера, речь идет именно о разных

принципах фиксации населения. Можно предположить, что при описании поместий писцы действительно записывали все взрослое мужское население двора, а при описании светских и в особенности духовных вотчин чаще отмечались только дворовладельцы.

Некоторые подтверждения выводу можно найти и в рассмотренной выше литературе, особенно на примере монастырских владений. Я.Е. Водарский изучал долговую книгу Иосифо-Волоцкого монастыря 1532 г., убедительно показав при этом логику появления «однолюдного» двора. В итоге в 374 из 598 рассмотренных им дворов (63 %) мог быть записан 1 «человек» (женатый мужчина). Казалось бы, процент высок (хотя и заметно ниже, чем в наших расчетах), но автор тонко подмечает, что речь идет о должниках монастыря, среди которых одинок или бездетных семей должно быть больше в сравнении с общей массой зависимого населения²⁴. При учете этого обстоятельства предположительная доля «однолюдных» дворов должна стать еще ниже, приближаясь к нашим показателям по поместьям. А.Л. Шапиро сравнивал вотчинную перепись 1624 г. Рукиной Слободки, принадлежавшей Кирилло-Белозерскому монастырю, и писцовую книгу Белозерского уезда 1626-27 гг. Одно из различий между ними состоит в резком сокращении числа «людей», которых по писцовой книге во всех случаях приходилось теперь по одному на двор²⁵.

Итак, наше предположение состоит в том, что число «людей» во дворах находится в зависимости от структуры землевладения и уровня развития хозяйства в той или иной части уезда. Проверим его корреляционным анализом. Для этого корреляция подверглись соответствующие показатели, взятые на уровне станов (всего 16 станов и две волости)²⁶. Результаты приведены в таблице 3. Мы взяли, с одной стороны, показатели, характеризующие хозяйственный потенциал (строки 1-3), и структуру феодального землевладения (строки 4-7) в стане, а с другой – долю «однолюдных» дворов от всех крестьянских и бобыльских дворов в стане.

Таблица 3

СВЯЗЬ МИНИМАЛЬНОЙ «ЛЮДНОСТИ» ДВОРА СО СТРУКТУРОЙ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И СОСТОЯНИЕМ ХОЗЯЙСТВА

ПОКАЗАТЕЛИ ПО СТАНАМ		КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ
1. Доля «пашни паханой» ²⁷	Доля «однолюдных» дворов	0,61
2. Доля «перелога и леса» ²⁸	-/-	-0,65
3. Доля пустых дворов ²⁹	-/-	-0,46
4. Доля поместных земель ³⁰	-/-	-0,71

ПОКАЗАТЕЛИ ПО СТАНАМ		КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ
5. Доля земли в светских вотчинах	-/-	0,61
6. Доля земли в духовных вотчинах	-/-	0,61
7. Общая доля вотчинной земли	-/-	0,78

В результате получены интересные, на наш взгляд, коэффициенты. Можно указать на увеличение доли «однолюдных» дворов при увеличении доли «пашни паханой», долей землевладения светских и духовных вотчинников, общей доли вотчин и уменьшение доли «однолюдных дворов», в первую очередь, при увеличении доли поместных земель, а также доли «перелога и леса» и, хотя и в очень небольшой степени, при увеличении доли пустых дворов.

На наш взгляд, последние четыре коэффициента подтверждают наблюдения, сделанные на основе таблиц 1 и 2. Видно, что на уровне станов преобладание «однолюдных» дворов территориально соответствует преобладанию вотчинного землевладения, а убывание «однолюдных» дворов территориально совпадает с преобладанием поместий.

Казалось бы, первые два коэффициента выглядят странно. Вряд ли можно полагать, что чем лучше распахана земля в стане, тем менее населенными должны быть крестьянские и бобыльские дворы на его территории, и, напротив, земли меньше распахивается там, где чаще встречаются большесемейные дворы. Поэтому более правомерным выглядит наше исходное наблюдение о том, что в условиях большего запустения население двора, видимо, фиксировалось более подробно. Однако здесь зависимость не столь заметна, как в случае с показателями по землевладению.

Итак, можно сделать вывод, что число «людей во дворах» в суздальской писцовой книге – это зачастую результат разных подходов властей к проблеме фиксации населения в поместье и вотчине с учетом последствий кризиса. Видимо, там, где преобладали поместные земли, и где сильнее ощущалось запустение, писцы в принципе подробнее учитывали население двора. Поэтому данные о «людях во дворах» в поместьях Суздальского уезда представляются более полными, а их интерпретация как количества всего взрослого мужского населения двора – более правомерной, чем в отношении вотчин. Видимо, при описании светских и особенно монастырских вотчин уезда чаще записывались только дворохозяева.

Конечно, наши наблюдения нуждаются в проверке на более широком материале, и они тем более не подразумевают отрицания значи-

мости сведений о «людях во дворах» в пределах вотчинного землевладения в целом. Думается, что многое здесь определяется районом изучения. Специфика выбранного нами уезда состоит в том, что его административные границы охватили территории, резко различающиеся с точки зрения структуры феодального землевладения и общего хозяйственного освоения. Это объясняет и специфику источника - наличие разных подходов в фиксации населения в одной книге. Представляется поэтому, что наши предположения могут быть полезны для изучения именно тех районов, где в общей структуре землевладения существенной была доля вотчин титулованной знати и монастырей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11317 (Ч. 1 – 3), 11318 (Ч. 1 – 2), 11319, 11320 (Ч. 1 – 2).

² Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 147–151.

³ Ключевский В.О. Соч. Т. VIII. М., 1959. С. 373 – 374.

⁴ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Очерк истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. С. 59 – 60.

⁵ Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг. Списки селений. М., 1914. С. VII–VIII.

⁶ Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498-1501 гг. Пг., 1915. С. 14.

⁷ Гневуше в А.М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. 1. Киев, 1915. С. 40 – 41, 155.

⁸ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л. 1971. С. 20.

⁹ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 9.

¹⁰ Водарский Я.Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России XVI-XIX вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 121.

¹¹ Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1980. С. 9.

¹² Воробьев В.М. Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение с «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 14.

¹³ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография. Компьютер. Методы исследования. М., 1986. С. 222.

¹⁴ Там же. С. 250.

¹⁵ Там же. С. 254.

¹⁶ Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма (итоги и проблемы изучения). М. 1994. С. 102.

¹⁷ Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII веков. М. 1962. С. 130.

¹⁸ Шапиро А.Л. Живущая четь и живущая вить // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XIX. Л., 1987. С. 117.

¹⁹ Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 137.

²⁰ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Указ. соч. С. 111 – 155.

²¹ Всего в писцовой книге содержатся полные данные о 2228 поселениях – селах (204), слободках (6), сельцах (162), деревнях (1813), починках (143).

²² Коэффициент корреляции (r) принимает значения от -1 до 1 . При $r = 0$ связь отсутствует. Знак r указывает на направление связи: если он положительный, то связь прямая (увеличение одного признака сопряжено с увеличением другого), если отрицательный, то она обратная (увеличение одного признака сопряжено с уменьшением другого). Силу связи отражает коэффициент детерминации, равный квадрату значения r , взятому в процентах. В данном случае он будет равен лишь 7,84 %, т.е. связь очень слабая. О сильной связи можно говорить лишь при $r = 0,71$ (или $-0,71$) и более, т.к. в этом случае коэффициент детерминации превышает 50 %. Если значение r колеблется от 0,52 до 0,70, оно указывает на значимую связь.

²³ Карты уезда с указанием станов приведены в приложениях к работам Ю.В. Готье и Я.Е. Водарского (см. Готье Ю.В. Указ. соч.; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977).

²⁴ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 121.

²⁵ Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 112.

²⁶ Конечно, станы могли быть весьма различны по площади. Так, суммарная площадь «четвертной пашни» в крупнейшем Опольском стане была порой в 50 раз больше чем в мелких северных станах. Но для корреляции мы берем только относительные показатели (в процентах), нивелируя таким образом различия в абсолютных данных по станам. На наш взгляд, это делает процедуру корреляции вполне корректной.

²⁷ Имеется в виду доля всей «пашни паханой» – и помещичьей, и вотчинной – от всей «четвертной пашни» в стане.

²⁸ В писцовой книге Суздальского уезда данные по перелогам и «лесом поросшей пашне» даны суммарно.

²⁹ Рассчитано по отношению ко всем крестьянским и бобыльским дворам в стане.

³⁰ Имеется в виду доля всей «четвертной пашни» – и «паханой», и «перелогом и лесом поросшей», принадлежавшей помещикам, от всей «четвертной земли» в стане. Аналогичным образом рассчитаны и доли вотчинных земель.

М. С. Черкасова
(Вологодский государственный
педагогический университет)

БРАЧНОСТЬ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДЫ И ВОЛОГОДСКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА (по приходе-расходным книгам архиерейской кафедры)*

Одним из приоритетных направлений современной исторической науки (как зарубежной, так и отечественной) является изучение проблем исторической демографии. Она по праву считается междисциплинарной, комплексной наукой, интегрирующей многие стороны исторического прошлого – социально-экономическое и социокультурные, учитывающей взаимодействие объективных и субъективных

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 02-01 -00063а).

факторов исторической эволюции¹. Крупнейший современный историко-демограф Я. Е. Водарский считает одной из первоочередных задач этой дисциплины изучение систем учета населения и источников, их отразивших². Основным источником по истории народонаселения России в XVI–XVII вв. являются писцовые и переписные книги, в исследовании которых были достигнуты значительные результаты в трудах дореволюционных и современных историков (М. М. Богословский, М. Б. Булгаков, С. Б. Веселовский, Я. Е. Водарский, Н. П. Воскобойникова, Ю. В. Готье, З. В. Дмитриева, А. С. Лаппо-Данилевский, Л. В. Милов, О. А. Шватченко и мн. др.). Итоги демографического изучения России периода феодализма подведены, а задачи дальнейшего изучения демографических процессов намечены в обобщающей монографии Н. А. Горской³.

Расширение источниковой базы, введение в научный оборот новых разновидностей документов, без сомнения, выявит новые резервы для научного познания демографических процессов. Одной из таких разновидностей является комплекс документации, отразившей важную сторону воспроизводства народонаселения – **брачность**, понимаемую как процесс формирования новых брачных пар. Заметим, что речь идет об изучении брачности в **досинодальный период**, приведший более четкий **метрический учет** рождаемости, брачности и смертности населения в России. В XVII в. предшественником такого учета стала разнообразная документация, происходящая из архиерейских канцелярий и церковно-приходских архивов (венечные разделы в приходо-расходных книгах и книги сбора венечных пошлин приходских священников). Этим документам, в свою очередь, тоже можно найти «предшественника» – в лице актового материала XV–XVI вв., содержащего сведения о венечных пошлинах в разных уездах Московской Руси.

Крупнейший современный специалист по дипломатике С. М. Каштанов обстоятельно выяснил употребление терминов «убрусное», «свадебное», «новоженное», «выводная куница», «роздвинское» в жалованных грамотах великих и удельных князей русским монастырям и в Книге Ключей Иосифо-Волоколамского монастыря. Исследователь проанализировал состав и размеры брачных пошлин в Белозерской уставной грамоте 1488 г. Согласно этому памятнику, владычный десятильник брал знаменную пошлину со вступающего в брак мужчины в размере 3 денег. С выдаваемых замуж женщин выводная куница в пределах Белозерской земли составляла 1 алтын, а в Московскую или Новгородскую землю – 2 алтына. Если свадебные пошлины за выдачу замуж шли в пользу государственной или частно-

феодальной администрации, то венечные пошлины с брачующихся мужчин поступали в распоряжение церковных властей⁴.

В архиве Кирилло-Белозерского монастыря сохранились жалованные грамоты ростовских архиепископов XVI в., рисующие порядок взимания монастырскими властями, в силу дарованного им иммунитета, «знамян». В жалованной грамоте архиепископа Досифея от 7 января 1542 г. говорилось об архиерейском знаменщике на Белоозере, получавшем знаменные деньги от монастырского казначея, а тому, в свою очередь, их доставляли приходские священники из кирилловских сед. Размер знаменной пошлины – 3 деньги – соответствовал норме Белозерской уставной грамоты⁵. В последующей серии жалованных грамот Ростовских владык Кириллову монастырю (1576-1579 гг.) предусматривался такой же порядок сбора знамянных пошлин и уточнялось, что в соответствии со Стоглавом, следовало брать с отрока 1 алтын (3 деньги), вдовца-двоеженца – 2 алтына, а с третьего брака – по 4 алтына, «опричь писчего и пошлин»⁶. В некоторых кирилловских вотчинах за пределами Белоозера был особый порядок взимания брачных пошлин. Так, в жалованной грамоте митрополита Дионисия 1 января 1585 г. попу Покровской церкви в селе Куликове Дмитровского уезда говорилось об его праве венчать без «знамени» десятильника и поповского старосты, а собранное отдавать на мясоед «в Божью правду безхитростно»⁷. Порядок такой был установлен для Кирилло-Белозерского монастыря в Дмитровской десятине еще при митрополите Макарии, а затем его подтверждали последующие высшие церковные иерархи – Афанасий, Кирилл, Антоний, Дионисий, Иов. От начала XVII в. сохранились платежные отписки митрополичьих казначеев о взятии с Кириллова монастыря знамянных пошлин плюс печатные и писчие от «знамян». Примечательно, что к началу XVII в. они возросли – с отрока теперь бралось по 2 алт. 3 деньги, со второго брака – по 4 алт. 3 деньги, с третьего брака – по 6 алт. 3 деньги⁸. В вологодских селах Кириллова монастыря, согласно жалованной грамоте Вологодского и Великопермского Макария от 24 марта 1574 г., приходские священники обязаны были сами привозить венечную пошлину в архиерейскую казну «всю сполна без недобора»⁹.

От актовых источников более раннего времени обратимся теперь к делопроизводственной документации XVII в. В сборнике материалов XII Всероссийского совещания по писцовым книгам была издана интересная статья молодого исследователя В.А.Перевалова о книгах сбора венечных пошлин, которые вели приходские священники в XVII – начале XVIII в.¹⁰ Можно согласиться с автором, что подобного рода источники являются еще практически неоткрытыми. при изучении

проблем исторической демографии. В приложении к статье В. А. Перевалов издал книгу сбора венечных пошлин Сумерской волости Новгородской епархии священника Е. Исидорова с 27 апреля 1638 по 18 февраля 1639 г. Близкую по типу книгу сбора венечных пошлин Никольского Буховского погоста Новгородской епархии священника И. Михеева за февраль 1654 г. нам удалось обнаружить в фонде Синода РГИА¹¹. Помимо названных выше книг сбора венечных пошлин к документации, отразившей брачность населения, следует отнести и наказные грамоты архиереев своим слугам (митрополичьим детям боярским) о сборе подобных пошлин, допросные речи и сказки архиерейских слуг о проведенном сборе и т. д.¹²

Еще одна разновидность массовых источников для изучения брачности городского и сельского населения в XVII в. отложилась в фондах Вологодского государственного архива и Отдела рукописей Вологодского музея-заповедника. Это обширный комплекс приходо-расходных книг архиерейского дома за XVII в., имеющих разделы о выдаче венечных «знамян» (памятей)¹³. В краеведении, если не ошибаемся, они привлекли внимание только историко-демографа и статистика 1920-х годов Н. В. Фалина. К сожалению, его работа «Краткий обзор движения населения г. Вологды» до сих пор остается не опубликованной¹⁴.

Подлинность приходо-расходных книг вологодских владык удостоверяется скрепами на полях владычных дьяков, а иногда и самих вологодских архиереев (Варлаама, Маркелла). Полнота же информации о приходе и расходе архиерейской казны в книгах разная – некоторые включают записи лишь за несколько месяцев определенного года, но большинство содержит полную годовую фиксацию движения денежных сумм, довольно равномерно распределяясь по десятилетиям XVII века. Ряд приходо-расходных книг имеет карандашные пометки вологодского краеведа Н. И. Суворова. Так, им была замечена перебивка текста в приходо-расходной книге за 1627/28 г. в которой после 19 января (л. 116об.) идут записи за февраль, а на л. 157 последовательность записей восстанавливается. За 19–26 января информация в этой книге оказалась продублированной.

Венечные разделы приходо-расходных книг отражают динамику заключения браков по месяцам, размер взимаемых пошлин в зависимости от частоты браков, состав (социальный и национальный) лиц вступающих в брак в городе и уезде, структуру брачности. Последняя выражается следующим образом: 1) «оба отроки»; 2) жених вторым или третьим браком, невеста – «отроковица»; 3) жених – «отрок», невеста – вторым или третьим браком; 4) оба вдовцы, то есть вступают в брак второй или третий раз. И хотя размер пошлины при заключении

браков был установлен еще в Стоглаве («с первого браку алтын (3 копейки, или 6 денег. – М. Ч.), а со второго 2 алтына, а с троюженца 4 алтына»), в изученных нами венечных разделах встречаются более высокие размеры пошлин: первый брак обычно облагался гривной (10 коп., или 20 денег. – М. Ч.), второй брак – двумя, а третий – тремя гривнами. В венечных разделах приходных книг нередко записи о том, что пошлины с повторных браков в городе были взяты «вполы для их (брачных партнеров. – М. Ч.) бедности» либо вовсе не взяты, следовательно, такие браки нередко совершались вдовами и вдовцами от нужды, и им трудно было заплатить 20-30 копеек. Не всегда вдовство служило причиной повторного брака в городе. В книгах находим ре-марки типа «жена ево збежала и по обыску ему велели женитца. Взято 2 гривны».

Иногда повышенные пошлины брались в случае вынужденного венчания новобрачных в периоды постов («в заговение»), что не одобрялось церковью. Нельзя сказать, что внебрачные дети в России ставились вне закона. На Русском Севере действовала норма Судебника 1589 г., устанавливавшая возмещение за «бесчестье» даже «выбляткам», родившимся «не у венчяльные жены» – 2 деньги «для матерних промыслов» (ст.69)¹⁵. В книгах отмечены факты выдачи венечных знамян жениху при отсутствии у него конкретной невесты, на будущее («где приищет, припытает»). В отличие от писцовых и переписных книг, не фиксировавших женское население (кроме вдов-дворовладелиц), венечные разделы приходных книг сообщают равное количество сведений и о мужском, и о женском населении, рисуя его в такой момент жизни человека, как вступление в брак, освящаемый православной церковью. Вступление это являлось важнейшим условием последующего воспроизводства населения, что было особенно важно для Вологды, в сильнейшей степени разоренной поляко-литовцами в сентябре 1612 г.¹⁶

В качестве начального этапа изучения брачности **городского населения** Вологды нами были обработаны сведения по приходским церквям в четырех наиболее ранних годовых комплексах книг – за 1617/18, 1620/21, 1621/22 и 1627/28 гг. По ним устанавливается восходящая динамика брачности у горожан – 141 брак в 1617/18 г., 163 брака в 1620/21 г. и по 193 брака в 1621/22 и 1627/28 гг. Наблюдение о положительной динамике брачности усиливается и при обращении к уездным записям венечных разделов приходо-расходных книг, зафиксировавшим брачность у сельского населения. В уезде **среди крестьян** в 1617/18 г. было заключено 363 брака, а в 1627/28 г. – 781 брак. Всего же за указанное десятилетие в городе и уезде образовалось почти 1,5 тысячи новых семей.

Более половины всех заключенных в 1618-1628 гг. городских браков являлось союзами между «отроками», что говорит, вероятно, об активном формировании новых семей среди посадской молодежи: 52 % в 1617/18 г., 61 % в 1620/21 г., 71 % в 1621/22 г. Частота повторных браков была примерно одинаковой и в тех случаях, когда мужчина женился во второй или третий раз, беря в жены «девку-отроковицу», и в тех, когда женщина-вдова выходила во второй или третий раз замуж, выбирая «отрока» – 9-12 %. Следовательно, и мужчины, и женщины проявляли равную активность при повторном (или третьем по счету) подыскании себе брачного партнера. С учетом массовой гибели людей в смуту такое брачное поведение вологжан выглядит вполне понятным. Но на протяжении десятилетия с 1618 по 1628 г. заметно уменьшается количество случаев, когда оба партнера вступали в брак во второй или третий раз – от 23 % в 1617/18 г. до 12 % в 1627/28 г. Однако в самом начале изучаемого периода, как свидетельствуют фрагменты наиболее ранней приходной книги за июль-август 1615 г., именно повторные браки между взрослыми людьми абсолютно преобладали – 56 %.

Наиболее четкие записи в вечных разделах приходных книг наблюдаются по приходским церквям Вологодского посада и ближайшей городской округи. В них каждый заключаемый брак конкретно зафиксирован. При этом записи о браках в городе и сельской местности даются вперемешку, нет их разделения. Значительный социокультурный интерес представляют нередкие ремарки писцов в отношении женихов типа «выезжий черкашенин», «торговый иноземец», «приказчик торгового иноземца Юрья Кленка», «иноземец Ногайские Орды», «стрелец», «плотник», «человек Василья Бутурлина», «человек боярина Владимира Тимофеевича Долгорукова», «архиепископль сын боярской», «софейской пономарь» и т.д. Они позволяют представить профессиональные занятия, социальную (а иногда и национальную) принадлежность лиц, вступающих в брак, отражая тем самым этнокультурные контакты в уездном русском городе XVII в., отдельные случаи смешанных браков.

Иначе обстоит дело с записями вечных пошлин, уплачиваемых приходскими священниками (либо «поповскими заказчиками») из отдаленных сельских приходов обширного Вологодского уезда. Выплаты производились одновременно со взносами церковной дани, при этом в книгах суммарно указывалось число обвенчанных. Среди последних различались группы отроков, двоеженцев и троеженцев. «а имян им поп не упомнит» (чаще не назывались имена невест и их отцов). Заключаемые в уезде браки были социально более однородными, протекая в среде черносошного, монастырского и поместного крестьянства.

В книгах фигурируют вступающие в брак крестьяне таких вологодских монастырей, как Спасо-Прилуцкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий, Иннокентьев Комельский, Корнильев Комельский с приписной к нему Перцевой пустыню, Павлов Обнорский, Николо-Озерский. Полагаем, что эти обители не имели особых жалованных грамот от вологодских архиереев, подобных тем, что получал Кирилло-Белозерский монастырь от Ростовских и Вологодских владык в XVI в. По этой же причине сведений о знамянных пошлинах с вологодских сел Кириллова монастыря нет в венечных разделах изученных нами приходо-расходных книг.

На данном этапе исследования была установлена статистика **сельской брачности** в 1617/18 и 1627/28 гг. Отметим отличия в структуре брачности в сельской местности по сравнению с городом : 1) более высокая оказалась доля первых браков («оба отроки») – 61,1 % в 1617/18 г. и 78,7 % в 1627/28 г. ; 2) более низким – процент повторных браков (оба вторым или третьим браком) – 17,3 % в 1617/18 г. и лишь 2,6 % в 1627/28 г. ; 3) небольшое число браков, вовсе не зафиксированных для города, когда один из партнеров вступал в брак во второй раз, а другая сторона – в третий раз.

В попытке изучить брачность на всем пространстве обширной Вологодско-Пермской епархии следует считаться с самим характером записей в приходо-расходных книгах. С отдаленных восточных десяти епархии (Усть-Вымской, Вожемской, Пустозерской «от Студеного моря», Яузской Пермicy) владычные приказчики выплачивали венечные пошлины «по своим зборным книгам» одновременно с церковной данью, земским оброком, различными арендными платежами. Здесь мы видим информацию не по каждому факту вступления в брак, а лишь суммарные сведения об их общем числе в данной десятине за определенный промежуток времени. Вместе с венечными пошлинами владычные приказчики Пермской половины епархии вносили «похоронные и почеревные пошлины». Последние взимались в качестве определенного штрафа за рождение у женщин и девушек внебрачных детей, что само по себе проливает дополнительный свет на состояние семьи и брака у населения, церковный учет таких важных составляющих человеческой жизни, как рождение, брачность, смертность. Но сам фактический ряд о брачности как процессе образования брачных пар получается весьма неоднородным, что затрудняет его статистическую обработку. С включением в состав Вологодской епархии Белозерского уезда в приходных книгах появляются записи о внесении венечных пошлин с «белозерской десятины», но они идут вразброс с фиксацией других поступлений, например, ставленных пошлин с получаемых новыми попами ставленных грамот от архиепископов в церкви.

Это также затрудняет вычленение и систематизацию необходимой информации.

В приходо-расходных книгах первой трети XVII в. в конце каждого сентябрьского года приводился общий итог венецкого раздела, что в сопоставлении с итогами других разделов (скажем, взноса церковнодани) позволяет вычислить долю указанного источника дохода в общей сумме денежных поступлений Вологодского архиерейского дома за определенный год. Встречаются и полугодовые итоги (с 1 сентября предыдущего года по 1 марта текущего и затем с «Евдокеина дни», то есть с 1 марта, до Семенова дни Летопроводца, то есть до 1 сентября). В венечных разделах приходных книг с 1640-1650-х годов порядок итогов меняется, становится более дробным – по каждому месяцу. Важен вопрос о полноте информации венечных разделов изучаемых источников. Как представляется, не все приходские священники и не всегда добросовестно выплачивали в архиерейскую казну собранные ими с брачующихся пошлыны. В приходо-расходной книге 1641 г. содержится интересное известие о том, что слугам архиерейского Судного приказа на основе «извета» (доноса) церковных старост удалось сыскать на приходских полах утаенные венечные пошлыны¹⁷. Это указывает на определенные коллизии, случавшиеся между приходскими священниками и приходскими общинами в лице церковных старост.

ПРИМЕЧАНИЯ

Б е с с м е р т н ы й Ю.Л. Историческая демография позднего европейского средневековья на современном этапе // Средние века. Вып. 50. М., 1987. С. 289-310; его же Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. Г а б д р а х м а н о в П.Ш. Средневековые крестьяне и их семьи. Демографическое исследование французской деревни в VIII-XI вв. (по данным грамот). М., 1996; Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии М., 1985 и мн. др.

² Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 14.

³ Г о р с к а я Н.А. Историческая демография России периода феодализма. Итоги и задачи изучения. М., 1997.

⁴ К а ш т а н о в С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 89; он же. Из истории русского средневекового источника. Акты X-XVI вв. М., 1996. С. 210-211.

⁵ Русская историческая библиотека. Т.32 (Архив П.М.Строева). Т.1. Пг., 1915 № 147. Стб. 260.

⁶ Там же. С. 263, 265. Ср.: Российское законодательство в 9 тт. Т.2. М., 1985. С. 318, 320 и коммент. на с. 455.

⁷ РИБ. Т.32. стб.616-617.

⁸ РИБ. Т.35 (Архив П.М.Строева Т.2). Пг., 1917. № 45,68.

⁹ РИБ. Т.35 (Архив П.М.Строева. Т.1). Пг., 1915. № 256.

¹⁰ П е р е в а л о в В.А. Книги сбора венечных пошлын XVII – начала XVIII в. как исторический источник // Массовые источники истории и культуры России XVI-XX вв. Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники»

истории и культуры России XVI-XX вв. : проблемы изучения и издания», посвящ. пам. В. В. Крестинина. Архангельск, 2002. С.242-248.

¹¹ РГИА. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 5. № 19 (из книг Новгородской духовной консистории).

¹² Там же. № 36, 37, 39.

¹³ Государственный архив Вологодской области. Ф.496 (Вологодская консистория). Оп. 1. Кн. 2; Ф.948 (Вологодский архиерейский дом). Кн. 2, 5, 6, 7; Ф. 883 (Н. И. и И. Н.Суворовы). Кн. 4, 7, 11, 12, 19-21, 23-24, 32, 39, 41-43, 45, 47-49, 54, 58, 61, 67, 72-74, 76, 79, 82, 88, 89, 71, 91, 92, 100, 106 и мн. др.

¹⁴ ГАВО. Ф. 652. ВОИСК. Оп.2. № 43

¹⁵ Судебники XV-XVI веков. /Под ред. Б.Д. Грекова. М., Л., 1952. С. 384.

¹⁶ Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в. Вологда, 1985. С. 62-63; Дозорная книга посада Вологды кн. П. Б. Волконского и подьячего Л. Софонова 1616-1617 гг. (публикация Ю. С. Васильева) // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып.1. Вологда, 1994. С.333-370.

¹⁷ Вологодский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. Ф. 1. Оп. 2. Кн. 7. Л. 60-130 об., 302-337; Кн. 9. Л. 87-191, 325-368, Кн. 10. Л. 111-242 об.

**ДИНАМИКА И СТРУКТУРА БРАЧНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.**

Период	Общее количество заключенных браков	В том числе			
		«оба отроки»	он – первым или вторым браком, она – отроковица	она – вторым или третьим браком, он – отрок	оба вторым или третьим браком
14 июля – 27 августа 1615 г.	23	3 (13 %)	3 (13 %)	4 (17,3 %)	13 (56,5 %)
4 сентября 1617 – 30 августа 1618 г.	141	74 (52,4 %)	17 (12 %)	17 (12 %)	33 (23,4 %)
20 апреля – 16 июля 1620 г.	46	24 (52,1 %)	11 (23,9 %)	8 (8,6 %)	7 (15,2 %)
9 сентября 1620 – 25 августа 1621 г.	163	100 (61,3 %)	16 (9,8 %)	19 (11,6 %)	28 (17,1 %)
1 сентября 1621 – 30 августа 1622 г.	193	137 (70,9 %)	23 (11,9 %)	16 (8,2 %)	17 (8,8 %)
5 декабря 1626 – 30 августа 1627 г.	128	77 (60,1 %)	15 (11,7 %)	17 (13,2 %)	19 (14,8 %)
2 сентября 1627 – 31 августа 1628 г.	193	132 (68,3)	20 (10,3 %)	17 (*8,8 %)	24 (12,4 %)
24 сентября 1631 – 29 августа 1632 г.	135	77 (54,8 %)	14 (10,3 %)	16 (11,8 %)	31 (22,9 %)

Источники : ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 4. Л. 32-42 ; Кн. 6. Л. 32-95 об., 149-170 ; Кн. 11. Л. 12-34 ; Кн. 12 : Ф. 948. Оп. 1. Кн. 2. Л. 2-59 ; Кн. 5-7.

Таблица 2

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА БРАЧНОСТИ ГОРОДСКОГО
И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ в 1617/18 и 1627/28 гг.**

Годы	Всего заключено браков	Оба отроки	Он – вторым или третьим браком. она отроковица	Она – вторым или третьим браком, он – отрок	Оба – вторым или третьим браком	Он – вторым, она третьим браком	Он – третьим, она вторым браком
1617/18 г.	504						
- в городе	141	74 (52,4%)	17 (12%)	17 (12%)	33 (23,4%)	-	-
- в уезде	363	222 (61,1%)	43 (11,8%)	27 (7,8%)	63 (17,3%)	2 (0,5%)	6 (1,6%)
1627/28 г.	987						
- в городе	193	132 (68,3%)	20 (10,3%)	17 (8,8%)	24 (12,4%)	-	-
- в уезде	781	615 (78,7%)	125 (16%)	14 (1,8%)	20 (2,6%)	2 (0,2%)	5 (0,6%)

Источники : ГАВО. Ф. 883. Кн. 7. Л. 32-95об., 149-170 ; Ф. 948. Кн.6. Л. 86-180 об.

Таблица 3

**ГОДОВЫЕ КОЛЕБАНИЯ БРАЧНОСТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.**

Месяцы сентябрьского года	1617/18 г.			1627/28 г.			1631/32 г.		
	город	пригородные села	уезд	город	пригородные села	уезд	город	пригородные села	уезд
сентябрь	10	-	14	5	2	4	2	-	2
октябрь	12	-	8	6	-	10	23	1	15
ноябрь	29	7	28	24	1	17	5	1	20
декабрь	1	-	55	-	-	53	-	-	22

Месяцы сентябрьского года	1617/18 г.			1627/28 г.			1631/32 г.		
	город	пригородные села	уезд	город	пригородные села	уезд	город	пригородные села	уезд
январь	52	8	97	25	5	132	76	7	239
февраль	30	8	53	77	5	161	-	-	52
март	1	-	18	-	-	164	-	-	188
апрель	6	-	4	3	-	6	11	3	2-
май	19	2	19	11	2	10	9	3	25
июнь	3	-	19	4	-	20	-	1	3
июль	22	-	20	11	1	13	11	-	16
август	3	-	2	5	-	211	3	-	30

Источники: ГАВО. Ф. 883. Кн. 7. Л. 32-95 об., 149-170; Ф. 948. Оп. 1. Кн. 6. Л. 86-180 об.; Кн. 7. Л. 51-116, 242-280.

Приложение 2

1628 г. сентября. – Жалованная (с элементами уставной) грамота вологодского архиепископа Варлама своему сыну боярскому Поснику Ипатьеву сыну Пудову на тиунство.

(начало утрачено) ...чюдотворцев великий господин преосвященный Варлам, архиепископ Вологодцкий и Великопермский, пожаловал есми Софейского своего сына боярского Посника Ипатьева сына Пудова на Вологде на посаде и во всем Вологоцком уезде и в своей архиепископле Николской слободке тиунством - судом и пересудом и всякими пошлинами, как было то наше жалованье тивунство за прежними нашими детми боярскими. А ведати ему и судити наших слобочких крестьян и которые живут в монастырех в особняках и в белых монастырех и весь причет церковный, и которые люди питаются от церквах божиих, опрочи попов и дияконов, на Вологде на посаде и во всем Вологоцком уезде.

А судные пошлины имати ему по государеву уложению и по Судебнику с рубля по гривне и пересуд, и правой десяток. Да Поснику же имать с наших слобочких крестьян и с их подворников, которые торговые люди и ремесляные и в монастырех на церковных белых местех и на Вологде на посаде и во всем Вологоцком уезде с их захребетников на три праздника в год : на Рожество Христово, на Велик день, на Петров день и Павлов, на праздник по алтыну.

А которой поп с дьяком и пономарь, и просвирня, и трапезник и церковных белых мест на Вологде на посаде и во всем Вологоцком уезде учнут выдавати дочерей своих замуж, и с них имати выводные куницы по гривне. А кто у них сына женит, и с него новоженного имати по два алтына. А с слобочких крестьян

ян и с их подворников выводные куницы и новоженных пошлин имат по тому же

А кто учнет в нашей Николской слободке и на церковных местех подворников пуцати; и им являти тиуну нашему, а явки с ним имати с человека по алтыну, а тиуну имяны их записувати.

А кто наш слобочкой крестьянин или белых церковных мест двор или келью, или дворовое место продать или купит, и тиуну с них имати явочные пошлины с купца с угла по алтыну, а с продавца с рубля по алтыну ж. А толко станет вново церковной дьячек или пономарь, или проскурница, или трапезник на Вологде на посаде и во всем Вологоцком уезде, и тивуну с них имати новоставленные пошлины по гривне с человека, а давати им печати писмяные.

А которые наши слобочки крестьяне у церковных мест учнут пива варити, и тиуну с них имати явки с чети по алтыну. А кто без явки пиво варит, и тивуну те пива выимати и печатати и имати с них заповеди по два рубля по четыре алтына по две денги.

А которые попы черные и белые и дьяконы иногородные и вологоцкие посацкие и из уезду безместные от церквей учнут на Вологде на посаде служити, наймуясь, и им являтися тивуну нашему, а давати явки на месяц по осми денег. А тивуну давати им печати писмяные помесечно. А будет учнут служити не являясь, и тивуну их имати и ставити предо мною, великим господином, преосвященным Варламом, архиепископом Вологоцким и Великопермским, а имати с них заповеди по полтине.

А ездити ему и сысквати тех своих пошлин попом одинава на год во весь Вологоцкий уезд во всей нашей архиепископье. А кто таит выводную куницу или похоронные пошлины и явочные или кто без отца духовного преставится, или кого без похоронные похоронит, и ему про то сысквати накрепко. Да тивуну ж новоставленных игуменов возводити на игуменство. А взводного с них имати по прежнему смотря по месту. А пожаловал есми Посника Ипатьева сына Пудова тем своим жалованьем тивуньством на год с 137 году с Семена дни Лето проводца да по 138 год по Семен же день Лето проводца. А с того нашего жалованья дати ему, Поснику, в нашу казну на год сооок рублей.

К сей жалованной грамоте великий господин преосвященный Варлам архиепископ Вологоцкий и Великопермский велел печать свою приложить.

Писан на Вологде лета 7137 сентября в де[нь].

На обороте подпись : 149 году ноября в 24 де пожаловал яз, великий господин преосвященный Варлам, архиепископ Вологоцкий и Великопермский, сына боярского Посника Пудова, по сей грамоте не велел с него в казну сорока рублей имати по тому, что и с сыных тиунов не имано. Архиепископ.

На приложенной красновосковой печати хорошо различимо изображение – благословляющая рука с двуперстием.

Подл. : ГАВО. Ф.496 (Консистория). Оп. 1. № 167. Л. 4.

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДА 1646 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Писцовые и переписные книги XVII в. городов и уездов, расположенных на территории современного Центрального Черноземья, изучены недостаточно. Издана лишь малая часть сохранившегося комплекса писцовых материалов по югу России. Между тем без использования этого важнейшего источника невозможно характеризовать историю заселения окраинных территорий, структуру общества, землевладение и дворовладение. Попыткой введения в научный оборот одной из южнорусских переписных книг стало издание в 1998 г. переписной книги Воронежского уезда 1646 г.¹

Переписью в Воронежском уезде руководили О.М. Юшков и подьячий Г. Жданов. Переписчики производили опрос детей боярских, приказчиков и старост, чьи «сказки» о дворах крестьян и бобылей и их детях, братьях, племянниках, соседях и подсоседниках, оформленные на бумаге, послужили одним из источников сведений о населении уезда О.М. Юшкову и Г. Жданову предъявлялись различные документы, в частности, грамоты об освобождении от податей. При аналогичном описании Московского уезда в 1646 г. переписчики были обязаны возить с собой по селам и деревням «старожильцев, приказчиков, старост, целовальников и лучших крестьян», которые знали по именам крестьян и бобылей, чтобы помещики их не утаили. За утайку крестьянина или бобыля грозило наказание – лишение 50 четвертей поместной земли и передача тем людям, кто известит об утайке. За злоупотребления переписчиков: написание жилых дворов пустыми, перевод крестьян из двух-трех дворов в один, заочная запись за помещиком чужих крестьян, получение посулов и поминок – предписывалось лишать виновных поместий и вотчин «безповоротно»².

Перепись Воронежского уезда была начата 21 февраля 1646 г., о чем указано в тексте. Окончательные итоги подводились в Москве думным дьяком Ф. Елизаровым и дьяком Д. Дерябиным. Ф. Елизаров, возглавлявший Поместный приказ, был пожалован в думные дьяки 13 июня 1646 г.³, следовательно, завершение работы над переписной книгой произошло после этой даты, но до 1 сентября 1646 г., так как итоги подводились в 7154-м году.

Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. сохранилась в списке. Она переплетена вместе со списками Короченской, Старооскольской и отрывком из Яблоновской переписных книг⁴. В начале перепис-

ной книги Воронежского уезда помещено оглавление (Л. 125-148об.), затем следует текст описания города и уезда (Л. 149-433об.), в заключении подводятся итоги по уезду (Л. 433об.-435об.). Текст написан скорописью второй половины XVII в. разными почерками на бумаге в четверть листа. Состояние рукописи неудовлетворительное – на некоторых листах повреждены края, в отдельных местах текст угасает и плохо читается. Затертость правых краев страниц свидетельствует о многократном использовании рукописи.

В тексте нет прямых указаний на время составления списка. Датирующим признаком служит скрепа дьяка Степана Венедиктова по всей рукописи на середине правых краев страниц. С. Венедиктов был дьяком Поместного приказа с августа 1664 г. по июль 1672 г.⁵ Этим периодом следует датировать список переписных книг. Датировке не противоречат данные о бумаге. Водяные знаки размещены у переплета, затерты и плохо различимы. Достаточно четкие фрагменты одного и того же рисунка просматриваются на лл. 318, 395, 426. Это филигрань «Шут», близкая по очертаниям к № 1315 (1658 г.) по Гераклинову⁶. Датировку списка подтверждает справа Василия Долгово, служившего подьячим Поместного приказа в 1659 – 1674/75 гг.⁷

Воронежский уезд складывался постепенно после основания города Воронежа в 1585/86 г. Сельские поселения Воронежского уезда возникли после 1594 г. в связи с предоставлением поместий детям боярским, поместным казакам и атаманам. По Дозорной книге 1615 г. одним из воронежских помещиков д. Остаповой (Ситной) был Сава Яковлевич Остапов⁸. Населенный пункт назван по фамилии первого поселенца. В 1594 и 1597 годах С. Я. Остапов еще значился в ряжских десятнях⁹. Следовательно, дер. Остапова возникла после 1597 г. В 1613 г. она была разорена Заруцким. Вероятно, большинство воронежских поселений, перечисленных в Дозорной книге 1615 г., возникло в годы правления Б. Годунова (1598–1605). В последующий за тем период Смуты испомещение служилых людей в уезде вряд ли было возможным.

Согласно Дозорной книге 1615 г. Воронежский уезд в 1615 г. делился на две части – заселенную и незаселенную. В первой располагались постоянные поселения: город Воронеж, 16 сел, 3 сельца, 26 деревень, 2 поселения при монастырях, 2 слободки, 6 починков. Кроме того, 8 пустошей было роздано в поместья служилым людям. Населенные пункты возникали, как правило, по берегам рек: Дона, Воронежа, Усмани, Девицы, Ведуги, Излегощи, Ивницы. Непрерывный ряд составляли села и деревни на правом высоком, берегу реки Воронеж, в том числе одноименный город. Правобережье Воронежа находилось в относительной безопасности от татарских набегов. Наиболее уязви-

мыми в этом отношении оказались села и деревни на правой, «крымской», стороне Дона.

Вторая, незаселенная, часть Воронежского уезда в 1615 г. в несколько раз превышала заселенную и занимала почти всю территорию современной Воронежской области. Она включала охотничьи, рыболовные, бортные угодья, сдаваемые на откуп. «Откупной ухोजей», как правило, составляла территория по берегам рек – притоков Дона: Толучеевки, Богучара, Черной Калитвы, Осереды, Битюга, Икорца, Тихой Сосны, Потудани, Хворостани¹⁰.

В 1615–1629 гг. (период между двумя описаниями) Воронежский уезд почти не подвергался татарским нападениям. Это вызвало сильный приток населения в междуречье Дона – Воронежа – Усмани¹¹. Писцовая и межевая книга Воронежского уезда 1629 г. отразила появление новых населенных пунктов по сравнению с 1615 г. Уменьшение размеров Воронежского уезда началось с 1637 г., когда был построен г. Усерд, и продолжилось в связи с основанием новых городов-крепостей. К ним отходили и отдельные села Воронежского уезда, и воронежские ухожьи¹².

Переписная книга перечисляет большинство поселений Воронежского уезда в 1646 г. Писцы не отмечали лишь пригородные слободы полковых казаков, не подлежащих посошному обложению. Книга начинается с описания города Воронежа, затем следуют станы: Борщевский, Усманский, Чертовицкий, Карачунский. Деление Воронежского уезда на станы впервые было осуществлено в писцовой и межевой книге 1629 г. Каждый из станов назван по самому южному пункту по состоянию на 1629 г.

В 1615 г. самым южным поселением уезда являлся укрепленный Борщев монастырь. В 1646 г. заселенная часть уезда переместилась к югу – самым южным населенным пунктом Воронежского уезда названо село Избыльское на месте впадения реки Хворостани в Дон.

Северо-восточная часть Усманского стана Воронежского уезда в первой половине 1640-х гг. подвергалась ожесточенным нападениям татар. Некоторые села и деревни полностью прекратили свое существование. Крупные села Ступино, Излегоци, Песковатое потеряли часть населения. В переписной книге 1646 г. отмечены следы татарских нападений: церковь в с. Карамышево «осквернена от татар», дер. Выголова «запустела от татарской войны» (Л. 238об., 240-240об.).

Страдавшие от набегов служилые люди обратились с просьбой к правительству об устройстве укреплений в северо-восточной части уезда. В ответ на предложение детей боярских в Разрядном приказе было принято решение об основании города и возведении земляного вала в верховьях р. Усмани. Заложенный 1 июня 1645 г. город Усмани

строился до конца года, одновременно шел набор на службу стрельцов, казаков, пушкарей¹³. Усманский воевода С. М. Вельяминов произвел размежевание Усманского и Воронежского уездов. В состав Усманского уезда вошли села из Воронежского уезда: Ступино, Излегощи, Песковатое и пустоши на местах бывших сел и деревень, разоренных татарскими набегами.

Включение в переписную книгу Воронежского уезда 1646 г. сел Ступина, Излегощи, Песковатого, вошедших после основания г. Усмани в состав Усманского уезда, можно объяснить тем, что граница двух административно-территориальных единиц в 1646 г. еще не определена. Но села Ступино, Песковатое, Студенки, Излегощи попали в переписную книгу Воронежского уезда 1678 г.¹⁴ Следовательно, писцы, направляемые из Поместного приказа, не придерживались строго границ существующих уездов, а руководствовались материалами предшествующих описаний. Как правило, прибывавшие из Москвы переписчики имели при себе копии с писцовых, дозорных и переписных книг того уезда, который они должны были описать.

На севере Воронежского уезда в 1646 г. располагались села Белый Колодезь, Карамышево и сельцо Двуречки. Впоследствии указом от 24 апреля 1648 г. крестьяне с. Белый Колодезь переводились в положение поселенных драгун и передавались в подчинение воеводе нового городка Сокольска И. Ртищеву. Этим актом село Белый Колодезь переходило из Воронежского в Сокольский уезд¹⁵.

К основным группам населения Воронежского уезда в 1646 г. относились: помещики и вотчинники – дети боярские, поместные казаки и поместные атаманы (служилые люди «по отечеству»); служилые люди «по прибору» – беломестные казаки, полковые казаки, стрельцы, пушкари, затынщики; духовенство; посадские люди; крестьяне и бобыли. Переписная книга 1646 г. не фиксирует достаточно многочисленную категорию – служилых людей «по прибору» в связи с тем, что они не принадлежали к числу лиц, подлежащих посошному обложению и, как правило, не владели крестьянами и бобылями. В 1637/38 г. в Воронеж насчитывалось 354 беломестных и полковых казака с казачьим головой и тремя сотниками, 200 стрельцов, 57 донских казаков слободы, 22 пушкаря, 25 затынщиков, 6 воротников, 1 казенный кузнец, 2 казенных сторожа¹⁶. Около 1642–1643 гг. численность воронежских стрельцов и казаков увеличилась. Отсутствие в переписной книге 1646 г. приборных служилых людей объясняет значительную разницу в числе дворов в г. Воронеже по переписям 1646 и 1648 гг.: в 1646 г. в городе отмечено 348 дворов, а в 1648 г. – 1191 двор¹⁷.

Составители переписной книги 1646 г. насчитали в городе 85 посадских дворов. Но торговлей и ремеслом в Воронеже, кроме них, за-

нимались монастырские оброчные люди, бобыли слободы боярина Н.И. Романова, служилые люди. В 1649–1651 гг. в городах, подведомственных Разрядному приказу, в том числе и в Воронеже, Приказом сыскных дел во главе с боярином Ю.А. Долгоруким был осуществлен сыск торговцев и ремесленников, не несущих тягла. Сыщники составили строельные книги, по которым этих лиц записали в посад. Новоприписанные к посаду люди были приведены к крестному целованию, по ним взяты поручные записи и отданы земским старостам. 4 октября 1651 г. книги со списками этих лиц были переданы из Приказа сыскных дел в Разрядный приказ для обложения тяглом¹⁸. Работа Приказа сыскных дел и запись торговцев и ремесленников в посад продолжалась и после этого срока¹⁹. По данным П.П. Смирнова, по строельным книгам 1649 г. в воронежский посад было взято около 100 дворов, прирост составил 117, 6 %²⁰.

В поместье (вотчине) за служилым человеком могло находиться все село или деревня или их части – жеребьи. Переписная книга 1646 г. насчитывает в Воронежском уезде 627 земельных владений (жеребьев или целых поселений)²¹. Служилые люди имели жеребьи в разных населенных пунктах или только в одном месте²². С точки зрения дворовладения всех помещиков и вотчинников уезда можно разделить на две части: владельцев крестьянских и бобыльских дворов и пустопоместных (однодворцев). Последние перечисленны с характерной записью: «Крестьян и бобылей за ним нет»²³.

В Воронежском уезде, по данным И.Н. Миклашевского, в 1629 г. насчитывалось 1570 крестьянских дворов²⁴. Как можно судить по итогам переписной книги, в 1646 г. в уезде учтено 2060 крестьянских и бобыльских дворов. В середине XVII в. отмечено снижение численности крестьянского и бобыльского населения в Воронежском уезде, связанное с записью крестьян и бобылей в служилые люди новых городов-крепостей²⁵. Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. сохранила следы бегства крестьян и бобылей от владельцев. Записи о бегстве содержат информацию о том, когда и куда ушли зависимые люди. Переписчики собирали сведения о беглых за 10 лет, то есть с 7144 г. по 7154 г.²⁶ В большинстве записей с указанием года ухода крестьянина или бобыля назван 7154 год (39 из 70), в котором составлялась переписная книга. Место, куда бежал зависимый человек, могло быть неизвестно («бежал безвестно»). В других случаях отмечали: «Живет за Венедиктом Кулешовым», «Живет в вотчине князя А.И. Воротынского», «Бежал на Воронеж в слободу Н.И. Романова в дворники», «Бежал в Елецкий уезд, живет за М. Зуевым». «Вывезли в вотчину боярина А.Н. Трубецкого». В переписной книге отмечены уходы крестьян в новые города – Ольшанск и Усмань, пленение татарами. Массовым

явлением по переписной книге Воронежского уезда 1646 г. предстает бегство крестьян на нижний Дон в вольные казаки. Оно было связано в том числе и с набором «вольных, охочих людей» в 1646 г. для похода из Воронежа в Приазовье против татар под командованием воеводы Ж. Кондырева. По сообщению воронежского воеводы А. Бутурлина: «Воронежские стрельцы и казаки, покиня службы, и пашенные тяглые крестьяне многие писались в вольные люди»²⁷.

Проблема полноты и точности писцовых материалов была поставлена в конце XIX – начале XX в. После издания труда С.Б. Веселовского о сошном письме центральным стал вопрос о степени достоверности писцовых книг 20-40-х годов XVII в.²⁸ Менее изучены как исторический источник переписные книги 1646 г. и последующих лет. Предложив методику проверки итогов переписных книг, Я.Е. Водарский по аналогии с первой ревизией пришел к заключению о том, что в них отразилось не менее 75 % действительной численности мужского податного населения (по переписи 1646 г. это относится только к итогам дворов)²⁹. Данный вывод может быть уточнен в отношении отдельных уездов и их частей путем сопоставления переписных книг с переписями иного характера и назначения³⁰. Хронологически близка к переписной книге Воронежского уезда 1646 г. перепись дворов Воронежского уезда 1648 г. Выявление дворов, упомянутых в той и другой переписях, с учетом особенностей антропониимии XVII в., позволяет судить о степени достоверности публикуемого источника.

Документы переписи Воронежского уезда 1648 г., хранящиеся в Государственном архиве Воронежской области, сгруппированы в пять единиц хранения, включающих описание четырех станов, города Воронежа и пригородных слобод³¹. В 1648 г. воеводе была подана коллективная челобитная воронежцев – духовенства, служилых и посадских людей. В ней сообщалось, что от всего города и уезда в Москву были направлены просители – 5 человек во главе с Т. Михнёвым «государю бить челом о городском деле, и о таможенных недоборных деньгах, и о всякой городской нужи и скудости». Для челобитчиков «на московские харчи» и «на городское дело» у воронежца П. Прибыткова всем городом и уездом было взято займы 100 рублей.

В челобитной, поданной воеводе, содержалась просьба переписать в городе и уезде дворы священников, служилых, посадских людей, крестьян и бобылей; собрать с них 400 руб. «на городское и на московское дело, и челобитчикам на московские харчи» оставить эти деньги в распоряжении жителей города и уезда. По указанию из Москвы в станы Воронежского уезда и в городские слободы были направлены воронежские дети боярские, стрельцы и казаки. Им поручалось переписать все дворы в городе и уезде «без обходно, чей кто ни

будь». Росписи дворов подавались в съезжую избу, там произвели подсчет, разделив 400 руб. на число дворов. На каждый двор пришлось по 3 алтына 3 деньги.

После этого дети боярские опять посылались в уезд с памятьми и с росписями дворов для того, чтобы собрать деньги. К «ослушникам», отказавшимся платить, надлежало посылать стрельцов «из хоженного» для правежа. В то же время сборщики предупреждались от злоупотреблений, «чтоб в лишних сборных деньгах» к ним не предъявлялись иски.

В росписях отмечались только хозяева дворов без членов семьи²⁴. В отличие от переписной книги 1646 г. лицо обозначалось только именем и отчеством или именем и прозвищем. С другой стороны, перепись 1648 г. обладает важным преимуществом – в нее попали не только тяглые люди, помещики, вотчинники и священники, но и довольно многочисленная категория служилых людей «по прибору»: стрельцы, полковые казаки, пушкари и затинчики.

Насколько точно росписи дворов 1648 г. передают реальное состояние? Вполне допустимо, что переписчики умышленно или нечаянно пропустили какие-либо дворы. Но, на мой взгляд, пропуски не могли быть крупными, ибо чем полнее опишут уезд проверяющие, тем меньшая сумма придется на двор. В этом было заинтересовано все население, в том числе сами переписчики, которые были уездными помещиками и обязывались платить со своих и крестьянских дворов наравне с другими. В станы, как правило, направлялись дети боярские, в них проживающие. Поэтому недостаточное знание местных условий исключается.

Методика сопоставления переписей 1646 г. и 1648 г. состоит в следующем. Все хозяева дворов и их родственники из одного населенного пункта, упомянутые в переписной книге 1646 г., записываются в столбик. В другом столбике отмечаются хозяева дворов по переписи 1648 г., при этом одни и те же лица ставятся друг против друга. Тождество лиц устанавливается в том случае, если совпадают два его наименования, например:

д. Круглая
1646 г. 1648 г.

Двор помещика Родиона Дементьева сына Чичинского, на его жеребье бобыльских дворов: во дворе Гришка Иванов сын Мещеряк.

Двор помещика Родиона Чичинского, за ним: во дворе Гришка Мещеряк.

В результате сравнения наименований лиц по переписям 1646 г. и 1648 г. по одному из станов Воронежского уезда – Карачунскому выяс-

няется, что число дворов Карачунского стана по переписи 1648 г. уменьшилось по сравнению с переписной книгой 1646 г. с 721 до 663 (подсчет автора) или до 692 (подсчеты в документе). Эти цифры отражают реальное явление: активное строительство городов по Белгородской черте вызвало приток в них населения, в том числе из уездов, образовавшихся в конце XVI – начале XVII в., как Воронежский.

Нам удалось обнаружить 442 человека, упомянутых и в переписной книге 1646 г., и в переписи 1648 г.; 62 человека отождествляются предположительно; в 21 случае прослеживаются родственные связи между хозяевами дворов в 1646 г. и 1648 г. Таким образом, с большой долей уверенности можно утверждать, что 505 дворов зафиксировано и в той и в другой переписи. Это составляет 70 % для 1646 г. и 76 (73)% для 1648 г.

Сопоставим полученные результаты с данными по Борщевскому стану Воронежского уезда. Число дворов, названных и в переписной книге 1646 г., и в материалах переписи 1648 г. составляет 384 (из них 66 отождествляются предположительно). Это составляет 74 % от суммы дворов Борщевского стана в 1646 г., или 81 % от итога 1648 г. Результат выявления одних и тех же дворов по двум переписям в Борщевском стане резко не контрастирует с аналогичными показателями по Карачунскому стану.

В целом переписная книга 1646 г. представляет собой достаточно достоверный источник, характеризующий социально-демографическую ситуацию в Воронежском уезде. Как минимум, 70 % дворов, отмеченных в ней по Карачунскому и Борщевскому станам, зафиксировано в переписи, проводящейся через два года.

Книга содержит сведения о поместном, вотчинном, монастырском дворовладении, причем отмечены не только владельцы крестьян и бобылей, но и однодворцы (именно этот термин употреблен в росписи дворов 1648 г. по Усманскому стану)³³. Переписная книга 1646 г. – один из редких источников, включающих достаточно полный перечень крестьян, бобылей и их родственников. Она дает представление о церквях, монастырях, духовенстве Воронежского уезда, посадских людях г. Воронежа. В книге содержатся данные по генеалогии и антропологии, известия о передвижении населения. Переписная книга 1646 г. – звено в цепи писцовых материалов XVII в. Сопоставление ее с дзорной книгой 1615 г., писцовой и межевой книгой 1629 г., переписной книгой 1678 г. позволит сделать новые конкретно-исторические наблюдения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Переписная книга Воронежского уезда 1646 года /Подготовка текста, вступительная статья, примечания В.Н. Глазьева. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 1998. – 208 с.

² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). СПб., 1836. Т. 4. С. 27-28.

³ См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 171.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 12285. Окончание Яблоновской переписной книги (Л. 1-12), переписная книга Короченского уезда 1646/47 г. А.Ф. Бобарыкина и подьячего И.Гаврилова (Л. 13-29), переписная книга Оскольского уезда 1646 г. А.Ф. Бобарыкина и подьячего И. Гаврилова (Л. 30-124).

⁵ См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. С. 89-90.

⁶ Герасимов А.А. Филигранные XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

⁷ См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. С. 155.

⁸ Материалы для истории Воронежской и соседних губ. Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891. Т. 2. С. 109.

⁹ Сторожев В.Н. Материалы для истории русского дворянства. I. Десятины и Тысячная книга XVI в. М., 1891. С. 397.

¹⁰ См.: Глазьев В.Н. Дозорная книга Воронежского уезда 1615 г. как источник по исторической географии и топонимике // Исторический источник: человек и пространство. М., 1997.

¹¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., Л., 1948. С. 165.

¹² См.: Загоровский В.П. Географические контуры Воронежского уезда в XVI-XVII вв. // Научные записки Воронежского отдела Географического общества СССР. Воронеж, 1970. Вып. 1. С. 150-151.

¹³ См.: Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 111-113.

¹⁴ РГАДА. Ф. 2109. Кн. 12286. Л. 103об. – 107.

¹⁵ Загоровский В.П. Город Белоколодск: историко-географические особенности его возникновения и упадка в XVII-XVIII вв. // Историческая география Черноземного Центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 75.

¹⁶ Разрядная книга 1637/38 года. М., 1983. С. 105.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Д. 12285. Л. 434об.; ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 80. Л. 8.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 341. Л. 49-50.

¹⁹ 13 июля 1652 г. в воронежский посад был записан бывший арзамасский посадский человек И.А. Окоем, живший в вотчине боярина Н.И. Романова в Романовом городище. См.: Там же. Л. 47-48.

²⁰ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М., Л., 1948. Т. 2. С. 708, 717.

²¹ Цифра 627 последняя в оглавлении, текст заканчивается номером 624. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 12285. Л. 148об., 432.

²² О землевладении служилых людей Воронежского уезда во второй половине XVII в. см.: Скобелкин О.В. Размещение служилого землевладения в Воронежском уезде в последней четверти XVII в. // Историческая география Черноземного Центра России (дооктябрьский период). С. 56-62; Он же. Государство и мелкое поместное землевладение юга России во второй половине XVII в. // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья XVII-XX веков. Липецк, 1991. С. 3-11.

²³ О дворовладении служилых людей Черноземного Центра России в конце XVII в. см.: Глазьев В.Н. Крестьянские и бобыльские дворы в поместьях служилых людей Белгородского разряда в 1697 г. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.: Курск. 1994. С. 67-70.

²⁴ См.: Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М., 1894. С. 109, 118-119.

²⁵ См.: Загоровский В. П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI – начало XVIII в.) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 16.

²⁶ Лишь в одной записи о бегстве указан 7142 год (Л. 417), возможно, это ошибка возникшая при составлении списка переписной книги.

²⁷ Русская историческая библиотека. СПб., 1906. Т. 24. Донские дела. Т. 2. С. 815.

²⁸ Веселовский С. Б. Сошное письмо. СПб., 1915-1916. Т. 1-2; Милов Л. В., Булгаков М. Б., ГАРСКОВА И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII ст.: Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986; Одарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988. С. 7-51.

²⁹ Одарский Я. Е. К вопросу о достоверности итогов переписных книг XVII в. // История СССР. 1969. № 2. С. 143.

³⁰ Как пример подобного подхода к писцовым книгам см.: Дмитриева З. В. Сравнительно-историческое изучение государственных и вотчинных переписей за первую четверть XVII в. (К проблеме достоверности данных писцовых книг) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л. 1991. Вып. 22. С. 230-242.

³¹ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 77, 78, 79, 80; Оп. 5. Д. 10.

³² Под «хозяином» понимается тот крестьянин, бобыль, сын боярский, на чье имя двор записан в документах. Под «владельцем» понимается помещик, вотчинник, монастырь, на чьей земле дворы располагались.

³³ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 10. Л. 2, 3.

Г. В. Демчук
*(Институт экологических проблем Севера
Уральского отделения РАН)*

ПОГОСТЫ И МОНАСТЫРИ В ДВИНСКОМ УЕЗДЕ ПО ПИСЦОВОЙ КНИГЕ МИРОНА ВЕЛЬЯМИНОВА «С ТОВАРИЩИ» 1622–1624 гг.*

Писцовая книга Мирона Вельяминова 1622 – 1624 гг. хранится в Москве в Российском государственном архиве древних актов¹. Источник не опубликован, состоит из трех книг, составляя около 4 тысяч листов текста XVII в.² Объем документа соответствует обширной территории Двинского уезда в XVII в., простиравшейся по Беломорскому побережью и островам на севере, граничившей с Каргопольским и Кеврольским уездами по берегам Северной Двины почти до устья реки Ваги на юге.

Естественно, это создает трудности для исследователя, хотя статистические данные о землевладении, налогообложении, других ас-

---

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ, проект № 02 – 04 – 00438 а/С

пектах истории и культуры края изучались учеными³. Рассматривалась в литературе и церковная история уезда в XVII в.⁴ Тем не менее возможности источника не исчерпаны. В предлагаемой работе данные писцовой книги о церквях на погостах и в монастырях в Архангельске, на посадах, в волостях и станах, монастырских слободах сведены в таблицу строго в соответствии со структурой документа. Поскольку писцы составляли книги на основании «мирских сказок», можно говорить о том, что в них отражено реальное административно-территориальное устройство уезда. В таблице показаны все церковно-монастырские налогово-платежные округа, зафиксированные источником, отражено деление уезда на посады, волости/станы, монастыри и монастырские оброчные слободки, обозначены погосты в них. Даты основания приходов или возведения новых храмов книга указывает редко, тем не менее общую картину о времени массового бытования церкви в Двинском уезде получить можно. Большинство церквей и монастырей возникло до 1587 г., у них были «белые» и старинные, данные «до писцов» князя Василия Звенигородского, земли⁵. В каждом конкретном случае ясно, располагались ли погосты и монастыри на тяглых или оброчных землях. Статус церковно-монастырских земель и промысловых угодий обязательно отмечен в книгах и писцами и населением, поскольку церковные и монастырские земли разного юридического статуса по-разному облагались налогами. По этой причине итоги в книге Мирона Вельяминова о землях разного юридического статуса – «белых», «старинных», «данных после писцов» и оброчных – приведены отдельно и никогда писцами не суммировались, что позволяет продолжать исследования о принадлежности этих земель в прошлом, до образования Московского государства.

Своеобразно в уезде и соотношение понятий «посад, волость/стан, приход»: Из контекста книги очевидно, что термин «погост» обозначал церковное место с культовыми постройками⁶. В исследуемом источнике названы всего несколько приходов. В Матигорской и Ухтоостровской волостях записаны погосты в приходах этих волостей. В волости Пенежский волок книга называет «приходом» один Никольский погост, а два остальных – Георгиевский и Рождественский – погостами. В Ондреянове стану значатся по два погоста – Вознесенский и Лодомский, в Куростровской волости – Куростровский и Залывский, в Сояльском стане – три: Покровский, Дмитриевский и Никольский погосты. В связи с этим судить о различиях в использовании писцами терминов «погост» и «приход» не представляется возможным, необходим сравнительный анализ с книгами других уездов.

Особенностью структуры книги Мирона Вельяминова была и очевидность в письме: сначала описаны чернослошные деревни царя и

великого князя Михаила Федоровича «всяя Руси», а уже затем погосты в волостях и станах. В некоторых книгах других северных уездов описание волости начиналось с погоста. При этом Двинской писец дал полный систематизированный список церковных посвящений в уезде, указал типы бытовавших церквей и даже места существовавших в прошлом, но запустевших храмов.

Храмовые интерьеры погостов Двинского уезда никогда не описывались писцами. Не указывалось и наличие колокольни и ее тип. Исключение составляли монастыри, описание которых начиналось с храмовых комплексов и включало их интерьеры. Писцы перечисляли не только культовые постройки, их посвящения и тип, но и иконы, книги, посуду, иногда количество принадлежавших данной церкви колоколов и т. д. Такой порядок описаний был характерен не только для монастырей Двинского уезда, но и для монастырей и погостов других северных уездов, например Устьянских сох⁷.

Можно предположить, что различия в тексте самой книги Мирона Вельяминова, в книгах других уездов и между источниками разных регионов обусловлены ошибками и индивидуальностью писцов. Однако учитывая, что мы имеем дело с государственным документом и массовым источником, составленным на основании информации местных жителей, и не рассматриваем его статистический материал, следует скорее говорить о том, что эти «сбои» в письме связаны с особенностями статуса исследуемых территории в прошлом. Предложенная в работе форма подачи материала позволяет увидеть проходившие здесь процессы освоения, в том числе церковного, глубже и шире.

Таблица

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕЙ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
1. г. АРХАНГЕЛЬСК. ПОСАДЫ				
1.1	В г. мон. Архангельской, на мон. ц.	Архистратига Михаила. Предел мч. Христова Мины, другой предел страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба	Древяна вверх У той церкви два предела	Кн. 9 Л. 4 об. –5
	На мон. ж. другая ц.	Покров Пречистые Богородицы	Древяна ж. вверх с трапезою	Л. 8-об. Л. 11 об
1.2.	У города ж. на пос. по р. Двине выше г. ц.	Преображение Господа нашего Иисуса Христа. Предел Николы Чюдотворца	Древяна с трапезою, у той же ц. предел	Л. 13

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕЙ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
1.3.	У города ж на пос. по р. Двине ниже г. у гостиных дворов ц. Другая ц.	Воскресение Бога нашего Иисуса Христа Вмч. Христовы Парасковей, нарицаемые Пятницы	Древяна вверх Древяна ж клецки с трапезою	Л. 32
1.4.	Пос. Курцов, а на пос. ц. Другая ц.	Воздвижение честного и животворящего креста Господня Святого апостола Иакова брата господня во плоти	Древяна вверх с трапезою Древяна вверх с трапезою	Л. 49об.
1.5.	Пос. Глинский, на пос. ц. Другая ц.	Живоначальные Троицы. Предел Усекновение честные главы Иоанна Предтечи Верховных ап. Петра и Павла	Древяна клецки, на полатах предел Древяна ж вверх с трапезою	Л. 63об.
1.6.	Пос. Верхняя половина в Никольском конце, а на пос. ц. М. церковное, что была ц.	Зосимы и Савватия соловецких Чюдотворцов Николы Чюдотворца	Древяна вверх с трапезою Поднялась от молнии в 119-м г. (1610/1611)	Л. 103
1.7.	Пос. Нижняя половина в Ыванском конце, на пос. ц. Другая ц. На пос. ж ц.	Рождество Господа нашего Иисуса Христа Рождество Ивана Предтечи Встретение Пречистые Богородицы Владимирские да предел 3-х святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Ивана Златоуста	Древяна вверх с трапезою Древяна ж о девяти верхах на каменное дело Древяна клецки	Л. 111 об.
1.8.	В Нижней половине у моря пос. Ненокса, а на пос. ц.	Верховных апостол Петра и Павла	Древяна вверх	Л. 177 об.

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕИ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
	Другая ц.	Николы Чюдотворца	Древяна вверх с трапезою	
	Третья ц.	Парасковей, нарицаемые Пятницы	Древяна ж клецки	
	У пос. на Красной Горе ц.	Св. Климента папы Римского	Древяна вверх с трапезою	Л. 177 об.
1.9.	У моря пос. Луда, на пос. ц.	Собор Пречистые Богородицы	Древяна вверх	Л. 233.
	Другая ц.	Рождество Пречистые Богородицы	Древяна ж клецки	
1.10.	Посад Уна, а на посаде ц.	Живоначальные Троицы	Древяна вверх	Л. 247
	Другая ц.	Климента папы Римского	Древяна ж вверх с трапезою	
	Третья ц.	Живоначальные Троицы	без пеня	
1.11.	Вверх Пенеге-реки пос. Кулуй, на р. Кулуе, а на пос. ц.	Рождество Пречистые Богородицы	Древяна клецки	Л. 267
	Другая ц.	Страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба	Древяна ж вверх с трапезою	
2. ВОЛОСТИ И СТАНЫ				
2.12.	Стан Терпилов, в Терпилове стану пог. на р. Ижме. А на пог. ц.	Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа	Древяна клецки, Воздвигнута в 128-м г. (1619/1620)	Л. 298 об.
2.13.	Вол. Мудьюга, в Мудьюжской вол. пог. На р. Мудьюге. На пог. ц.	Успение Пречистые Богородицы	Древяна клецки	Л. 318
	Другая ц.	Николы Чюдотворца	Древяна ж вверх	
2.14.	Стан Лентьев	-	-	Л. 332
2.15.	Стан Олексеев	-	-	Л. 366
2.16.	Вол. Кегостров. На острове пог. на р. Двине, а на пог. ц.	Пр Ильи	Древяна клецки	Л. 383

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕИ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
2.17.	Стан Ондrejaнов. В Ондrejaнове стану пог. на р. Якокурье, на пог. ц. Другая ц.	Вознесения Господа нашего Иисуса Христа. У той же ц. придел Вход в Иерусалим, другой предел Рождество Ивана Предтечи Введение Пречистые Богородицы	Древяна вверх, у нее два предела Древяна же вверх с трапезою	Л. 423-об.
2.18.	Другой пог. на р. Лодме, а на пог. ц. Другая ц.	Богоявление Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Страстотерпца Христова Георгия	Древяна клецки	Л. 426-об.
2.19	Вол. Заостровская. В Заостровской вол. пог., на пог. ц. М., что была ц.	Верховных апостол Петра и Павла Николы Чюдотворца	Древяна вверх с трапезою -	Л. 487 об. Л. 488
2.20.	Вол. Лисестровская. В Лисестровской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Воскресение Господа нашего Иисуса Христа Иванна Богослова	Древяна клецки Древяна ж вверх с трапезою	Л. 533 об. Л. 534
2.21.	Вол. Уйма. В вол. Уйме пог., на пог. ц. Другая ц.	Собор Пресвятей Богородицы Николы Чюдотворца	Древяна клецки Древяна же вверх	Л. 568
2.22.	Вол. Княжостров. В Княжостровской же вол. пог., а на пог. ц. Другая ц.	Введение Пречистые Богородицы Св. вмч. Екатерины	Древяна вверх Древяна же вверх с трапезою	Л. 606 об.
2.23.	В Княжеостровской же вол. мон. на усть р. Лявли. На мон. ц. Другая ц.	Успение Пречистые Богородицы Николы Чюдотворца	С трапезою. Обе деревянные вверх	Л. 612 об.-613
2.24.	Вол. Кехта. В Кехотской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Рождество Пречистые Богородицы Страстотерпца Христова Георгия	Древяна вверх с трапезою Древяна же клецки	Л. 636 об. Л. 637

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕЙ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
2.25.	Вол. Койдокурская. В Койдокурской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Николы Чюдотворца Варлама Хутынского Чюдотворца	Древяна вверх С трапезою древяна ж вверх	Л. 680- об
2.26.	Вол. Курейская. В Курейской в. пог., на пог. ц. М. ц., что была ц.	Стречение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Св. Чюдотворцев Козмы и Дамьяна	Древяна вверх с трапезою	Кн. 10. Л. 26 об
2.27.	Вол. Матигорская Борисо-Глебский приход. На Матигорах пог., на пог. ц. Другая ц. Ц. на оброчной земле	Бориса и Глеба. Предел Усекновение честные главы Иоанна Предтечи Иванна Богослова Усекновение честные главы Иванна Претечи ⁹	Древяна вверх, на полатех предел Древяна ж вверх с трапезою	Л. 59 – об Л. 68 об.
2.28.	Вол. Матигорская Никольский приход. На Матигорах пог., на пог. ц. Другая ц.	Николы Чюдотворца Св. мчн. Христовы Парасковей	Древяна вверх Древяна ж клетки с трапезою	Л. 90 об.
2.29.	Стан Загорский	-	-	Л. 106
2.30.	Вол. Куростровская В Куростровской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Страстотерца Христова Димитрия Великие Христовы мученицы Екатерины	С трапезою. Обе деревянные вверх Древяна вверх.	Л. 162- об. Л. 167 об. -168
2.31	В Куростровской вол. пог. в Залывье, на пог. ц. ¹⁰	Успение Пресвятей Богородицы	Воздвигнута в 127-м г. (1618/1619)	
2.32	Вол. Ухтостров. Троицкий приход. В Ухтостровской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Живоначальные Троицы Великомученицы Варвары	Древяна вверх с трапезою Древяна ж вверх	Л. 205 об

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕЙ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
2.33.	Вол. Ухтостров Бого- явленский приход. В Ухтостровской же вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Богоявление Господа нашего Иисуса Христа Благовещение Пресвя- той Богородицы	Древяна вверх С трапезою древяна ж вверх	Л. 244
2.34.	Вол. Чюхченема. В Чюхченемской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Святого пророка Илии Страстотерпца Христо- ва Георгия	Древяна вверх С трапезою древяна ж клецки	Л. 280 об – 281
2.35.	Вол. Ровдина Гора. В Ровдогорской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Верховных ап. Петра и Павла. Предел Рожде- ство Пречистые Бого- родицы Афонасия Великого и Кирила Александрей- ских Чюдотворцов	Древяна вверх. На полатах предел Древяна ж вверх с тра- пезою	Л. 309 об.
2.36.	Вол. Быстрокурская. В Быстрокурской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Василия Кесарейского Прокопия Устюжского Чюдотворца	Древяна вверх Древяна же вверх с тра- пезою	Л. 336 об. – 337
2.37.	Стан Сояльской. В Сояльском стану пог., на пог. ц. Другая ц.	Покров Пречистые Бо- городицы Стретение Господа Бога нашего Иисуса Христа	Древяна вверх Древяна клецки ж с трапезою	Л. 389- об. Л. 391 об.
2.38.	Другой пог., на пог. ц.	Страстотерпца Христо- ва Димитрия Селунско- го	Древяна вверх. Воз- двигнута во 122-м г. (1615/1619)	Л. 392
2.39.	Третий пог., на пог. ц.	Никола Чюдотворца	Древяна вверх. Воз- двигнута в 109-м г. (1600/1601)	

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕЙ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
2.40.	Вол. Пенезская. На Волоку в Никольском приходе пог. на пог. ц. Другая ц.	Николы Чюдотворца Св. пророка Или	Древяна вверх Древяна ж вверх с трапезою	Л. 465
2.41.	Другой пог. на р. Валдокурье, на пог. ц.	Страстотерца Христова Георгия да предел великомученицы Христовы Парасковей	Древяна клецки. Воздвигнута во 125-м г. (1616/1617)	Л. 471 об.
2.42.	Третий пог. на р. на Пенеге, на пог. ц. Другая ц.	Рождество Господа нашего Иисуса Христа Рождество Пречистые Богородицы	Древяны вверх. Воздвигнуты в 119-м и в 120-м гг. (1610/1611 и 1611-1612)	Л. 472 об.
2.43.	Вол. Панилово на Плесе. В Панилове пог., на пог. ц. Другая ц.	Николы Чюдотворца Св. пр. Или	Древяна вверх Древяна ж клецки с трапезою	Л. 491 об.
2.44.	Вол. Ступинская. В Ступинской вол. пог., на пог.	Рождество Господа нашего Иисуса Христа	Древяна клецки	Л. 521 об.
2.45.	Вол. Ракульская. В Ракульской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Воскресение Господа нашего Иисуса Христа Покров Пречистые Богородицы	Древяна вверх Древяна вверх с трапезою	Л. 554.
2.46.	Вол. Сийская. В Сийской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Богоявление Бога нашего Иисуса Христа. Св. пророка. Или, да предел Василия Блаженного	Древяна клецки с трапезою Древяна ж вверх	Л. 590
2.47.	Вол. Пингишь. В Пингишской вол. пог., на пог. ц.	Введение Пречистые Богородицы	Древяна клецки. Воздвигнута в 126-м г (1617/1618)	Л. 616

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕЙ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
2.48	Вол. Хаврогоры. В Хаврогорской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Рождество Иванны Предтечи Архистратига Михаила	Древяна вверх Древяна ж вверх с тра- пезою	Л. 655 об.
2.49.	Вол. Калья в Яковлев- ском и Релонема. В Калейской вол. пог., на пог. ц. Другая ц.	Страстотерпца христо- ва Димитрия Николы Чюдотворца	 Древяны клецки	Л 682
2.50.	Вол. Морж и Шастки. На Моржу и в Шастках пог., на пог. ц. Другая ц.	Св. и праведных бого- отец Иоакима и Анны Василия Кесарийского	Древяна вверх Древяна ж клецки с тра- пезою	Л. 717 об.
2.51.	Вол. Звоз и Березник, и Ныкола и Коскошино, и Меландово и Тетра. В Коскошине пог., на пог. ц.	Николы Чюдотворца	Древяна клецки	Кн. 11. Л. 24 об.
2.52.	Вол. Зачачье и Чюхчин конец			
2.53.	Вол. Погосская Сотня и Прилук. Село Большое на р. Емце, в с. ц. Другая ц.	Николы Чюдотворца, да предел Зосимы и Сав- ватия соловецких Чю- дотворцев Страстотерпца Христо- ва Димитрия	Древяна вверх Древяна ж вверх с тра- пезою	Л. 51 об.
2.53.1	В селе ж ц., строение Живоначальные Трои- цы Антониево- Сийского мон.	Рождество Иванны Пред- течи		Л. 54
2.54	Вол. Щук озеро вверх р. Ваймуги. На Щук озере пог., на пог. ц.	Преображение Господа и Бога и Спаса нашего Исуса Христа	Древяна вверх. Стоит без пения	Л. 88 об.

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕЙ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
3. МОНАСТЫРИ И ИХ ЦЕРКВИ				
3.55	Мон. Живоначальные Троицы Антониевы пустыни Сийского на острове на Михайлове озере, на мон. ц. На мон. другая ц.	Живоначальные Троицы, предел святого вкмч. Феодора Стратилата, а другой предел Антония чудотворца Сийского Благовещения Пречистые Богородицы	Каменная о пяти верхах, у ней два предела С трапезою и келарскою, древяна	Кн. 11. Л. 104 Л. 106 об.
3.55.2	Село Шерапово, в с. ц.	Николая Чюдотворца	Древяна вверх	Л. 114
3.55.3	Слоб. Резановская на р. Моржу, в ней ц.	Николы Чюдотворца	Древяна клетки с трапезою	Л. 133 об.
3.55.4.	Сийского ж монастыря в Емецком стану у Большого села острог на реке на Емце на мон. земле деревни Микулинские да деревни Кошчевы Горы ц ¹¹	Рождество Ивана Предтечи	Древяна клетки с трапезою	Л. 149 об.
3.56.	На Зимней стороне за Сухим морем на р. Золотице слоб. Золотицкая, а в ней ц. Другая ц.	Рождество Пречистые Богородицы Рождество Пречистые Богородицы	Древяна клетки Древяна ж клетки, ветха, без ления	Л. 151
3.57.	Сиисково ж мон. на Кулуе 130-го году ц. на пос.	Рождства Пречистые Богородицы и св. страст. Бориса и Глеба	1621/1622	Л. 198
3.58	В Емецком стану мон. Кривецкой на р. Двине. На мон. ц. Другая ц.	Успение Пречистые Богородицы Трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иванны Златоустаго	Древяна вверх Древяна ж клетки	Л. 199 об.

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕЙ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
3.59.	В Емецком же стану мон. Покровской девич. на р. Емце, на мон. ц. ¹² Другая ц. Третья ц.	Покров Пресвятеи Богородицы Рождество господа нашего Иисуса Христа да архистратига Михаила Преображение Господа нашего Иисуса Христа да предел страстотерпца Христова Георгия	Древяна вверх Древяна ж вверх Древяна ж клецки	Л. 209 об.
3.60.	У моря в Нижней половине на Пудожемском устье мон. Никольской на Коредьском берегу. А на мон. ц. Другая ц.	Николы Чюдотворца Успение Пречистые Богородицы	Древяна вверх Древяна же вверх с трапезою	Л. 256 об.
3.61.	В Чюхченемской вол. мон. Николы Чюдотворца, на мон. ц. Другая ц. В Курейской вол. слоб. Барсинская, Смольниковская то ж. В ней ц. (на оброчной земле) ¹³	Николы Чюдотворца Св. первомученика и первослужителя архидиакона Стефана Преподобного отца нашего Сергия Радонежского Чюдотворца	Древяна вверх Древяна вверх Древяна клецки	Л. 305-306 об Л. 328
3.62.	На Летней стороне у моря на Унских рогах мон. Пертоменской, в нем ц.	Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа	Древяна клецки. На колокольнице 3 колокола	Л. 347
3.63.	В Курейской вол. на Айнове Горе мон. на р. Двине на Козье-ручью, на мон. ц.	Нерукотворенного образа Господа нашего Иисуса Христа	Древяна вверх с трапезою. Два колокола	Л. 351-352
3.64.	На Волоку Пенежском мон. Черногорской, на мон. ц.	Похвалы Пресвятеи Богородицы	С трапезою древяна клецки	Л. 354

№ п/п	ПОГОСТ – МОНАСТЫРЬ	НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕЙ	ТИП ХРАМА	ЛИСТЫ
3 65.	На Усть-Моржу мон. Николы Чюдотворца, в нем ц.	Николы Чюдотворца	Древяна клецки с трапезою	Л. 358
4. ОБРОЧНЫЕ И ОБЕЛЕННЫЕ СЛОБОДКИ И ВОЛОСТИ				
4 66.	Слоб. Солза у моря на берегу на р. Солзе, в ней ц.	Воскресение Господа нашего Иисуса Христа	Древяна клецки без пения	Л. 407
4 67.	У моря ж на берегу пог. Яренга, а на пог.	Николы Чюдотворца	Древяна клецки с трапезою да часовня	Л. 411
4 68.	Вол. Варзуга на р. Варзуге ¹⁴ В вол. на Пречистенской стороне ц. Другая ц. Третья ц. ¹⁵	Успение Пречистые Богородицы Предел преп. Отец Зосимы и Савватия Соловецких Чюдотворцов Афонасия Александрийского Чюдотворца Успение пресвятые Богородицы	Древяна вверх с трапезою. Предел Древяна клецки «Воздвизают» вново	Л. 419.
4 69.	На Никольской стороне ц. Другая ц.	Верховных ап. Петра и Павла Николы Чюдотворца	Древяна вверх с трапезою Древяна ж вверх	Л. 419 а
4 70.	Вол. Умба на р. Умбе ¹⁶ М. ц., что была ц. Вверх по р. по Умбе от вол. 10 верст пог. старой, где была ц.	Воскресение Господа Бога и Сласа нашего Иисуса Христа, да предел Кирила Белозерского чюдотворца Верховных ап. Петра и Павла на ц. земле Воскресение Христово и волость Умба преж сего	Древяна клецки	Л. 443 Л. 453

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9 – 11. Писцовая книга Двинского уезда письма и меры Мирона Андреевича Вельяминова и подьячих Бажена Степанова и Антона Подольского 130 – 132 (1621 – 1624) гг.

² Демчук Г. В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII в. Екатеринбург, 2002. С. 44 – 49.

³ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М. 1909 – 1913. Т. 1 – 2; Веселовский С. Б. Сошное письмо: Исследование по ис-

тории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915 – 1916. Т. 1-2: К о п а н е в А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 32 – 37; и др.

⁴ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1;

Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск 1902; А н д р е е в В. Ф. О дате основания Михайло-Архангельского монастыря // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 67 – 70; Д е м ч у к Г. В., У т к и н Н. Н. Писцовые книги Двинского уезда XVI – XVII вв. как источник по истории церкви // Массовые источники Отечественной истории. Материалы X Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI – XX вв.: Проблемы изучения и издания», посвященной 90-летию А. Л. Шапиро. Архангельск, 25 – 26 июня 1998 года. Архангельск, 1999. С. 109–119; Д е м ч у к Г. В., У т к и н Н. Н. Посвящения храмов в Нижнем Подвинье в XVI-начале XVII в. // Массовые источники истории и культуры России XVI – XX вв. Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI – XX вв.: Проблемы изучения и издания», посвященной памяти В. В. Крестинина (1729 – 1795). Архангельск, 19 – 23 июня 2001 г. Архангельск 2002. С. 105 – 126; и др.

⁵ Д е м ч у к Г. В., У т к и н Н. Н. Писцовые книги Двинского уезда XVI – XVII вв. как источник по истории церкви // Массовые источники Отечественной истории ... С. 111–112; Д е м ч у к Г. В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII в. ... С. 144 – 161.

⁶ Наряду с этим в книге отмечен ряд волостей, в которых существовало по 2 – 3 деревни с топонимом «погост». В Заостровской волости это деревни Малый погост, Великий погост, Михалково на погосте. В Чухченемской – Глухой погост. Середний погост Поташевская, Погост то ж. В Богдавленской Ухтоостровской названы деревни Севариювская на погосте, Микулинская на погосте, Офонасьевская в Нестерове погосте, Мининская в Гольцове погосте. (См.: Д е м ч у к Г. В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII в. ... С. 113 – 114).

⁷ Д е м ч у к Г. В. Приходские храмы в Устьянских сохах по писцовой книге письма и меры Ивана Загряжского и подьячего Ттимофея Семенова 1645 г. // Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова. Вологда, 2000. С. 59–61.

⁸ На «Парамейнике», хранящемся в РНБ в Санкт-Петербурге, имеется надпись, что книга написана в 1271 г. «Матигорцам за Волоку» и принадлежит церкви Бориса и Глеба (см.: М о р о з о в А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1975. С. 197).

⁹ Пустоши Ивана святого на Шильцове упоминаются в Матигорской луке в Платежной книге Двинского уезда 1560 г. (см.: Аграрная история Европейского Севера СССР Вологда, 1970. С. 526).

¹⁰ Прихожане просили писцов при восстановлении церкви и ее архива «после литовского разорения восстановить «белую» церковную землю. В церковной летописи дата возникновения прихода указана противоречиво: упоминаются 1506 и 1560 гг. (см. Д е м ч у к Г. В., У т к и н Н. Н. Писцовые книги Двинского уезда XVI – XVII вв. как источник по истории церкви // Массовые источники Отечественной истории. Архангельск 1999. С. 113 – 114).

¹¹ Перенесена та церковь в приход литовских людей в 121-м г. (1612/1613) с места «что был монастырь девич на монастырской земле». Старицы были переведены в Покровский монастырь, что у с. Большого на р. Емце. Все церковное строение принадлежало Сийскому монастырю.

¹² Прежде монастырь был мужским. По указу Михаила Федоровича в 124-м (1615/1616 гг.) старицы из этого монастыря были переведены в Сийский, а в Покровский перевели старицы из Иванского монастыря. Церкви и кельи Иванского монастыря разломали и поставили на том месте острог.

¹³ Судя по названию церкви слободка принадлежала Троице-Сергиеву монастырю. Его северные владения стали складываться с середины XVI в. В 1548 г. Иван IV пожаловал старцам «на приезд» место под двор в деревне Горки недалеко от Холмогор. Вла-

следствии троицкая вотчина на Севере расширилась, вплоть до Варзуги (см.: Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV – XVI вв. Москва, 1996 С. 120).

¹⁴ В Варужской волости промыслы и земельные угодья принадлежали святейшему патриарху Филарету Никитичу и монастырям: Троице-Сергиеву, Спасскому из Москвы, Соловецкому, Антониево-Сийскому, Николо-Корельскому. Церковное «строение» обозначено писцами как патриаршее.

¹⁵ Возводилась «вново» крестьянами Варужской волости и Соловецким монастырем.

¹⁶ Церкви Умбской волости были монастырскими: Кириллову монастырю принадлежало три чети, а Соловецкому – четыре волости.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Вкмч. – великомученица (к)

Вол. – волость

Г. – город

М. – место

Мон. – монастырь

Пог. – погост

Мч. – мученик(ца)

Пос. – посад

Преп. – преподобных

Пр. – пророк

Р. – река

С. – село

Св. – святой

Слоб. – слободка

Ц. – церковь

Т. Б. Соловьева
(Российский государственный архив
древних актов)

АНТРОПОНИМНЫЕ ФОРМУЛЫ ИМЕНОВАНИЯ¹ **ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ В НОВГОРОДЕ ВЕЛИКОМ 1646 г.**

Современная отечественная историческая наука, оставив обозрению безымянных и безликих народных масс, вернулась к изучению человека. В этой связи особую важность приобретает проблема идентификации личности, действовавшей несколько веков назад. В отношении так называемых «выдающихся» личностей проблема не является острой, но если историк намерен изучать не только социальные катаклизмы, уделять внимание не только «звездам» исторической сцены, а обратиться к социальной повседневности, то перед ним возникает задача идентификации «обычного», «простого» человека средневековой Руси. Задачу идентификации человека помогает решить

антропонимика, наука об именах собственных людей. Настоящая работа посвящена изучению антропонимов посадских людей Новгорода Великого по переписной книге 1646 г.

Наказ переписной книги 1646 г.² содержит формулировку, характеризующую антропонимные данные о населении, которые переписчики должны были отразить: «переписать... людей по имяню, с отцы и с прозвищи». Она отражает состав антропонимов и их последовательность в АФИ населения России XVII века. «В переводе» на язык ономастики в АФИ входили три вида антропонимов. На первом месте находилось личное имя. Из текста книги 1646 г. видно, что преобладали личные имена церковно-календарного происхождения, полученные в таинстве крещения, но были в ходу и личные имена славянского лексического происхождения, полученные в домашней среде. На втором месте в АФИ находится патроним, для которого нет специальной лексемы, он обозначен выражением «с отцы». На третьем месте в АФИ находится антропоним, названный авторами наказа «прозвище».

Эта лексема была полисемантической, т. е. имела множество значений. Данной проблеме посвящен доклад³, отдельные положения из которого изложены ниже. Лексема «прозвище» обозначала все те именованья, которые человек получал в различных социальных группах. В семье давали домашние прозвища детям (Овдотьица – прозвище *Досадка*). Соседи по улице, селу подмечали характерные черты внешности или характера человека, а иногда «увековечивали» некий случай (Третьяк – прозвище *Козел* и т.п.). В социально однородной среде (городская или сельская община) выделяли человека указанием на его ремесло, занятие (Иванко Филипов сын – прозвище *Лычник*. Степанко – прозвище *Ярыга*. Фетча Филатьев – прозвище отцу его *Кожевник*). В социальной же среде возникал антропоним, морфологически сходный с современными фамилиями (с окснчаниями -ов, -ин), часто его рассматривают именно в таком качестве, однако это ошибка, если речь идет о посадских людях, холопах, крестьянах, духовенстве. Антропонимика называет фамилией групповое, родовое и наследуемое именованье. Не привлекая дополнительных данных, мы можем считать в XVII веке такие антропонимы фамилиями только у людей, служивых по отчеству. Этот вид антропонима возник как патроним, образованный от прозвища отца (прозвище *Корытков*, прозвище *Ташлыков* сын, прозвище *Худяковы* дети), но не всегда сопровождавшийся служебным словом «сын». Семантика лексемы «прозвище» этим не исчерпывается, но для анализа АФИ посадских людей в 1646 г. мы можем этим ограничиться.

Для анализа АФИ посадских людей в 1646 г. используем второй источник – комплекс обыскных речей посадских людей из дела 1637–

1639 г. о сыске тяглецов в Новгороде⁴. Обыски проводились по улицам, в документ записывалась группа уличан во главе со старостой, дававшая показания сыщикам. Обыскные речи подписаны уличанами или приходскими священниками. Сопоставив АФИ одного и того же человека в 1637 и в 1646 г. и увидев особенности именованя одних и тех же людей в разных видах источников, мы можем обеспечить корректный анализ АФИ новгородских посадских людей.

В обысках 1637 г. личные имена всех посадских людей записаны в полной форме. Не так обстоит дело в 1646 г. В переписной книге с полной формой личного имени записаны приказные люди, духовенство, дети боярские, гости и некоторые посадские люди. Остальные посадские люди записаны с этикетной уменьшительной формой личного имени с суффиксом -ка. Следовательно, в контексте данной книги именование полной формой имени имеет устоявшийся сословно-этикетный характер и показывает повышенный социальный статус его носителя. Не будет слишком смелым предположением, что посадские люди, записанные с полной формой имени, были тем слоем посада, который назывался «лутшие» люди, возможно, так называли и «средних» людей. Количественный анализ и персональный состав этой группы людей даст интересный материал. Сравнение форм личных имен в 1637 и 1646 г. показывает, что некоторые люди «сохранили» полную форму имени, но большинство – нет, а также дает сведения о новгородских уменьшительных формах имен: в 1637 г. – Яков Шипулин (Л. 95); в 1646 г. – Янка Матфеев сын Шипулин (Л. 35 об.); в 1637 г. – Яков Сарафанник (Л. 104); в 1646 г. – Янка Левонтьев сын Сорофанник (Л. 43 об.); в 1637 г. – Яков Мясник (Л. 113); в 1646 г. – Янка Внифантьев сын Мясник (Л. 26); в 1637 г. – Онита Извощик (Л. 135); в 1646 г. – (сын) Созонко Онцыфоров сын Извощик (Л. 3 об.); в 1637 г. – Леонтий Свечник (Л. 131–132); в 1646 г. – Левка Степанов сын Свечник (Л. 27а); в 1637 г. – Юфарка Портной Мастер (Л. 108); в 1646 г. – Еуфим Иванов сын Портной Мастер (Л. 9).

В 1637 г. АФИ многих людей состоит из личного имени и патронима без служебного слова «сын», это видно из их же АФИ в 1646 г.: 1. Иван Дмитриев (Л. 99) и Ивашко Дмитриев сын Щепетник (Л. 37). 2. Фрол Иванов (Л. 126) и Фрол Иванов сын Хлебник (Л. 40). 3. Прокофей Федосеев (Л. 135) и Пронька Федосеев сын Перевощик (Л. 4 об.) и мн. др. Такой тип именованя – личное имя и патроним без служебного слова – нередок и в книге 1646 г. По этой причине при публикации писцовых и переписных книг предпочтительным является именной указатель, где именованя посадских людей систематизируются без перестановки антропонимов, составляющих АФИ. Систематизация по антропонимам, находящимся на втором месте в АФИ, состоящей из

2 антропонимов (типа Иван Федоров), т.е. фактически по отчеству людей, бессмысленна. Систематизация же именованных людей в том же порядке, в каком находятся антропонимы в АФИ, т.е. сначала личное имя, затем те другие виды антропонимов, которые составляют АФИ, позволит идентифицировать человека, по-разному именованного в разных документах.

Сопоставление АФИ отцов в 1637 г. и сыновей в 1646 г. позволяет сделать вывод о том, что в среде посада начинают формироваться наследственные (семейные) антропонимы, т.е. фамилии: Федор Линева (Л. 119–120). Архипко Федоров сын Линева (Л. 8). Кондратей Шалава (Л. 119–120). Сенька да Родька Кондратьевы дети Шелавины Рыбных Ловцы (Л. 6 об.). Стефан Дутиков (Л. 110–111). Мишка Степанов сын Дутиков (Л. 22 об.). Никифор Бякин (Л. 115). Сидор Никифоров сын Бякин (Л. 11 об.), Федор Полухин (Л. 131), Янка Федоров сын Полухин (Л. 28). Ондрей Скоробогатой (Л. 117), Куземка Ондреев сын Скоробогатой (Л. 24).

Этот процесс прослеживается и на материалах двух переписных книг. Рассмотрим как пример данные о жителях Нутной улицы в 1646 (Л. 12 об. –14) и 1678 (Л. 52–57) гг.:

1646 (В) – Яков Иванов сын Козырев, у него сын Симан. 1678 (В) – Симонко Яковлев сын Козырев, у него сын Ивашко в возрасте.

1646 (В) – Яков Левонтьев сын Пискулин Серебреник, у него сын Екимко. 1678 (В) – Яким Яковлев сын Пискулин, у него ж живет племянник Илья Матвеев. И он, Яким, сам устарел. 1646 (В) – Томилко Гаврилов сын Воронов, у него дети Ондрюшка, Ивашко. 1678 (В) – Ондрюшка Меркульев Воронов, у него сын Карпушка, недоросль одиннадцати лет.

Фамильное прозвище могло иметь несколько фонетических вариантов: в 1646 г. жил «Стенька Федоров сын Шобяков Сыромятник, у него сын Гришка» (Л.29об), а в 1678 следующие поколения носили прозвище *Шебякин*: Л.87. (В) – Павел Степанов сын Шебякин з детьми (2 сына). (В) – Перфилко Федоров Шебякин с сыном Ивашком, да у него ж сын Мишка семи лет. (В) – Парфенко Федоров Шебякин с сыном Якимком. (В) – Максимко Федоров Шебякин с сыном Онтошком. (В) – Петрушка Степанов сын Шебякин з детьми (3 сына) (Л.87и об.).

Два фонетических варианта было у прозвища *Жулев* (Жюлев) : 1646 г. на улице Лубянице Егорьевской трети на церковной земле жили Исачко Жулев, а в подсоседниках – Сенька Федотов сын Жюлев с детьми Васькой и Ивашком (Л.20об, 23). В 1678 г. дети жили на улице Славкове: (В) Василей Семенов сын Жюлев с сыном Семеном. (В) – Иван Семенов сын Жулев в раслаблени, а у него сын Семен (Л. 90 об). Обращает на себя внимание личное имя двух внуков – Семен, ка

и у деда. В другой семье – Молоковых – особо значимым было личное имя Евдоким: в 1646 г. – «Евдоким Ондреев сын Молоков, у него сын Ивашко» (Л. 13), в 1678 – «Ивашко Евдокимов Молоков з братом Евдокимком, да у него же, Ивашка, сын Евдокимко в возрасте» (Л.53об). Имя повторяется в трех поколениях. Очевидно, обычай давать личное имя деда внуку (отца сыну) был распространен не только в аристократических слоях князей и дворян. Такое личное имя не могло быть всегда крестильным, хотя оно и происходило из церковного календаря, иногда оно было по сути своей прозвищем, данным в семье, а не в крещении. Сочетания личных имен у человека типа «Ивашка – прозвище Васька» можно найти в писцовых или переписных книгах.

По переписным книгам 1646 и 1678 гг. мы можем увидеть, как индивидуальное прозвище отца приобретает патронимную форму: 1646 г. (Л.13об.) (В) – Микифор Васильев сын Клетка, у него дети Гришка, Мишка. 1678 г. (Л. 53, 56об.); (В) Мишка Никифоров сын Клеткин, у него дети недоросли сын Якушко четырнадцати лет, Мишка десяти лет. (В) Максимко Никифоров сын Клеткин, кормитца у церкви Божии дьяком у Филиппа Апостола, у него сын недоросль Ивашко осми лет.

Часто сыновья наследовали ремесленную специальность отца и носили такое же ремесленное прозвище: 1637 Степан Серебряник. (Л.95.) 1646 Юшко Степанов сын Серебреник. (Л.35), 1637 Ортемей Щапочник. (Л.99). 1646 Васька Ортемьев сын Шапочник. (Л. 37), 1637 Сергей Мясник. (Л.126). 1646 Трофимко Сергеев сын Мясник. (Л.40) и др. Сравним сведения о ремесленных прозвищах отцов и детей из переписных книг 1646 и 1678 гг. на той же Нутной улице (Л.12об-14 и Л.52-57); 1646 (В) Онтошка Михайлов сын Рыбной Ловец, у него зять Федька Прокофьев. 1678 (В) Ивашко Антонов Рыбник, у него племянник недоросль Митька десяти лет. 1646 (В) Илья Ортемьев сын Рыбник, у него сын Спирко. 1678 (В) Спирко Ильин Свежерыбник, у него дети Тимошка да Игнашко, у Тимошки дети недоросли Парфешко семи лет, Прошка трех лет. И он, Спиридонко, устарел. 1646 (В) – Ивашко Матвеев сын Рукавишник, у него дети Ермолка, Ивашко. 1678 В полудворе Ермолка Иванов Рукавичник, у него дети Ивашко в возрасте да недоросль Симашко девяти лет, у Ивашка же сын Ивашко же пяти лет. (В) Ивашко Иванов Рукавишник, у него сын недоросль Якушко десяти лет.

Ремесленное прозвище отца могло приобрести патронимную форму в именовании детей: в 1646 г. на Иворовой улице жил «Ивашко Власьев сын Бачар» (Л.29), в 1678 г. там жили Еремка да Олешка Ивановы дети Бочаревы (Л.89), которые «обедняли и оскудали», и были записаны в разделе «недостаточных бедных людей». Очевидно, они

не сохранили ремесло отца, но его ремесленное прозвище стало основой для прозвища детей. Возможно, что в какой-то период такую морфологическую трансформацию ремесленное прозвище получало именно в тех случаях, когда ремесло отца не наследовалось сыном.

Иногда ремесленное прозвище человека менялось, но не менялась его широкая ремесленная специальность: в 1637 Семен Плетник (Л.95) и 1646 Семен Иванов сын Ременник. (Л.34об.), 1637 Федор Скотник (Л.95) и 1646 Федька Алексеев сын Коровник (Л.34об.), 1637 Юрьи Скобичник (Л.95) и 1646 Юрья Игнатъев сын Кузнец. (Л.35об.), 1637 Михей Портной Мастер (Л.135) и 1646 Михейко Григорьев сын Шубник. (Л.4 об.) и др.

Аналогичная замена могла происходить со сменой поколений: в 1646 г. на Иворовой улице жил «Бориско Семенов сын Бачар, у него сын Дорофейко» (Л.29), а в 1678 г. в разделе «тое ж улицы подсоседники, кормятца работою своею, дворов своих нет» попал его сын «Дорофейко Борисов Обручник, обеднял и оскудал»(Л.89).

На примерах сравнения АФИ мужей в 1637 г. и АФИ вдов в 1646 г. видно, как формировались андронимы – именование женщины по мужу. Женщин записывали в переписные книги в том случае, если они являлись владелицами дворов, обычно это были вдовы. АФИ вдов производилась от имени мужа и состояла из личного имени женщины (в разных формах), притяжательного прилагательного, образованного от личного имени мужа с суффиксом –ск и окончанием –ая, служебного слова «жена» и генитивной формы прозвища мужа. Иногда вслед за личным именем женщины приводился ее патроним: Тимофей Ветошник (Л.95). 1646 Фекла Иванова дочь Тимофеевская жена Ветошника (Л. 35об.).

Особый интерес представляют случаи, показывающие путь образования ремесленного прозвища в генитивной форме: Клементей Рыбной Ловец (Л.119-120) и его вдова Иринко Клементьевская жена Рыбникова (Л.7об.), Василий да Юхара да Матвей Шпальники (Л.131-132), вдова Юрьевская жена Шпальникова Кристина (Л.27об.). В одном случае номинаторы-уличане подобрали лексическую синонимическую замену прозвищу мужа (Рыбной Ловец – Рыбник – Рыбникова).

Состав АФИ посадских людей в книге 1646 г. показывает, что социальный статус проявлялся не только в форме личного имени человека, но и в количестве антропонимов в его АФИ. Так, АФИ вдовы, имеющей двор и несущей тягло, даже в патронально-ориентированном социуме имеет сложный состав (личное имя, патроним и андроним), а мужчина, имеющий детей, но живущий у брата, отражен в переписи именованием простейшего вида – личным календарным именем в уменьшительной форме: «Во дворе Ондрюшка Кирилов сын

Рукавичник, у него брат Юрка, у него же племянники Митька, Олешка Юрьевы дети» (Л.25 об.).

Лексемы, обозначающие принадлежность человека к неродственной социальной группе (территориальной, профессиональной, этнической, сословной и др.), расположенные перед личным именем человека, т.е. перед первым элементом АФИ, являются апеллятивами, именами нарицательными. Лексемы, идентичные этим апеллятивам, завершающие АФИ, расположенные после личного имени, после патронима, после какого-либо прозвища другого типа, являются именами собственными, которые в XV – XVII вв. обозначались лексемой «прозвище». Прозвища, образованные в неродственных социумах (улица, деревня, торговый ряд, ремесленная слобода, посадская община, многолюдный господский двор), были этимологически прозрачны в первом поколении, у антропонимического родоначальника, т.е. у носителя того имени собственного, от которого образуется патроним, а потом от патронима – фамилия. В составе прозвищ был и топоантропоним, название человека по тому населенному пункту или местности, откуда он переселился, на новом месте жительства, расположенный в АФИ после патронима. Человек получал такое прозвище вне родной топонимной среды, в чужом городе. В писцовой книге Нижнего Новгорода 1620/21 г. видно различное употребление лексем со значением «горожанин» и разница в их расположении в АФИ. На гостинном дворе находились лавки, «а ставятся в них приезжие всякие люди»: костромитин Панкратко Посадников, ярославец Ефимко, костромитин Иван Железной Колпак, казанец Олешка Микитин, москвитин Ивашко Матвеев, казанец Гарасимко Петров, москвитин Лука Патрушин, костромитин Богдашко Онтипин, москвитин Томилко. Лексема с указанием на принадлежность человека к социально-территориальной группе – имя нарицательное, она предшествует АФИ, а точнее ее первому элементу – личному имени. Одновременно на нижегородском посаде жили Офонасей Путимец, «лутчей» человек, и Ивашка Филипов Псковитин, там стоял двор «посадцкого человека Жданка Григорьева Костромитина» и др.⁵ Эти люди были нижегородцами, тяглецами нижегородского посада. В их АФИ та же самая (морфологически и семантически) лексема играет другую роль, становится именем собственным, прозвищем, обозначающим, откуда пришел, откуда происходит человек, являющийся теперь по новому месту жительства нижегородцем, а по социальной принадлежности посадским человеком. Такие прозвища есть в книге 1646 г.: Лаврентий Лукин сын Белянин (Л.38), Митрофан Михайлов сын Городечанин Л.8, Филип Аксентьев сын Белянин (Л.24об). Прозвище новосела могло со временем замениться: в 1637 г. – Акин-

дин Елисеев сын Белянин (Л.95), а в 1646 г. – Акинди́н Елисе́ев сын Чюлочник (Л.35).

Топонимное прозвище отца становилось основой для прозвища сына в патронимной форме: в 1637 г. Рогатице улице (Л.131-132) жил Григорий Чобоксар, в книге 1646 г. он не установлен, но в 1678 г. (Л.83-86) там жили его сыновья «(В) Васька Григорьев Чебаксаров, молотчей, сын у него Максимко десети лет».

«(В) – Куземка Григорьев Чебаксаров, кормитца работою, а сын у него Степашко осми лет, другой Максимко шти лет». При условии наследования этот тип прозвища в данной форме станет фамилией.

Важным антропонимическим фактом является употребление в АФИ одного и того же человека разных морфологических вариантов ремесленных прозвищ: 1637 – Самуйла Мясников (Л.95) и 1646 – Самуйло Степанов сын Мясник (Л.35), 1637 – Иван Ситник (Л.99) и 1646 – Иван Лукин сын Ситников (Л.37об.), 1637 – Яков Иванов сын Подковщик (Л.108) и 1646 – Яков Иванов сын Подковщиков (Л.9об.). Это явление встречается в разных делах и документах Новгородской чети и других приказов. Иногда человек именуется двумя вариантами прозвищ, обычно ремесленных, в одном документе. Такие случаи мы видим и в прозвищах другого, не ремесленного происхождения: в 1637 Яков да Борис Слепцовы Л.123-124 и 1646 Бориско Михайлов сын Слепец Л.32, в 1637 – Первой Чюриков (Л.123–124) и 1646 г. – Первушка Чюрик (Л.32об.). Этот факт показывает, что для номинаторов и носителей прозвищ в XVII веке значимой являлась не форма прозвища, а его семантика. Впрочем, называя человека Мясником и Мясниковым, уличане не исказили реальность, человек был мясником и мясниковым сыном, явление не редкое для традиционного общества, где ремесло отца передавалось сыну.

Предложенная методика анализа антропонимов посадских людей в 1646 г., выполненная на материалах сыска 1637 г. и переписных книг 1646 и 1678 гг. Новгорода Великого, по мнению автора, имеет перспективы. Подобная работа может быть проделана на материалах писцовых и переписных книг и других источников по другим городам. Наблюдения, сделанные с антропонимической точки зрения, должны помочь исследователям русского города в их работе, в исследовании истории отдельных людей, семей, в конструировании генеалогических схем горожан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Антропонимная формула именованя (АФИ) – определенный порядок следования различных видов антропонимов и апеллативов в официальном именовании человека

данной национальности, сословия, вероисповедания в определенную эпоху (см.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 36).

² РГАДА. Ф.1209. Поместный приказ. Кн. 984. Л. 1-50. Синхронный список (1646-1659 гг.).

³ Т. Б. Соловьева. Русская антропонимическая лексика конца XV–XVI вв. // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященные памяти В. В. Крестинина. Архангельск, 2002. С. 276–281.

⁴ РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Стб. № 41605.

⁵ РИБ. Т. 17. СПб., 1898. Стб. 275-277, 89, 278, 118.

М. Б. Булгаков
(Институт российской истории РАН)

О СОСТАВЕ КАБАЦКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ XVII в.

Источниковедение кабацкого делопроизводства XVII в. не стало еще предметом внимания со стороны историков. По этой теме известны лишь несколько работ¹. Кабацкая документация отличается большим разнообразием и сложностью. Ее состав отражает не только организацию государственного монопольного хозяйства по производству и продаже хмельных напитков, но и процесс его бюрократизации. Степень бюрократизации зависела от системы эксплуатации кабаков. При «верной» системе эта степень была наивысшей, а при откупной – наименьшей.

Государство придавало большое значение функционированию кабаков (с 1652 г. они стали называться кружечными дворами), ибо из всех косвенных налогов кабацкие доходы приносили самую значительную прибыль. Например, за очень редким исключением, городские кабаки давали годового дохода в 2-2,5 раза больше, чем таможи. Отметим, что почти в половине городов таможи и кабаки находились под управлением одного головы (или откупщика), но документация их велась отдельно.

При «верной» системе эксплуатации персонал кабаков подвергался тройному контролю – его финансовую деятельность проверяло посадское земство посредством своих выборных счетчиков (ревизоров), воевода и центральные приказы, откуда иногда присылались проверяющие (как это было в Тотьме в 1646/47 г.)² и куда ларешные целовальники привозили вместе с деньгами годовые приходо-расходные книги и некоторые другие документы. (Кабацкие же откупщики вели такие книги только для себя). Поэтому выборные целовальники под наблюдением кабацкого головы очень скрупулезно, помесечно и по-

операционно фиксировали сначала в черновых книгах, тетрадях, записях, а затем обобщенно и в беловых приходо-расходных книгах.

Всю кабацкую документацию (черновую и беловую) можно разделить на три группы. 1) документы по кабацкому делу, исходящие из центральных приказов, ведавших кабацкими сборами (Новая четверть. Разрядный приказ, Посольский приказ, Устюжская четверть и др.) 2) Документы внутреннего текущего кабацкого делопроизводства 3) Документы, не имеющие прямого отношения к кабацким производственным делам и организации службы, но попавшие в комплекс кабацких дел («побочный» архив).

Важно отметить, что целостного архива, где присутствовали бы полностью все кабацкие документы из двух первых групп ни по одному кабаку (кружечному двору) не сохранилось. Головы и целовальники отслужив свой срок и отчитавшись за свою работу уже не заботились о сохранении оставшихся документов. большинство из которых выборочно откладывались в центральных приказах (по разным городам и за разные годы), а некоторые обнаруживались или упоминались среди дел воеводских или мирских (земских) изб, а также среди архива частных лиц. Поэтому можно говорить лишь о реконструкции полного комплекса кабацкой документации XVII в.

Делопроизводство первой группы распалось на документы общероссийского и локального характера. Это прежде всего государевы указы о запрете или разрешении откупов кабаков (с указанием каким категориям населения разрешались откупы). В 1620, 1622, 1649 и 1663 гг.³ они разрешались, а в 1651, 1652, 1681 и 1688 гг.⁴ запрещались.

По Соборному Уложению 1649 г. запрещалось давать суд по искам откупщикам, а по указу 1652 г. – кабацким целовальникам⁵. Этим законодательством закреплялась уже сложившаяся практика судоуправства «кабатчиков».

По указу 1652 г. было реорганизовано кабацкое дело: кабаки стали называться кружечными дворами, вино приказано было продавать большими партиями – ведрами, полуведрами и кружками, заведения приказано было открывать по определенным дням недели, запрещалось продавать вино в долг и под залог, а также лицам духовного звания.

Перед Смоленской войной 1632–1634 гг. был издан указ о запрете продавать из кабаков вино стрельцам⁶, а в 1663 г. – обнародован указ, запрещающий персоналу кружечных дворов «украинных» городов покупать вино у черкас (украинцев)⁷. От 1650 г. известен указ по поводу недоборных кабацких денег, в котором говорилось, что если в результате сыска будет установлено, что недобор «учинился бесхитростно» т.е. без воровства, то сумму недобора с голов и целовальников «взыскивать не велеть»⁸.

Из общестандартных указных кабацких документов назовем обязательные уставные кабацкие грамоты, где определялись обязанности выборных голов и целовальников, главными из которых были: казенными деньгами «не корыстоваться», службу нести «неоплошно с большим радением», «государю всюду искать прибыли»⁹. В некоторых грамотах устанавливались цены, по которым необходимо было продавать казенное «питье»¹⁰. Стандартизированы были и крестоцеловальные записи для голов и целовальников, где в основном повторялись положения уставных грамот¹¹. Для откупщиков составлялись особые кабацкие откупные грамоты, в которые добавлялись некоторые пункты, например, сроки откупа (от 2 до 5 лет), размер годовой откупной суммы с наддачей и печатными пошлинами и даты ее выплаты в приказе (по частям)

Из распоряжений для местных кабаков отметим государевы грамоты о расходовании казенных денег: на жалованье местным стрельцам, пушкарям, подьячим приказной избы, на выплату денег ружным церквям и монастырям, на выплату за купленные товары «на государя» (порох, свинец, железо, пушки, мушкеты, пистолеты и др.), а также о выдаче вина «государевым» (русским) и иностранным посланникам и послам. В Устюге Великом в 1630 г. из таможенных и кабацких доходов выдавали деньги на корм донским казакам – «тюремным стрельцам» и «на сабельное и на пистолетное дело, что делать для образца и присланы к Москве», в Тотьме в том же году на жалованье «сибирскому атаману и новоприборным казакам и жонкам, которые по государеву указу прибраны в Сибирь из нетяглых людей» из таможенных и кабацких доходов было выдано 327,5 руб. В 1631 г. в Дмитрове из кабацких доходов был дан корм (деньги) чертежнику, посланному из Устюжской четверти «для чертежу крепости»¹² и т.д. Среди царских грамот выделяются и другие, например, о переводе кабаков из ведомства одного центрального приказа в другой, о назначении подьячих в кабаки отдельных городов по их челобитным, о смене кабацких наемных приставов выборными посадскими людьми «за крестным целованьем», о доставке на царский обиход «доброе вина» из кабаков некоторых городов и т.д. Все эти грамоты из разных приказов были адресованы воеводам с указанием, чтобы они оставляли у себя списки грамот, а подлинники отдавали кабацким головам.

Вторую, самую обширную группу кабацкого делопроизводства, представляли документы, фиксирующие хозяйственную деятельность персонала заведения по всем его подразделениям, сначала в черновом виде, а затем и в беловом (для некоторых документов).

Основным отчетным документом этой группы были годовые приходо-расходные кабацкие книги. Они составлялись в конце года всеми

материально ответственными лицами – головою и целовальниками. а начисто переписывал ее кабацкий дьячок. Например, по росписи черновой документации 1646/47 г., на базе которой готовились отчетные книги тотемского кабака, перечислено до 25 наименований¹³. Эту роспись составил проверяющий из Устюжской чети И.Г. Чириков, возможно родственник дьяку Пантелеймону Чирикову, служившему в это время в том же приказе¹⁴. Из документов росписи названы «книги винным и пивным варям», «книги медовому установленью», «книги отдачи и продажи вина с погреба на кабаки» (в сельские филиалы и в волости на ярмарки и торжки), «книги отдачи и продажи вина в чарошные и осьминные стойки» городского кабака и его сельских филиалов, «книги покупки ржи и солоду», «тетрадь ржаной рощи, что отдавано ржи рощить» (солодовая), «роспись кабацких остальных запасов», «роспись кабацкого заводу» – строений и инвентаря, «книги расходные, что покупано бумаги и свечи и всякая мелочь», «книга расходная, что давано извощику от возки и за опыт от молотья» (солода), «тетрадь дровяная что покупаны дрова на винную поварню». подрядные записи и памяти на поставку дров, хмеля и ржи, «книга долговая, что давано вино посадским людем в долг» (ведрами и полуведрами), «напойные памяти долгового вина на посадских людей и на уездных крестьян» (малыми дозами – чарками), «тетрадь долговая, что давано солоду в долг». Отметим, что для Березовского кабака в слободе Березов Наволок велись отдельные «книги винной вари», потому что там была своя пивоварня. В других филиалах тотемского кабака вино и пиво доставлялись из городской винокурни и пивной поварни.

Все черновые книги, тетради, записи и памяти варнишных, погребных, стоешных целовальников в трансформированном и обработанном виде или целиком (полностью) входили в состав беловой годовой приходо-расходной книги. «Ценовные росписи остальных кабацких запасов» (вина, пива, меда, хлеба, хмеля, солода и дров) и росписи «кабацкого заводу» (строений, инвентаря и оборудования) были обязательными передаточными документами при смене кабацкого персонала и составлялись обычно «сторонними людьми». Они в беловом виде передавались новому голове или откупщику и высылались в центральный приказ и, как правило, включались в состав беловых годовых приходо-расходных кабацких книг. Долговые же книги и записи сохранились очень плохо, т.к. они уничтожались целовальниками по мере «выбора» долгов у «питухов». Скорее всего, целовальники кабаков вели и росписи закладов (одежды, драгоценностей) за «напойное» вино, поскольку в архивах некоторых посадских людей упоминаются кабацкие закладные записи¹⁵.

Все эти документы показывают конкретную работу персонала кабака и его взаимоотношения с населением, с которым он вступал в договорные отношения (наем на солодоращение, поставку «запаса», отдача в долг солода и вина).

Кроме этого, в комплекс кабацкого делопроизводства входили еще счетные росписи земских кабацких ревизоров, отписки голов на запросы из центра, например, о ценах на покупное вино для кабаков, где не было винокурен, расписки целовальников в приеме поставленного «запаса», челобитные целовальников по разным кабацким делам и происшествиям на кабаке (драки, воровство и т.д.), в том числе и «изветные» челобитные друг на друга, а также «мирские выборы», по которым целовальники «стоят в кабаке».

Наконец, в третью группу кабацкого делопроизводства входили различные документы, не имеющие отношения к непосредственно кабацким производственным делам. Лишь некоторые из них имели отношение к обязанностям целовальников. Сюда входили составляемые ими книги «явошным деньгам» за право населения по известным случаям (свадьбы, крестины, поминки и т.д.) «варить пиво и ставить мед и брагу пьяную по определенным расценкам (до 20-х гг. XVII в. эти книги велись в съезжих избах, но затем были переданы в кабаки) и составление книги заповедных денег за корчемное вино (штрафы брались по расценкам в зависимости от того, в который раз попадался корчемник). Прибыль от явок и штрафов заносилась в беловые отчетные книги. Другие документы этой группы относились к «побочной» деятельности персонала кабаков, например, кабальные записи голов и целовальников о даче в долг денег наемным ярыжкам и пивоварам, а также уездным крестьянам и посадским «мирам». В этом случае кабацкая администрация выступала в роли кредитора для населения, на что впервые обратил внимание М.М. Богословский¹⁶.

Кроме того, в перечне дел тотемского кабака упомянуты книги банного сбора, откупная запись на пролубника (за право содержать зимой проруби на р. Сухоне) и поручные записи на волостных крестьян – «судовых деловцов», которые изготавливали лодки, «корбасы, струги», за что они должны были платить пошлину. За них ручались, очевидно, кабацкие целовальники.

Таким образом, состав кабацкой черновой и белой документации отражает весьма большой круг источников, их разнообразие и специфику и дает представление о всех сторонах деятельности одного из государственных монопольных предприятий XVII в. – кабаков (кружечных дворов).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полонская Н. Д. Страничка из истории кабацкого дела XVII в. // Юбилейный сборник статей студентов историко-этнографического кружка при Киевском университете. Киев. 1914 (изучены материалы проверки (счета) вологодских кабацких книг 1629 г. «мирскими счетчиками»); Булгаков М. Б. 1) Росписи кабацких долговых «напойных» денег первой половины XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1998; 2) «Ценовая роспись» дмитровского кабака 1645 г. // История городов Московского края. Тезисы докладов II региональной конференции по истории Московской области, посвященной 70-летию Московского педагогического университета. 14 декабря 2000. М., 2000.

² РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. г. Тотьма. Кн. 25. Л. 577.

³ ЗАРГ. № 95. С. 101; № 123. С. 115; Соборное Уложение 1649 г. Текст, комментарии. Л., 1987. С. 94 (Гл. XVIII. Ст. 23); ПСЗ – 1. Т. 1. СПб., 1830. № 340. С. 579.

⁴ ПСЗ-1. Т. 1. № 72. С. 262; ААЭ. Т. 4. СПб., 1836. № 59. С. 88-89; ПСЗ – 1. Т. 1. № 859. С. 295-297, Т. 2. № 1276. С. 905-908.

⁵ Соборное Уложение 1649 г. С. 94; ААЭ. Т. 4. № 59. С. 90.

⁶ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1632 г. № 66. Л. 324.

⁷ Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 528. Л. 289.

⁸ Там же. Ф. 141. 1675 г. № 318. Л. 6.

⁹ ААЭ. Т. 4. № 59. С. 88-90.

¹⁰ Там же. № 63. С. 95-97.

¹¹ Там же. № 59. С. 90-91.

¹² РГАДА. Ф. 141. 1628 г. № 55. Л. 8, 18, 107.

¹³ Там же. Ф. 137. г. Тотьма. Кн. 25. Л. 577-584.

¹⁴ Веселовский И. С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 567.

¹⁵ Булгаков М. Б. К вопросу о реконструкции архива горожанина XVII в. // Советские архивы. 1981. С. 54.

¹⁶ Богословский И. М. М. Кредит в земском хозяйстве XVII века // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 401.

М. Ю. Зенченко
*(Российский государственный архив
древних актов)*

КНИГИ ЗАПИСНЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫМ ДАЧАМ НОВГОРОДСКОГО УЕЗДА

Раздача земель из государственного земельного фонда в Российском государстве XVI–XVII вв. являлась составным элементом государственной земельной политики, хотя в каждом регионе приобретала индивидуальные черты в зависимости от преобладающего типа земельных отношений (поместья или вотчины), количества свободных земель (различались «порожные» и «поросшие», т.е. запустелые), а также от общей экономической перспективности региона. Так, например, если на территориях, обозначенных Ю. В. Готье и М. Н. Тихомировым как «Замосковье», избыток свободных земель, пригодных для хозяйственного освоения, перестал существовать уже к середине

XVII в., то на территориях, отдаленных от центра государства (Заволжье и Сибирь, Предуралье (Пустозерск, Кеврола, Мезень), на юге России (города Белгородской, Изюмской, впоследствии Кубанской, черты) колонизационные процессы продолжались на протяжении XVIII–XIX вв.

Таким образом, раздача пустующих земель приобретала черты государственного регулирования и во многом определялась насущными задачами правительства в данном регионе. Необходимо также отметить, что эта политика была достаточно гибкой. На юге России в первую очередь правительство до середины XVIII в. было заинтересовано в обороноспособности местного населения, что и привело к формированию немногочисленной, но достаточно влиятельной корпорации, т.н. «однодворцев», по своему социальному статусу сближавшихся с казачеством. На севере, в малопригодных для земледелия районах (т.н. «зонах рискованного земледелия») правительство была заинтересовано в общем экономическом подъеме пустых земель, что и привело к развитию крестьянской и монастырской колонизации. В это же время, центральные, давно и прочно освоенные регионы, пошли в поместную и вотчинную раздачу, удовлетворяя тем самым интересы правящей поместно-аристократической элиты.

Ситуация, сложившаяся на территориях бывшей Новгородской земли, имела свою специфику, которая во многом определяла контуры проводившейся государством аграрной политики. Если в начале XVI в. Новгородская земля по численности населения и уровню экономического развития могла конкурировать с наиболее развитыми уездами Российского государства, то уже в конце XVI – начале XVII в. источники рисуют те же самые территории в состоянии глубочайшего хозяйственного кризиса. Опричные мероприятия, завершившиеся разгромом Новгорода и разграблением Новгородского у., «морское поветрие» 1569–1571 гг., использование новгородских территорий в качестве оперативной базы для подготовки походов на Ливонию и Речь Посполитую в ходе Ливонской войны – все это привело к общему разорению территорий, бегству (возможно, и гибели) основного производящего населения – крестьян. Масштабы хозяйственного разорения Новгородской земли неоднократно становились объектом рассмотрения как дореволюционных, так и советских историков¹. По мнению исследователей, потери населения оцениваются в три четверти от численности на 1500 г.² Потери населения, вызванные голодом 1601–1603 гг. и событиями Смутного времени (временной оккупацией части территорий шведскими войсками, набегами «лисовчиков» и казаков), довели потери населения до катастрофических масштабов. По данным дозорных книг 1616–1620 гг. население Обонежской пятины

сократилось до 5875 дворохозяев, Деревской – до 2588, Бежецкой – до 911³. Все это привело к формированию значительного фонда «пустых» земель, пригодных под раздачу, наличие которого источники фиксируют вплоть до конца XVII в. Судьба этих земель во многом неясна. Возможно, они были приписаны к дворцовым землям – так, во всяком случае, считают авторы «Аграрной истории...»: «Базой для их [дворцовых земель. – М.З.] возрождения и развития являлся в это время [сер. XVII в. – М.З.] гигантский фонд порожних земель»⁴. – «Сохранить достаточно высокий удельный вес дворцовых земель в общей структуре землевладения удалось благодаря целенаправленным действиям правительства по формированию новых дворцовых волостей из зарубежных выходцев, приток которых во второй половине века не ослабевал. Такие волости в третьей четверти XVII в. формировались во всех новгородских пятинах»⁵.

Вторым существенным фактором, повлиявшим на государственную политику в регионе, было наличие уникального типа переселенцев, которых источники определяют терминами «зарубежные выходцы» или «выходцы из-за свейского рубежа».

С 1611–1612 гг. часть земель, заселенных как русским, так и карело-финским населением (Ивангородский у. Шелонской пятины, Ямский, Копорский и Орешский у. Водской пятины) перешла под административно-территориальное управление Швеции. По условиям Столбовского мира 1617 г. дворянам, горожанам и черному духовенству было предоставлено право покинуть будущие шведские территории в течение двух недель: как показала практика, этим же правом воспользовались и крестьяне – из 854 деревень, фиксируемых до Столбовского мира, к 1623 г. «запустело» 513⁶. В дальнейшем этот процесс нарастал – общее количество перебежчиков по материалам русско-шведских переговоров 1649 г. в Столгольме оценивается в 50 000 душ процесс усилился во время русско-шведской войны 1656–1657 гг., когда вместе с отступающими частями русской армии шведские территории покинула также и значительная часть русского населения. По данным 1695 г. можно сказать, что русское население в оккупированных уездах составляло не более 26,2% общей численности зарегистрированного населения (31 167 душ)⁷. Именно этих перебежчиков правительство весьма последовательно размещало на «порожных» землях, что и стало базой для достаточно стремительного «возрождения» Новгородской земли в XVII в.

Существенно также и то, что с начала 20-х гг. XVII в. источниками начинают фиксироваться независимые писцовые описания дворцовых волостей по всем новгородским пятинам, которые группируются в четкие смысловые ряды. Мы можем назвать несколько таких описаний.

Наиболее ранними описаниями собственно дворцовых земель XVII в., видимо, следует считать ряд дозоров 128 (1620) г. – Устьрецких волостей Бежецкой пятины письма и дозора Кураки Кучецкого с подьячим Иваном Кишмутиным⁸ и дворцовых земель Шелонской пятины Порховского у. Ивана Ивановича Чихачева и подьячего Казарина Башмакова⁹.

К этой же группе, видимо, следует отнести и дозоры дворцовых земель «на Ладожском пороге» Водской пятины Якима Ивановича Зайцева с подьячим Иваном Лазоревым¹⁰. Существенно, что в 131 (1623) г. губным старостой Михаилом Нееловым был проведен особый дозор, с целью выявления крестьян и бобылей, «пропущенных писцом Якимом Зайцевым»¹¹.

Следующим можно считать описания Федором Дмитриевичем Мавриным с подьячим Иваном Кононовым Осеченской дворцовой волости Бежецкой пятины, дворцовых посопных сел и рядков в Водской и Обонежской пятинах, дворцовых посопных сел в Деревской пятине 136–137 (1628–1629) гг.¹² В Шелонской пятине и Порховском у. в эти же годы Ф.Д. Маврин также раздавал дворцовые и порожные земли «луцким и невелиским помещикам»; земли, оставшиеся «за поместной раздачей», переписал¹³. Можно предположить, что переписи Маврина предшествовала раздача земель, осуществленная воеводой [Богданом Ивановым] Камыниным; во всяком случае, одна из книг Камынина в архиве сохранилась¹⁴. Работа Ф.Д. Маврина носила характер, общий для всей Новгородской земли.

В 153–155 (1645–1647) гг. работу Маврина фактически повторили Григорий Бешенцов с подьячим Деметрием Башмаковым. Ими были описаны все дворцовые земли во всех новгородских пятинах¹⁵.

Переселенческий «пик» 1656/57 г. фиксируется рядом работ в 1660–1663 гг. Это переписные книги неустановленного писца крестьян «зарубежных выходцев» Деревской пятины, «которым дано на льготу четвертные пашни из пустых земель» 168–169 (1660–1661) гг.; «новопорядных крестьян «зарубежных выходцев», поселенных в дворцовых селах и рядках Водской и Обонежской пятин переписи подьячих Михаила Колуженинова и Василия Никифорова 171 (1663) г. и писцовая книга порожных дворцовых деревень Шелонской пятины письма и дозора кн. Ивана Ивановича Кропоткина 171 (1663) г.¹⁶

Следующая работа проводилась в 1667–1669 гг. разными группами писцов. В 176 (1667) г. дворцовые села и рядки Шелонской пятины переписал Михаил Иванович Мещерский с подьячим Афанасием Балавенским; он же в следующем году описывал дворцовые земли Водской пятины. Перепись шелонских новопорядных крестьян продолжили Прокофий Тимофеевич Хмелевский и подьячий Яков Ко-

нонов¹⁷. В 177 (1668/69) г. дворцовые села и новопорядных крестьян «зарубежных выходцев» переписали Бежецкой и Деревской пятин подьячие Иван Козырев [Коренев] и Михаил Колуженинов¹⁸. И, наконец, подьячий Яков Кононов в декабре 1669 г. еще раз переписал новопорядных крестьян «зарубежных выходцев» и дворцовые земли Бежецкой пятины¹⁹.

В 1674–1676 гг. зафиксированы писцовые и межевые работы на дворцовых землях Водской, Деревской и Обонежской пятин письма Федора Васильевича Нащокина с подьячими Василием Берестовым и Михаилом Калужениновым²⁰. Возможно, описание Ф.В. Нащокина проводилось по землям всех пятин; во всяком случае авторы последней дворцовой переписи 197 (1689) г. специально отмечали в заголовках, что переписывали крестьян, «объявившихся "после письма Федора Нащокина"».

В это же время на территории Бежецкой пятины работал подьячий Василий Хмелевский [Хмелевиков] (зафиксированы две выписи из писцовых книг его работы)²¹.

Последняя общая перепись крестьян была проведена Иваном Татищевым, Федором Трусовым с подьячим Григорием Евтифеевым в Бежецкой, Водской и Обонежской пятинах и в Зарусской половине Шелонской пятины Клементием Дириным и Иваном Татищевым²².

Зная бюрократический характер Российского государства XVII в. исследователь вправе рассчитывать и на соответствующий источник, фиксирующий поселения этих крестьян, в некоторых случаях сопровождавшихся записями о выдаче денег «на селитьбу», на «домовое строение» и о льготах, предоставляемых всякому новому поселенцу (освобождение от тягла минимум на три года, безброшное пользование высокодоходными сельскохозяйственными угодьями на определенный срок и т.п.) Ввиду более чем значительного количества переселившихся крестьян, источник такого рода, без сомнения, должен подпадать под определение «массовый». Сложность заключается в том, что в поле зрения исследователей эти данные так и не попали.

В ходе сплошного описания писцовых и переписных книг Новгородской земли XVI–XVII вв. было установлено наличие ряда документов, подходящих под определение «даточные» или «селитьбенные» книги, хотя, следует сразу оговориться, что обнаруженные документы ни «даточными», ни «селитьбенными» книгами в общепринятом значении этого термина не являются. Из общего объема описаний нами было выделено 42 книги (наиболее ранним из обнаруженных документов, видимо, следует считать реестр статей, составленный в 1756 г. к несохранившейся книге земельным дачам помещикам и монастырям за период с 1629 по 1651 г. из дворцовых земель в Водской пятине:

наиболее поздним – записную книгу земельным дачам из дворцовых земель дворцовым крестьянам в Шелонской, Деревской и Бежецкой пятинах, розданным [по приказу боярина и воеводы кн. Бориса Ивановича Прозоровского] 204 (1696) – 1707 г.²³), имеющие устойчивый формуляр с типовой преамбулой, напр.: «По приказу боярина и воеводы кн. Ивана Борисовича Репнина и по выписке за пометой дьяка Никиты Арцыбашева дано из пуста...». Далее, как правило, следуют реестровые записи об общем количестве поселенцев по погостам и селам; фамилии крестьян не указываются. Все эти книги были составлены в Межевой канцелярии в 1756 г., что сообщается прямо в заголовке, напр.: «Выписи из разных книг Межевой канцелярии 1756 г.». В тексте книг имеются пометы типа: «В подлинной книге первого листа не иметца», «Четыре листа пропущены» и т.п.²⁴ Все это позволяет предположить, что указанные книги являются не более чем выписками из писцовых и переписных книг дворцовых земель, в которых учитывались общие объемы земельных дач. И хотя во всех описаниях начиная с «каталога Калачова» и кончая последней учетной описью В. Н. Шумилова они записаны именно как «селитьбенные» и «даточные», хотя их правильнее было бы называть «записными книгами земельных дач». Поскольку во всей первой описи ф. 1209, в котором хранится примерно 90% сохранившихся писцовых документов, не обнаружено ни одной «селитьбенной» или «даточной» книги с общепризнанным формуляром, можно предположить, что специальные учетные документы, регистрирующие прибывающих и расселяющихся на Новгородских дворцовых землях крестьян, просто не велись. Их роль выполняли регулярно проводившиеся переписи дворцовых земель, краткий перечень которых мы привели выше. Появление же заголовков типа «селитьбенные книги» и «даточные книги» может быть объяснено тем, что составлявшие эти реестры в 1756 г. сотрудники Межевой канцелярии толком не знали, какой заголовок к ним можно применить, и в результате воспользовались наиболее близким по смыслу. К сожалению, эту же ошибку повторило не одно поколение российских архивистов.

В данном случае мы возвращаемся к вопросу о самоназвании документов, соответствии этого самоназвания формуляру и проблемах, которые возникают при их несоответствии. Зачастую мы слишком некритично воспринимаем то, что видим в документе, забывая, что чиновники XVII в. работали без номенклатур и были не слишком образованны. Почему-то никому не придет в голову оставить в описательной статье дату «30 февраля», даже если в документе записано именно так, а вот номинал мы оставляем, да еще без кавычек и комментариев, даже если видим, что он явно не соответствует тому, что принято так называть (пример – «данные», которые давали сольвычегодские вое-

воды и писцы крестьянам, подтверждая их земельные владения²⁵). В результате человек, не видевший документа, видит в описи знакомое название и ориентируется на общепринятое значение номинала – далее череда самых разнообразных ошибок, которых можно избежать. Конечно, никто не говорит об игнорировании самоназвания – ведь это тоже элемент истории нашей дипломатики. Но вместе с тем надо очень осторожно описывать те номиналы, которые редко встречаются, обязательно указывать и комментировать расхождения в самоназвании и содержании документа, т. е. не вводить в заблуждение исследователей фразой «так в документе».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. напр.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Т. II. Л., 1974; Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989.

² Аграрная история Северо-Запада России XVII века... С. 9.

³ Там же. С. 10. Табл. 1. Сведений по Водской и Шелонской пятинам не сохранилось.

⁴ Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 81.

⁵ Там же: С. 94. Последний надежно зафиксированный нами случай земельных дав «зарубежным выходцам» по всем Новгородским пятинам относится к 197 (1689) г. – Бежецкая: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 3. К. 175. Л. 1–14; Водская: там же Оп. 1. Кн. 791. Л. 1–14; Деревская: там же. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 174. Л. 1–27; Обонежская (без Заонежья): там же. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 176. Л. 1–19; Шелонская: там же Кн. 790. Л. 1–61.

⁶ Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 190.

⁷ Там же. С. 203.

⁸ Там же. Кн. 977. Л. 1–151 в списке за скрепой дьяка Саввы Раманчукова В 139–140 (1631–1632) гг. были повторно описаны Иваном Андреевичем Загоскиным с подьячим Дружиной Скириным. Там же. Кн. 759. Л. 1–293.

⁹ Там же. Кн. 706. Л. 103–160 об. в копии XVIII в.

¹⁰ Там же. Кн. 749. Л. 1–31 в копиях XVIII в.

¹¹ Там же. Кн. 8555. Л. 10а–22 об. в подлиннике за скрепой губного старосты Михаила Неелова.

¹² Там же. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 159. Л. 38–88 об.; Кн. 739. Л. 63–101 об.; Кн. 157. Л. 1–50.

¹³ Там же. Кн. 8549. Л. 117–158 об. Книга сохранилась в списке XVII в. за скрепой дьяка Дениса Савлукова.

¹⁴ Обонежская пятина. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 156. Л. 1–53 в копии XVIII в.

¹⁵ Бежецкая: Там же. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 159. Л. 1–37 об.; Водская: Там же. Кн. 762. Л. 1–51; Деревская: Там же. Кн. 761. Л. 135 об. – 165 об.; Обонежская: Там же. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 153. Л. 21–29; Шелонская: Там же. Кн. 761. Л. 1–130, 166–180.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 163. Л. 1–10; Кн. 779. Л. 14–28; Кн. 8549. Л. 164–329.

¹⁷ Там же. Кн. 775. Л. 1–106; Кн. 771. Л. 1–13 с Дмитрием Оболяниновым и тем же подьячим; Кн. 777. Л. 1–136.

¹⁸ Там же. Кн. 986. Л. 1–186; Кн. 169. Л. 1–43 об.

¹⁹ Там же. Кн. 168. Л. 79–92 об.

²⁰ Там же. Кн. 169. Л. 60–79 об.

²¹ 187 (1678) г. октября 9 на пог. Никольский Заборовский Деревской пятины: Там же Оп. 1. Ч. 3. Кн. 169. Л. 60–79 об. и почему-то: не ранее 187 (1679) г. на пог. Богородицкий Сопинский Бежецкой пятины: Там же. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 167. Л. 334–337 об. Обе в копиях XVIII в.

²² Там же. Оп. 1. Ч. 3. К. 175. Л. 1–14; Кн. 791. Л. 1–14; Кн. 176. Л. 1–19; Кн. 790. Л. 1–61.

²³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 708. Л. 19–20; Кн. 792. Л. 1–149.

²⁴ Там же, напр.: Кн. 782. Л. 1, 3.

²⁵ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1554 г. Д. 1. Л. 7–8. Данная сольвычегодского воеводы Федора Федоровича Головачева жене крестьянина Афанасия Скорякова Марьице Аристовой на дворовое место на сольвычегодском посаде; Там же. Л. 65. Данная (отданная) сольвычегодского дозорщика Ивана Андреева Сабурова крестьянину Еремею Безсонову Охалкину на пожню в Никольском приходе по р. Воронихе на Виляди в Вилегодской вол. Сольвычегодского у. Отпись дозорщика в приеме оброчных денег с пожни.

А. Н. Гуслистова
(Вологодский государственный
педагогический университет)

ПИСЦОВЫЕ И ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТОРГОВЫХ ЛЮДЕЙ ВОЛОГДЫ В XVII в.

Писцовые и переписные книги являются одним из основных источников по истории торгового общества Вологды XVII в. Состав, численность, динамику городского и сельского торгового населения возможно рассматривать только в сравнительном анализе нескольких писцовых книг. Наше внимание сосредоточивается на двух ценных источниках по характеристике купеческого сословия XVII в., писцовой книге г. Вологды 1627/28 г. и переписной и мерной книге г. Вологды 1685/86 гг.

Сотная с писцовой книги Вологды 1627/28 г., опубликованная И. Н. Суворовым в 1904 г., достаточно подробно изучена в краеведческой литературе¹. Переписная и мерная книга г. Вологды 1685/86 гг. на сегодняшний день не опубликована. Историю ее создания подробно рассмотрела Н. П. Воскобойникова². Переписная книга Вологды 1685/86 г. составлялась в течение двух лет с целью уточнения налогообложения посадского населения. В частности, в наказной грамоте стольнику и вологодскому воеводе Борису Андреевичу Змееву дается предписание описать съезжие, судные и таможенные избы, кружечные дворы и амбары, лавки, полки и шалаша торговых людей, кузницы, харчевые избы, торговые оброчные места с указанием имен их владельцев и сумм, выплачиваемых ими в государственную казну денег.

Описание торговых мест города дает богатейший материал для анализа торгового общества Вологды последней четверти XVII в. Не-

смотря на обширный источниковый материал, данные писцовой книги 1685/86 г. использовались в научных исследованиях крайне редко, тогда как писцовые записи позволяют сделать как прямой, так и ретроспективный анализ именного и социального состава владельцев лавок.

Для более полной картины изменения торгового общества Вологды в XVII в. целесообразно сравнить данные 1685 г. с данными 1627 г. Исследования социального состава владельцев лавок по писцовому описанию 1627 г. были проведены А. Е. Мерцаловым³. За критерии классификации им была взята социальная структура общества середины XVII в. Владельцами лавок оказались: посадские люди; дворяне, дети боярские и «их крестьяне»; монастыри и «их крестьяне», духовенство; иногородцы; служилые люди по прибору (ямские охотники, каменщики, «разсылщики», кирпичники, воротники). В проведенном исследовании мы пришли к выводу о том, что, хотя иногородцы, служилые люди и духовенство и владели лавками, то есть получали доходы от купли-продажи, участие в непосредственной городской торговле не было их основной деятельностью. Также можно заметить, что лавки покупались и продавались (по данным 1627 г.) на протяжении одного поколения (исключение составляли лишь каменщики)⁴. Таким образом, основным источником формирования торгового общества первой четверти XVII в. в городе являлись посадские люди, торговые крестьяне (дворцовые, светских и духовных феодалов).

Для последней четверти XVII в. картина социального состава владельцев лавок существенно меняется. Мы практически не находим среди них служилых людей⁵, иногородцев и иностранцев. Подавляющее большинство лавок принадлежит посадскому населению. Дворцовые крестьяне и представители духовного сословия владеют гораздо меньшим числом торговых помещений (по сравнению с 1620-ми гг.).

Крупным духовным собственником является Владимирская церковь, получившая множество торговых помещений по духовной гостя Г. М. Фетиева в 1681 г.; Спасо-Прилуцкий монастырь, Софийский собор, церкви Кирилла Чудотворца, Святых жен Мироносиц, Леонтия Ростовского, Вознесения, Преображения Господня имеют одну-две лавки. Интересно заметить, что если в 1627 г. лавками владели конкретные лица духовного звания (например, «поп Иоанна Богослова Иван Степанов», «поп Власьевский Ананий Филипов»), то в 1685 г. практически вся собственность числится за духовными организациями.

Самой многочисленной группой владельцев торговых мест являются посадские люди и крестьяне. Людей, записанных в крестьянское сословие, но вкладывающих свои средства в торговлю, оказалось много. Если в 1627 г. зафиксированы как торгующие владельческие крестьяне (Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева, Спасо-Прилуцкого,

Угрешского, Николо-Озерского монастырей; архиепископа; стольников Г. И. и Б. И. Морозовых, боярина И. Н. Романова; дьяка Васильева) и черносошные (всего 121), то в 1685 мы встречаем только крестьян и бобылей дворцовых сел Фрязинова и Турунтаева (всего 24). Таким образом, прослеживается значительное уменьшение торгующих крестьян на протяжении XVII в. Это связано, в первую очередь, с неустойчивым характером крестьянской промысловой торговли и с тем, что ряд представителей крестьянства вынуждены были записаться в посад (по реформе середины XVII в.)⁶. Кроме того, крестьянское сословие очень часто оказывалось источником пополнения как привилегированного торгового сословия, так и посадских людей. Такое пополнение происходило и в результате борьбы посада за возвращение «старых обеленных» тягловцев, и в силу экономических причин⁷.

Значительным становится участие привилегированного купечества в городской торговле. Если в 1627 г. привилегированное положение некоторых посадских людей зафиксировано словами «лучший» и «средний» человек, то в 1685 г. лавками владеют гость Дмитрий Казаков, члены гостиной сотни Алексей (Алешка) Щелкунов, Михаил Белавинский, Сергей (Сергий) Оконишников, Василий (Васька) Оконишников, Дмитрий (Дмитрей) Акишев⁸. Последние четыре купца являются представителями третьего поколения привилегированного купечества Вологды. Таким образом, в середине и второй половине XVII в. в Вологде шло активное формирование сословия привилегированного купечества, и данные писцовой книги 1685 г. это подтверждают.

Основным торговым населением города согласно переписи 1685 г. были посадские люди (181 человек).

В Вологде последней четверти XVII в. сформировалось торговое общество, состоящее в основном из посадских людей и торговых крестьян (что характерно и для начала века), однако удельный вес этих сословий значительно увеличился за счет отсутствия среди владельцев лавок иностранцев, служилых людей, иногородцев⁹, дворян. Духовные организации владеют несколькими лавками, причем если для 1627 г. упоминаются 3 монастыря, 1 собор и 14 церквей, то в 1685 г. только 7. Значительное сокращение участия духовных собственников в городской торговле и то, что большая часть торговых помещений духовенства получена в результате духовной гонимости Г. М. Фетиева, свидетельствует об уменьшающемся влиянии духовенства в торговле Вологды.

По данным писцовой книги г. Вологды 1627/28 г. и писцовой и мерной книги г. Вологды 1685/86 гг. состав торговых людей в течение 58 лет претерпел значительные изменения, стабилизировался, появилась выраженная дифференциация в виде привилегированного купе-

чества. Практически для всех владельцев торговых точек именно торговля являлась основным источником дохода.

Помимо писцовых и переписных книг еще одним массовым источником для исследования состава торговых людей Вологды являются прихода-расходные книги Вологодской архиерейской кафедры и Спасо-Прилуцкого монастыря. Выявление и обработка комплекса – следующий этап нашей поисковой работы, нашего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

Источники истории г. Вологды. Вологда, 1904; Мерцалов А. Е. Сравнительный очерк землевладения одной крестьянской общины от составления писцовой книги (1628 г.) до настоящего времени (1628–1883 г.) // Вологодский сборник. Т. IV. Вологда 1885. С. 271–289; его же. Очерк истории г. Вологды по писцовой книге 1627 г. Историческое исследование. Вологда, 1885; перепеч. Вологодский сборник. Т. 5. Вологда, 1887. С. 5–51; там же на с. 32–74 – статья А. Е. Мерцалова «Обозрение Задносельской волости, составленное по писцовой книге 7136 г. (1628 г.)»; его же. Вологодская старина. Материалы по истории Северной России. СПб., 1889. С. 44–71; Ч е р к а с о в а М. С. Писцовые и переписные книги Вологды и Вологодского уезда XVII – начала XVIII в. (Некоторые итоги и задачи изучения) // Историческое краеведение и архивы: Материалы научно-практических конференций, Вологда, 16 марта 2000 г., 14 марта 2001 г. Вып. 8. Вологда, 2002.

² Воскобойникова Н. П. К истории писцового описания г. Вологды последней четверти XVII в. // Проблемы историографии и источниковедения отечественной истории. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1999. С. 63.

³ Мерцалов А. Е. Очерк г. Вологды по писцовой книге 1627 г. Вологда, 1885. С. 66.

⁴ Наибольший интерес для нас представляют семьи Собакиных, Синицыных и Фоминых. Представители этих семей владеют лавками во втором, а Собакины в третьем поколении. Такая преемственность позволяет утверждать, что торговля для них являлась стабильным источником дохода, а это дает основание эти семьи отнести к торговым людям города Вологды.

⁵ Исключение составляет «каменщица» вдова Иемилка Яковлева жена Собакина.

⁶ Российское законодательство X–XX. М., 1985. Т. 3. Соборное уложение 1649 Гл. XIX. Ст. 9.

⁷ В дальнейшем имена нескольких крестьян (по писцовой книге 1627 г.) встречаются в таможенной книге Вологды 1634/35 гг. без указания на сословия. Т.к. наряду с ними записаны и несколько крестьян, то можно сделать вывод, что ко времени фиксации торговых сделок на таможне они уже были посадскими людьми.

⁸ Окладные списки гостей, членов гостиной сотни // Г о л к о в а Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации второй половины XVI – первой четверти XVIII вв. М., 1998. Для привилегированного купечества, как правило, участие в городской торговле является не основным видом деятельности. По писцовой 1685 г. некоторые лавки Дмитрия Казакова и Дмитрия Акишева стоят «впусте». Однако причинами запустения может быть как занятость купцов более широкой торговой деятельностью, так и их разорение по какому-либо причинам.

⁹ Исключение составляет «москвитин Садовые слободы Ивашка Петров сын Манойлов».

А. И. Комиссаренко
*(Российская академия государственной
службы при Президенте РФ)*

**НИЖНЕВЫЧЕГОДСКИЙ РЕГИОН
В СИСТЕМЕ СКЛАДЫВАЮЩЕГОСЯ СЕВЕРНОГО РЫНКА
(по писцовым и таможенным книгам Яренского и
Сольвычегодского уездов XVII – начала XVIII в.)**

История Русского Поморья постоянно привлекала внимание историков XIX – XX в. А. Я. Ефименко в статье «Крестьянское землевладение на Крайнем Севере», вошедшей в изданный автором сборник «Исследования народной жизни», раскрыла особенности долевого формы землепользования, отличной от общинной и подворно-участковой¹. Выводы А. Я. Ефименко были приняты русской исторической наукой и в дальнейшем были углублены и дополнены другими исследователями. Так, М. М. Богословский в двухтомном труде «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке» выделил ряд специфических районов, в которых существовали особые условия в организации поземельных отношений и земских выборных органов. Наряду с двинскими волостями, Кеврольским и Мезенским уездами, Важской и Вятской «землями» им названы Яренский (Вымский) уезд и Вилегодская волость Сольвычегодского уезда². Переходу с середины XVIII в. под влиянием правительственной политики от долевого землепользования к общинному много внимания было уделено в монографии М. А. Островской «Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI – XVIII вв.»³. После 1917 г. Русское Поморье изучалось прежде всего в русле проблемы складывания рыночных связей в региональном и общероссийском масштабе, классовых и сословных отношений, имущественного и социального расслоения (труды К. В. Базилевича⁴, С. В. Бахрушина⁵, Н. В. Устюгова⁶, А. А. Введенского⁷, А. А. Савича⁸, А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова⁹, А. И. Копанева¹⁰, Е. Н. Швейковской¹¹, П. А. Колесникова¹², Л. В. Милова¹³ и других авторов). В этих исследованиях, базировавшихся, как правило, на впервые вводимом в науку архивном материале, история уездов, расположенных по нижнему течению Вычегды, – Яренского и Сольвычегодского – прослежена в контексте экономических, социальных и политических процессов, протекавших на Русском Севере в позднефеодальную эпоху и впитавших в себя ростки новых товарно-буржуазных явлений. Важные наблюдения о деятельности волостных торжков и состоянии пушного рынка сделаны И. С. Макаровым¹⁴, ученому удалось отметить место Вилегодской волости и, в частности, Ильинского рынка в торговых

операциях северных районов. К. А. Заболотская в дипломном исследовании (к сожалению, неопубликованном) «Вилегодская волость Сольвычегодского уезда в XVII веке» (Московский государственный историко-архивный институт. М., 1957) представила общее описание социально-экономического положения крестьянского населения волости от начала правления царя Михаила Федоровича до регентства Софьи Алексеевны¹⁵. Наконец, автором этих строк были подведены итоги изучения рынка Вычегодского края как части общероссийского рынка в XVII – XVIII вв.¹⁶ В настоящей статье сделана попытка проанализировать научно-информационный потенциал писцовых и таможенных книг как источника по истории Яренского и Сольвычегодского уездов в XVII в. Базой для этого послужили документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и частично введенные в научный обиход К. А. Заболотской, а также и опубликованные в трехтомном издании «Таможенные книги Московского государства XVII века» (М.; Л., 1950–1951) таможенные записи по изучаемому региону. Река Вычегда в период укрепления единого Русского государства в XVI – XVII вв. и роста товарно-рыночных связей приобрела важное значение судоходного пути в юго-восточной части Европейского Севера страны. По ее главным притокам – Северной Кельтме, Сысоле – слева и Вишере и Выми – справа, как и по ее руслу, располагались волости, тесно связанные с Яренском, Устюгом Великим, Усть-Сысольском, Сольвычегодском, Архангельском. Через сеть пристаней и волоков население вычегодских волостей установило тесные контакты с территориями Прикамья, Приуралья, Вятки, Подвинья, Посухонья, Верхней и Средней Волги. Районы нижней Вычегды были по преимуществу крестьянскими. По данным П. А. Колесникова, в начале XVII в. 95 % населения Яренского уезда составляло черносошное крестьянство, остальные 5 % – монастырские и церковные крестьяне. В Сольвычегодском уезде к 1625 г. 81 % жителей приходился на черносошных, 13 % – на монастырских и церковных и 6 % – на частновладельческих крестьян. К концу этого столетия наблюдалось увеличение доли крестьян в монастырских вотчинах. Яренский и Сольвычегодский уезды вместе с Кеврольским, Мезенским, Пустозерским входили в особую зону территорий Поморья, характеризовавшуюся довольно трудными условиями для земледелия и, наоборот, неплохими – для развития животноводства и промысловой деятельности. Эти обстоятельства обусловили интенсивно шедшие процессы сельскохозяйственного освоения края и внутренней миграции населения. Если в 20-е гг. XVII в. в Яренском уезде, как установили Н. П. Воскобойникова имелись 489 деревень, 82 починка и займища, 48 погостов, то в 70-е гг. этого же столетия – 582 деревни, 29 починков и займищ.

53 погоста. Наблюдался и рост дворности поселений. Так, в 1608 г. по Яренскому уезду было зафиксировано 32,8 % однодворных деревень, а через 70 лет, в 1678 г., их было только 18,9 %. В целом за XVI – XVII вв. отмечается четырехкратное возрастание количества дворов на одно поселение¹⁷. При этом увеличилась площадь введенных в хозяйственный оборот угодий. Размеры лашни паханой, составлявшие в Яренском уезде в первой четверти XVII в. 5 194,5 десятины, к началу XVIII столетия выросли более чем на треть, такой же рост отмечен и для сенокосов (в начале XVII в. – 4 251 десятина, в конце столетия – более 5,5 тысячи десятин)¹⁸. К середине XVII в. усилились экономические контакты населения Вычегодского края с центральными районами Поморья – с Вологодским и Устюжским уездами, с юго-восточными районами Европейского Севера – Вяткой и Приуральем. По наблюдению Ю. А. Тихонова, торговые люди из посадов и деревень Яренского и Сольвычегодского уездов на вологодском и устюжском рынках закупали продукцию местных посадских ремесел и крестьянских промыслов. В 70-е гг. XVII в. в этих коммерческих операциях было занято 675 участников, из которых 106 представляли Яренск с уездом и 75 – Сольвычегодск с уездом. Таким образом, только на торговцев из Вычегодского края приходилось более 1/4 участников рынка¹⁹. Действовавшая в течение всего года в Туглиме – погосте Яренского уезда – ярмарка являлась местом сбыта продуктов, производимых сельскими жителями ближайших деревень, займищ, починков. На этом торге преобладали продукты животноводства, закупавшиеся торговыми людьми из Великого Устюга, Вологды, Тотмы. В товарном ассортименте ведущая роль принадлежала маслу коровьему. Реже вывозились отсюда в Устюг Великий мясо и говяжье сало. Среди других животноводческих продуктов в источниках чаще всего встречаются овчины и сырые кожи. Наряду с этими товарами на Туглимской ярмарке много продавалось изделий крестьянской домашней промышленности – сукна сермяжные, холсты, холщевые рубахи, кафтаны и зипуны сермяжные, овчинные шубы, вязаные рукавицы, рыболовный инвентарь – сети, крючки и т.п. На устюжский и вологодский рынки Туглимская ярмарка поставляла также икру, рыбу, медвежье сало, «медведну». В 1643–1644 гг. вместе с мехами местного происхождения жители Яренского уезда продавали на устюжском торге соболиные меха, доставленные из Сибири. В 30–40-е гг. XVII в. в Великом Устюге торговали (как продавцы и покупатели) жители Яренска и Яренского уезда. Большая же часть яренских товаров составляла ассортимент местного рынка, представленного торгами в Туглиме и Сольвычегодске²⁰. С конца XVII в. устанавливаются прочные связи вычегодских территорий с Вяткой, где возник обширный хлебный рынок. В деревне Якунинской Ношульского прихода

Сольвычегодского уезда была устроена специальная таможенная изба для сбора пошлин «з барочного лесу, которые барки делают для торговых людей». Через Ношульскую пристань перевозились из вятских уездов, станом и волостей зерно и хлебопродукты. В конце XVII и в первой четверти XVIII вв. на Сольвычегодской таможене регистрировался провоз до 250 тысяч пудов хлеба. Как установил С.М. Троицкий в 1725 г. уезды Центрального и Восточного Поморья, в том числе Яренский и Сольвычегодский, в Архангелогородский порт поставили для вывоза «за море» – в страны Северной и Западной Европы – 75 тысяч пудов хлеба²¹. Таможенные книги Летской заставы (на реке Лекке), контролировавшей торговый путь Вятка – Ношуль – нижняя Вычегда – Северная Двина, систематически регистрировали среди участников торгового пути видных представителей хлыновского купечества – Антона Хохрякова, Илью Глухих, Якова Пушкарева, Василия Хохрякова, Григория Прозорова, Якова Машковцева и др.²² Особую роль играл в исследуемом регионе Сольвычегодский уезд. Сохранившиеся писцовые книги по уезду, составлявшиеся в XVII в. трижды – в 1625, 1645 и 1678–1682 гг., отражают сведения по вопросам землевладения и землепользования в черносошной деревне; миграции и социальному составу населения. Они тем самым позволяют вскрыть производственную и социально-экономическую основу торгового обмена и увидеть в рыночных связях единство производственных и товарно-денежных отношений²³.

Обращаясь к их анализу на примере Вилегодской волости, отметим, что она, как и другие волости, описывалась по погостам. Социальная дифференциация крестьян более тщательно выявляется при анализе переписных книг, дополняющих писцовые. Как определила К. А. Заболотская, Вилегодская волость подверглась такой переписи в 1647 и 1678–1679 гг. Поскольку в писцовые книги включалось только тяглое население, а в переписные – все его категории, «поэтому по истории социального состава... деревни это более полный источник, чем писцовые книги»²⁴. Вилегодская волость, расположенная в бассейне реки Виляди (левого притока Вычегды), как видно из писцовых книг, располагала почвами, не отличавшимися плодородием («средние» и «худые» земли). Большая лесистость и обилие болот затрудняли ведение земледельческого хозяйства, зато имелись богатые возможности для промысловых занятий, в частности пушного, – в лесах водились пушные звери, главным образом белки и куницы. Природные условия были благоприятны и для интенсивного развития животноводства – заливные луга по берегам рек были источником высококачественного сена. Как и другие районы Русского Севера, Вилегодская волость была заселена черносошными крестьянами, поселен

ными на «черной», то есть государственной земле. В середине XVII в. в волости числилось 920 человек, в конце 70-х – начале 80-х гг. XVII в. – 1174 человека. В волости были и вотчинные владения – Данилы и Григория Строгановых и Вологодского архиепископа, а также ряда монастырей и церквей (Введенского монастыря и Благовещенского собора)²⁵. Основной производственной ячейкой в волости являлась деревня, как правило малодворная (2-3 двора, реже 5-6 дворов), встречались и «одnodворки». К ней тянули пашни, сенокосы, пастбища, лесные, рыбные и охотничьи угодья. Долевое владение выглядело так: на каждый крестьянский двор «приходилась определенная доля (третья, четвертая, шестая) во всех угодьях деревни. Пашня и сенокосные угодья находились в индивидуальном пользовании, покотинной пользовались сообща всей деревней»²⁶. Животноводство держалось по преимуществу на разведении крупного рогатого скота – коров и быков, овцеводство и свиноводство, вероятно, было развито слабо. Такой вывод основывается на том факте, что на Ильинском рынке – главном торжке Вилегодской волости – почти не встречаются продажи овчин, бараньих или свиных туш. При этом около 30% сделок составляют записи о продаже живой скотины, в основном быков. Подобная специфика крестьянского хозяйства выявляется и соотношением пашенных и сенокосных угодий. По писцовым книгам видно, что в 1625 г. пашня составила 2370 десятин, а сенокосные угодья (вместе с «поскотинной») – 4474 десятину, то есть соответственно 34,6% и 65,4% от всей эксплуатируемой земли в волости. Данные за 1678 г. еще более свидетельствуют в пользу животноводства: под пашней находилось только 1472 десятины (23,2%), а под сенокосы и «поскотину» было отведено 4860 десятин (76,8%)²⁷. В хозяйственной деятельности вилегжан важное место занимала охота. Они поставляли пушной товар на местный Ильинский рынок и на рынок Сольвычегодска²⁸.

Ассортимент товаров Ильинского рынка отражал особенности хозяйственного быта всей Вилегодской волости. Поскольку в волостной экономике преобладало скотоводство, а зерновое производство находилось на втором месте, естественно, что Ильинский рынок был по преимуществу местом сбыта продуктов животноводства и охоты. Продажу быков, которые использовались для получения мясной продукции, говяжьего сала, а также кож (большей частью необработанных), отмечают таможенные книги за 1655, 1656, 1669 гг. Среди торговцев – вилегжане Максим Евсивьев, Иван Фелелиев, Василий Губкин и др.²⁹ Операции с пушницей отличались разнообразием – Ильинский рынок был местом продаж меха куницы, выдры, россомахи, лисицы, горностая и соболя (соболиные шкурки привозились из Сибири и отчасти с Сысолы). Как правило, мех россомах, выдр, куниц доставляли из волостей

Яренского уезда, лисиц – из районов Сысолы. Всего, по данным К.А. Заболотской, за 1634 – 1679 гг. на Ильинской таможне было зафиксировано 28 явок с пушниной, некоторые из них оказались крупными. Так, в 1649 г. вилегжанин Афанасий Филиппов сын Захаров зарегистрировал явку 342 соболей и 150 «пупков соболевых» и затем отправился с товаром на рынок Сольвычегодска³⁰. Продажи зерна и хлебопродуктов дают основание считать, что и зерновое производство постепенно приобретало товарный характер. Вилегжане продавали на Ильинском рынках, как правило, небольшие партии зернопродуктов, однако имелись и более крупные торговцы. Это обычно те из крестьян, которые использовали труд половников и тем самым могли вести расширенное производство. К таким торговцам относились Василий Анисимов (он использовал труд 12 половников). Любим Наумов сын Губкин и Иван Семенов сын Губкин, продавшие в 1678 г. 100 «мер» ржи. Скупкой и перепродажей сельскохозяйственных товаров на Ильинском и Сольвычегодском рынках активно занимались вилегодские крестьяне Иван Евстафьев сын Шевелев (Никольский приход), Фома Диев, Гаврила Васильев. Яков Лобанов, Максим Евсевьев и др. За десятилетие 1669 – 1679 гг. оборот скупщиков на Ильинском рынке вырос в два раза (с 27 до 57,5 руб.), а их доля в общем товарообороте поднялась с 16 до 33,2%. Зажиточные крестьяне, участвовавшие в коммерческих операциях, расширяли возможности местного рынка, втягивали в рыночные связи вилегжан и устанавливали торговые контакты с более крупными областными рынками Поморья³¹.

В XVII в. на нижней Вычегде, как и в других регионах Европейского Севера, весьма заметно протекал процесс социальной стратификации. В среде черносошных крестьян выделялись, как мы уже отмечали, скупщики – владельцы дворов с зависимыми от них половниками – крестьянами, потерявшими свои земли. В писцовых книгах выделялись четыре основания владения землей: «по старине» (передача земли по наследству), по купчей, меновой, закладной грамотам. К. А. Заболотская выявила тот факт, что по закладным грамотам-«кабалам» владели пашней или санными покосами посадские люди и состоятельные крестьяне. Так, в 1678 – 1682 гг. в деревне Заозерской Покровского прихода 40 копен сена числились по закладной кабале Якова Острцова за посадским человеком Дмитрием Ивановым сыном Бушуевым и 60 копен – за богатым крестьянином (жителем Вилегодской волости) Иваном Евстафьевым сыном Шевелевым³². Концентрация земли в руках зажиточных крестьян имела своим следствием обезземеливание значительной части крестьян, что непосредственно выражалось в росте доли половничества (с 8 % от всего населения волости в 1625 г. до 25% в 1678–1682 гг.). К концу XVII в. в волости еще 8% жителей яв-

лялись захребетниками и 2 % «бродящих меж двор», около 3% приходилось на бобылей – обедневших крестьян, неспособных «тянуть государево тягло» (размер его в зависимости от экономического состояния дворовладельца колебался в большинстве случаев от 2 алтын до 20 алтын и даже 1 рубля). Бобыли чаще всего жили в приходах – в основном на монастырской земле. Не входя в состав тяглового населения, они платили облегченный «бобыльский» оброк³³.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что анализируемые источники дают широкую картину трудовой деятельности крестьянского населения Яренского и Сольвычегодского уездов в XVII – начале XVIII в. Свободные от личной крепости черносошные крестьяне нижевычегодского региона Европейского Севера активно занимались земледелием, животноводством, ремеслами и промыслами. Они использовали волостной рынок в Ильинском погосте, Туглимскую ярмарку, а также рынки Великого Устюга, Яренска, Сольвычегодска и других центров Поморья для торговли сельскохозяйственной и промысловой продукцией. Данные писцовых, переписных и таможенных книг позволяют установить, как при развитии товарно-денежных отношений в условиях господства долевого землевладения и свободного оборота земель формировались имущественное неравенство и социальная дифференциация, выделялись разностатусные по экономическому положению группы среди сельского и городского населения, стимулируя тем самым на региональном уровне процесс первоначального накопления на территории Русского Поморья на рубеже средневековья и нового времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Т. 1. М., 1884.

² Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. 1. М., 1909; Т. II. М., 1912.

³ Островская М.А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI – XVIII вв. СПб., 1913.

⁴ Базилевич К.В. Торговля Великого Устюга в середине XVII в. // Ученые записки Института истории РАН ИОН. Т. IV. М., 1929. С. 71–78. Он же. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века // Известия АН СССР. Серия VII. Л., 1932. С. 783 – 811.

⁵ Бахрушин С.В. Торговые крестьяне в XVII в. // Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 118–133.

⁶ Устюгов Н.В. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. // Исторические записки. Т. 6. М., 1940. С. 167–194. Он же. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. Т. 34. М., 1950. С. 166–197.

⁷ Введенский А.А. Служащие и работные люди у Строгановых в XVI–XVII веках // Архив истории труда в России. Кн. 11–12. М.; Л., 1934. С. 54–71. Он же. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.

- ⁸ Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на Крайнем Севере древней Руси). Пермь, 1927.
- ⁹ Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в XVII веке. М., 1961.
- ¹⁰ Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.
- ¹¹ Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в. М., 1977.
- ¹² Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. (К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве). Вологда, 1976.
- Горская Н.А., Данилова Л.В., Каштанов С.М., Перхавко В.Б., Преображенский А.А., Семенова А.В., Швейковская Е.Н. Собственность в России: Средневековые и раннее новое время. М., 2001. С. 41–56.
- ¹³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1988.
- ¹⁴ Макаров И.С. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в середине XVII в. // Исторические записки. Т. 1. М., 1937. Он же. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в. // Исторические записки. Т. 14. М., 1944.
- ¹⁵ Заболотская К.А. Вилегодская волость Сольвычегодского уезда в XVII веке. Дипломная работа. МГИАИ. М., 1957. Рукопись. С. 1–72.
- ¹⁶ Комиссаренко А.И. Вычегодский край в системе формирующегося регионального и общероссийского рынка в XVI–XVIII вв. // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сб. статей к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 246–249.
- ¹⁷ Воскобойникова Н.П. К истории поселений Яренского уезда в конце XVI – начале XVII в. // Материалы по аграрной истории Европейского Севера СССР. Вып. 3. Вологда, 1970. С. 367–413; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в... С. 79, 97, 110.
- ¹⁸ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в... С. 150.
- ¹⁹ Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого. С. 241; 279.
- ²⁰ Там же. С. 270–278.
- ²¹ Троицкий С.М. Архангельский хлебный рынок в первой четверти XVII в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 9. М., 1957. С. 177–192.
- ²² Российский государственный архив древних актов. Ф. Хлыновской таможи. № 834. Оп. 1. Д. 234. Л. 3 об. – 36 об.
- ²³ Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 3–7.
- ²⁴ Заболотская К.А. Вилегодская волость Сольвычегодского уезда... С. 11.
- ²⁵ Введенский А.А. Дом Строгановых... С. 159. Заболотская К.А. Вилегодская волость Сольвычегодского уезда... С. 53.
- ²⁶ Заболотская К.А. Вилегодская волость Сольвычегодского уезда... С. 14–15.
- ²⁷ РГАДА. Ф. Писцовые и переписные книги. Писцовая книга. 1625 г. № 446. Писцовые и переписные книги. № 15 053. Переписная книга 1678 г. по Соли Вычегодской (Подсчеты К.А. Заболотской).
- ²⁸ Заболотская К.А. Рынок Ильинского погоста Вилегодской волости Сольвычегодского уезда в XVII в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 10. М., 1957. С. 343 – 345.
- ²⁹ Таможенные книги Московского государства в XVII в. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 355–358. Т. II. М.; Л., 1950. С. 409, 471.
- ³⁰ Там же. Т. II. С. 413, 452; Т. III. М.; Л., 1950. С. 492, 522.
- ³¹ Заболотская К.А. Вилегодская волость Сольвычегодского уезда... С. 22–23.
- Данилова Л. В. Сельская верхушка в средневековой Руси // Зажиточное крестьян

ство России в исторической ретроспективе, XVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы... М., 2000. С. 10–14.

³² Заболотская К.А. Вилегодская волость Сольвычегодского уезда... С. 24-25. См. также: РГАДА. Ф. Писцовые и переписные книги. № 502. Л. 210, 216, 217, 251, 253, 265, 275, 285.

³³ Заболотская К.А. Вилегодская волость Сольвычегодского уезда... С. 37-38.

А. М. Шабанова

(Одесский государственный университет)

ПОДСЕКА В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ КРЕСТЬЯН СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Земледельческие занятия населения края были сопряжены с серьезными трудностями, связанными с холодным климатом, плохими почвами, необъятными лесами. Ценой больших усилий отвоевывался у лесов каждый участок пашни. Тяглые наделы были очень малы, состояли из отдельных полос, разбросанных по различным местам. Так, в 1699 г. у Семена Петрова Давшеева из Лоянской волости озимая рожь была посеяна на четырех полосах мерой 2 четверика. Надел Артемия Матвеева из д. Чимкиницы в 1734 г. состоял из 8 полос ярового сева овса, жита, ржи, конопля общим объемом 17 четвериков¹. Освоенные крестьянами земли создавали островки пахотных угодий среди девственных лесов и болотных топей. Выращивали рожь, ячмень, овес, в малом количестве яровую пшеницу, из огородных – репу, капусту, хмель. Из технических культур – лен, коноплю. Небольшой тяглый надел не мог прокормить семью. К тому же писцовые описания свидетельствуют об уменьшении тяглых наделов крестьян Юга Обонежья в течение второй половины XVI – первой половины XVIII в., их величина достигла 1-2 четвериков в одном поле².

В условиях разрухи и запустения, а затем медленного восстановления хозяйства государство и феодалы вынуждены были мириться с сокращением крестьянами тяглой пашни. Надежным подспорьем земледельцу служили подсечные участки, разработка которых из-под леса издавна практиковались населением. «Пахочи», «поляны», «нивы», расчищенные в лесу, существовали вплоть до 30-х г. XX в. Местное население было уверено в пользе подсечного земледелия и считало, что только подсека обеспечивает семью необходимым количеством зерновых³. О практике подсечной системы земледелия в Новгородских землях XV–XVI вв. писали А. М. Гневушев, В. Н. Бернадский, И. А. Пе-

рельман, Г. Е. Кочин и др. Писцовые книги 1563 и 1582 гг. фиксируют в Обонежье «лес пашенный», «отхожие пожни» и пашни «меж мхов и болот». В писцовых описаниях начала XVII в. «лес пашенный» в Пиркинском погосте Присвирья разделен между деревнями.

Под «лесом пашенным» (в отличие от «леса пашенного») писцы, вероятно, подразумевали лес, пригодный для разработки под пашню⁴. Большое множество документов архивных фондов Александро-Свирского и Тихвинского монастырей содержат сведения о «лесовой» пашне у крестьян Обонежья в XVII – первой половине XVIII в. Корни этой земледельческой практики уходят в глубокую древность. В XVII и XVIII вв. работа на подсеке велась старинным способом. Сначала с деревьев снимали кору на высоту в рост человека и оставляли сохнуть. На следующий год деревья валили и сжигали, а по золе сеяли. Под пашню выбирали лес, который рос на сухих высоких местах, а под покосы – на сырых. В чем же причина сохранения крестьянами древней земледельческой традиции? Главное в том, что тяжелый труд компенсировался высокими урожаями, которые давала подсека в первые несколько лет ее эксплуатации. Во-вторых, урожаи с подсек не включались в крестьянское тягло, обремененное феодальными повинностями. В-третьих, в XVII–XVIII вв. феодалы и государство не препятствовали разработке «лесовых» участков, так как были заинтересованы в расширении площадей пашенных земель. Документы показывают, что часть подсек, пригодных для длительной эксплуатации, с течением времени включалась в трехпольный севооборот и пополнила массив постоянных пашен. Например, такие расчистки были у крестьян деревни Мекшевицы, принадлежавшей Александро-Свирскому монастырю. В мае 1693 г. власти монастыря осматривали и измеряли в деревне «захребетную» землю. Земля была «лесовой», «на бору», близ деревни. Монахи высоко оценили качество почвы, назвали ее «доброй». После тщательного обмера включили ее в массив постоянных пашен⁵. «Пятинная книга» середины XVIII в. Александро-Свирского монастыря фиксирует получение пятого снопа «с поля и с полянок» и отдельно выделяет «лесовые нивы», что говорит о том, что «полянки» когда-то были подсечными участками, а к середине XVIII в. стали «полевой» пашней. Взимание «с полянок» пятого снопа говорит о завершившемся процессе превращения названных полянок в постоянные поля⁶.

Достаточное количество материала из архивных фондов Александро-Свирского и Тихвинского монастырей позволяет конкретно представить процедуру превращения некогда «лесовой» земли в тяглую. Изменению статуса подсечных пашен предшествовала подача по требованию монастыря «сказок» об имеющихся у крестьян «лесовых»

участках. Затем следовал осмотр и обмер удобно расположенных и с хорошим качеством почв участков. И наконец, включение их в массив постоянных, тяжелых пашен. Разработку подсек, требовавшую большого труда, обычно проводили совместно несколько семей – «товарищей». В зависимости от величины вложенного труда по завершении работ каждая из участвующих сторон получала свою долю земли, если участок можно было разделить. Часто подсеку эксплуатировали совместно, а собранный урожай делили в соответствии с трудовыми усилиями. Столь же часто семьи договаривались о поочередном, погодном засеивании общего участка. Работа на подсеках силами нескольких семей часто сопровождалась ссорами, претензиями стороны, которая считала себя обделенной. В 1691 г. крестьяне Александро-Свирского монастыря Герасим Никифоров, Илья и Фотий Манойловы «секли суки» под пашню. Последующий раздел земли привел к столкновению сторон. Лишь вмешательство администрации монастыря уладило спор: каждая сторона получила половину. Но у Герасима Никифорова возник новый конфликт. Оказывается, он чистил лес еще с крестьянином Никитой. И здесь не обошлось без ссоры и последующего примирения: «Он, Ерасим, с ним, Микитою, договорилися в полянки, что сить два хлеба нынешнего 199 да двусотного году, а в трет та земля разделить против крежевых полос пополосно»⁷.

Некоторые крестьяне ограничивались посевами только на «запольных» участках, а тяглые забрасывали. Чаще всего так поступали скудные крестьяне, которые не могли выплачивать феодальных повинностей, или состоятельные, которые имели доходные внеземледельческие занятия. Скудные крестьяне, уходя на заработки, либо оставляли тяглый надел «в пусте», либо передавали его в пользование родственникам и односельчанам. Однако лесные участки, как правило, пахать продолжали. Таков крестьянин Антон Мартынов из деревни Мандроги, на которого в 1761 г. жаловались односельчане, потому что он «тяглую свою пашенную землю покидает и ... монастырские работы: навозную возку, сенокос и жнитву ничего не работает, а за него оную монастырскую работу ... отправляем, а лесовую пашню и полянки оной Мартынка повсягодно пашет»⁸. Антон Мартынов, не будучи в состоянии «жить на тягле», добывал средства к существованию работами по найму «по разным местам». Феодалы наказывали крестьян, забрасывавших тяглые участки. Крестьяне же использовали любую лазейку, чтобы избавиться от тяжелых феодальных платежей и работ.

О размерах подсечных земель и соотношении полевых и подсечных пашен в хозяйствах крестьян судить трудно, так как документы не дают обобщенных сведений. Однако отдельные примеры, а также сведения пятинных книг Александро-Свирского и Тихвинского мона-

стыреи позволяют произвести приблизительные подсчеты. Так, крестьянин Александро-Свирской вотчины Венедикт Яковлев много лет в первой половине XVIII в. расчищал лес силами своей семьи (у него было двое взрослых сыновей), а также с соседями. В чищеницах сеял рожь, овес, жито, репу. В 1736 г. по его «сказке» в поле и в лесу посеял ржи 20 четвериков. Из них 15 четвериков ржи были засеяны в подсеках⁹. Более точные сведения о размерах подсечных пашен и урожаев с них дают монастырские книги сбора «пятины» XVII – первой половины XVIII в. Вотчинные власти взимали с подсечных пашен крестьян 6-й или 7-й сноп. В вотчине Тихвинского монастыря во второй половине XVII в. на расчистках выращивалось около 1/3 всех хлебов. В присвирских вотчинах Александро-Свирского монастыря в первой половине XVIII в. крестьяне с подсек собирали хлеба столько же, сколько с полевых пашен, а зачастую и больше¹⁰. Когда расчистки истощались, их забрасывали или использовали под сенные покосы. Вновь расчищенный участок, не вполне готовый к засеву, также поначалу служил сенокосом. Были подсеки специально освоенные под сенокосные угодья. Подсечные земли вносили существенные коррективы в землепользование крестьян края. Веским подтверждением этому являются свидетельства самих крестьян, которые в 1756 г. писали, что «тою луковою землею кормится мало, и есть у нас чищено в разных местах на борах поляны и в болотах, кому где способно – тот в том месте и расчищал и роди копал, и в огороды поставлены»¹¹.

В заключение отметим, что на территории Северо-Запада России во второй половине XVII – первой половине XVIII в. бытовала комбинированная система земледелия. При ничтожно малых размерах тяжелых полевых наделов, которые не могли прокормить семью, крестьяне активно занимались расчисткой пашни из-под леса. Сбор зерновых с таких пашен был равен, а нередко значительно превосходил урожай с тяжелых земель. Сохранению на протяжении столетий в земледельческой практике населения подсечно-огневой системы обработки почвы, безусловно, способствовали специфические природные условия Северо-Запада России и высокая норма феодальной эксплуатации. Традиции подсеки в крае в этот период получили развитие и как начальный этап подготовки земли под постоянную пашню, способствуя тем самым освоению новых массивов сельскохозяйственных угодий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Санкт-Петербургского Института истории – филиала института Российской истории Академии наук (СПБИН РАН). Ф. 3. Оп. 1. К. 8. П. 35; К. 15. П. 16.

² Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л.: Наука, 1989. С. 131.

³ П р и к л о н с к и й С. А. Народная жизнь на Севере. М., 1884; Г о м и л е в с к и й С. С крайнего Севера Европейской России // Сельское хозяйство и лесоводство. (кн. 128. СПб., 1878.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 613; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976.

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. К. 9. П. 144, К. 7. П. 10, 12.

⁶ Там же. К. 24. П. 8.

⁷ Там же. К. 6. П. 140.

⁸ Там же. К. 27. П. 2.

⁹ Там же. К. 11. П. 2.

¹⁰ Ш а б а н о в а А.М. Землепользование в Обонежской пятине. Южное Обонежье. – Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 137-138.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. К. 24. П. 6

Н. В. Соколова
(Московский государственный университет)

**МИРСКИЕ ПРИХОДО-РАСХОДНЫЕ КНИГИ КАК МАССОВЫЙ
ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В XVII–XVIII вв.
(Проблемы происхождения, сохранности
и достоверности источника)***

Введение в широкий научный оборот мирских приходо-расходных книг и всесторонний их анализ частично могут восполнить очевидную недостаточность источников для изучения ряда проблем, связанных с крестьянским самоуправлением XVII–XVIII вв.¹ Наибольший интерес в этой связи представляют денежные приходо-расходные книги. В архивах выявлено более 90 денежных приходо-расходных книг², относящихся территориально к Центральной России: это Арзамасский, Волоцкий, Галичский, Дмитровский, Костромской, Московский, Нижегородский, Перемышльский, Переяславль-Залесский, Ростовский, Рузский, Суздальский, Юрьевский и другие уезды (всего 19). Речь идет о документах, возникших в период с 1635/36 г. до конца XVIII в. в вотчинах целого ряда светских землевладельцев и монастырей (Медведевой и Шаровкиной пустыней, Железнодорожского, Донского, Иосифо-Волоколамского, Нижегородского Печерского, Нижегородского Благовещенского, Солотчинского, Суздальского Покровского, Вологодского Спасо-Прилуцкого, Иосифо-Волоколамского и др.), а также в синодальных и дворцовых владениях.

Отметим, что все выявленные на сегодняшний день мирские приходо-расходные книги XVII в., относящиеся к Центральной России, возникли в монастырской деревне. Во владениях духовных феодалов имела устойчивая, длительная традиция ведения приходо-расход-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ. Проект № 02-01-00173а

ных книг, поэтому условия для формирования аналогичного мирского делопроизводства складываются достаточно рано.

По-видимому, различные учетные документы крестьянского мира, фиксирующие движение монастырского хлеба, сохранились за более раннее время не случайно. В отличие от денежных приходо-расходных записей они отражали хлебный бюджет самого вотчинника, что делало закономерным их поступление в архив монастырей и, как следствие, существенно лучшую сохранность. Однако, вероятно, сказалось и более раннее время их возникновения, поскольку на начальном этапе доля владельческого натурального (прежде всего хлебного) оброка и полевой барщины преобладала, а размеры денежной составляющей были незначительны. Натуральные государственные налоги также лишь на определенном этапе заменяются в большинстве владений сбором с крестьян денег для покупки необходимых продуктов в местах платежа, дабы избежать обременительной подводной повинности. Все это стимулировало появление записей о денежной составляющей мирских платежей, причем хлебные и денежные мирские документы прошли похожий путь – от «памятей», то есть записей «для себя», к весьма проработанной системе фиксации и учета хлебного или денежного бюджета в соответствующих книгах.

Если данная гипотеза верна и появление денежных приходо-расходных книг действительно коррелирует с процессом вовлечения крестьянских миров в развивающиеся товарно-денежные отношения, то превращение с 80-х гг. XVII в. данного вида источников в относительно массовый является закономерным. В этой связи представляется не случайным и то, что наиболее ранние из известных денежные приходо-расходные книги Центра России относятся к нижегородским монастырским вотчинам, то есть региону, менее затронутому Смутой, расположенному вдоль важнейшей транспортной артерии страны, экономика которого переживала в первой половине XVII в. бурный подъем³.

Большинство приходо-расходных книг сохранилось в виде подлинников или практически одновременных «беловых» копий. Значительная часть выявленных книг представляет собой тетради в формате 1⁰ или 4⁰ (чаще – по 8 листов). Мирская учетно-денежная документация часто переплетена в составе больших хозяйственных книг в твердый переплет, нередко – просто скреплена нитками и переплетов не имеет. Часть документов сохранилась в виде свитков или отдельных листов традиционного для XVII в. столбцового формата (как правило, речь идет о «памятях», подготовительных записях или черновиках). Книги XVII – первой четверти XVIII в. написаны в строку без какой-либо разметки. Однако затем общепринятой постепенно становится табличная

форма записи, когда страница разлиновывается, графа слева предполагает написание даты, справа – суммы (отдельно рублей и копеек), центральная имеет в заголовке, как правило, название месяца, но используется для записи основного текста.

Выявленная мирская приходо-расходная документация XVII–XVIII вв. демонстрирует весьма широкий диапазон владения навыками письма лиц, составлявших ее, – от явно неуверенного до писарского. Однако большинство выявленных книг XVII – начала XVIII в. написано более или менее беглой скорописью. Установить писавшего мирские приходо-расходные книги нередко удается методом сличения почерков. Выявлено немало случаев, когда почерк приходо-расходных книг встречается в крестьянских челобитных, сказках, росписях. Так, некоторые из приходных и расходных книг старост и целовальников Заборовской вотчины Железоборовского монастыря (Галичский уезд) сделаны монастырским дьячком Афонасием Трофимовым, писавшим также в 1694 г. крестьянские сказки (в некоторых из них есть помета об этом). В частности, речь идет о приходных книгах старосты Устина Сергеева (1691 г.), приходных и расходных книгах Ивана Данилова и Ивана Агапитова (1693 г.), Леонтия Пантелеева (1694 г.), целовальника Заборовской вотчины Якова Иванова (1693 г.). В приходных и расходных книгах старосты Федора Иванова (1691 г.) его почерк встречается наряду с другими, среди которых удалось идентифицировать также руку дьячка Ивана Савельева, нередко писавшего челобитные и сказки за крестьян Луговской вотчины (Костромской уезд) того же монастыря⁴.

В комплексе приходо-расходных книг мирских старост в дмитровских вотчинах Медведевой пустыни таким образом установлены два из четырех почерков. Не названный в книгах подьячий (почерк III) оказался монастырским «казенным» подьячим Михаилом Садыковым, рука которого хорошо известна, в частности, по крестьянским челобитным. Почерк IV совпадает с почерком «того ж монастыря дьячка Фетки Алексеева», также нередко писавшего крестьянские челобитные и сказки⁵.

Владельцы еще двух почерков названы по именам в самих книгах, когда в числе прочих мирских расходов указывается плата за написание приходо-расходных книг: «Ивану Максиму от книг приходу и расходу за писмо дано 16 алт. 4 д.»; «Дано дьячку за писмо от книг 6 алт. 4 д.»; «Подьячему от книг за писмо дано 16 алт. 4 д.»; «От книг от писма дано дьяку Семену Васильеву 20 алт.»⁶. Таким образом, почерк I принадлежит Ивану Максиму, как удалось выяснить, монастырскому слуге; однозначно может быть идентифицирован почерк дьячка Семена Васильева, в скрепе на обороте свитка из «росписей» десятичных в

деле 1702 г. он называет себя «крылоским дьячком» (почерк II)⁷. Однако такая информация уникальна, обычно в расходных книгах специальной статьи о плате за написание приходо-расходных книг не содержится. В частности, подобные записи отсутствуют в случае, если книги писались земским дьячком, поскольку оплата всей его деятельности суммировалась, хотя на практике могла производиться и по частям.

**ПОЧЕРКИ МИРСКИХ ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ ДМИТРОВСКОЙ ВОТЧИНЫ
МЕДВЕДЕВОЙ ПУСТЫНИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.**

Староста	Год	Почерк
Григорий Афанасьев сын Леонтьев (д. Дутышева)	1695/96	I
Иван Андреев сын Полтинка (д. Быкова)	1696/97	II
Семен Титов (д. Кузнечиха)	1697/98	I
Максим Матвеев (с. Чернеево)	1698/99	III
Лазарь Олферьев (д. Меленки)	1699/1700	II
Ларион Моисеев (д. Косилова)	1700/01	IV III
Герасим Федоров сын Морозов (д. Быкова)	1701/02	III
Федот Гарасимов (с. Раменье)	1702/03	II
Кузьма Федоров (д. Куменова)	1703/04	II
Лука Тихонов (д. Липина)	1704/05	IV

Иногда удается установить писавшего мирские приходо-расходные книги по другим источникам. Так, информация о том, кто писал мирские приходо-расходные книги старост Заборовской вотчины Шаровкина монастыря в 1695/96 – 1700/01 гг., обнаружена в документах вотчинной переписки в связи с конфликтом мира и бывшего старосты Ивана Афанасьева сына Климова. Последний, объясняя неполноту записей в своих приходо-расходных книгах, свидетельствовал: «Потому государь, что у нас писать некому, в которые числа зборы прилучити при прикащике при Иване Ермилове, те писаны, а которые зборы были после иво, те писать было некому»⁸.

Несколько почерков одновременно встречается в приходо-расходных книгах старосты Заборовской вотчины Железнодорожского монастыря Федора Иванова (1691 г.)⁹, причем они сменяются в одной последовательности как в приходной, так и в расходной части. Книги представляют собой черновики; вероятно, именно этим обстоятельством и обусловлено привлечение различных писцов. «Беловые» приходные и расходные денежные книги обычно выполнялись одним писцом, единственное обнаруженное исключение – книги старосты Лариона Моисеева (1700/01 г.) в вотчинах Медведевой пустыни.

Изучение совокупности выявленных приходо-расходных книг показывает, что не только в XVII, но и на протяжении большей части XVIII в. старосты, как правило, не писали приходо-расходных книг сами. По крайней мере, для «беловых» книг это бесспорно. Вопрос о предварительных записях и черновиках, по-видимому, может решаться различно. Текстологический анализ также свидетельствует, что чаще писал не сам староста. В ряде случаев можно высказать и предположение о механизме составления книг. Вероятно, общей практикой была запись со слов мирских выборных. Говорить о регулярной, подневной фиксации расходов, по-видимому, не приходится – нередко она производилась по мере возможности (если земский дьячок, приказчик, монастырский слуга живет не в одном селении со старостой).

Большинство приходо-расходных книг XVII – начала XVIII в. не скреплено старостой или кем-то за него (например, сельским священником), а также писавшим, как это достаточно широко практиковалось в XVIII в.¹⁰ На начальном этапе существования мирских приходо-расходных книг, когда они выполняли почти исключительно внутриобщинные функции, подписывать их, вероятно, не требовалось в силу именно этого обстоятельства. Для проверяющих деятельность мирского старосты в его присутствии книги являлись лишь подсобным материалом, на основании которого делались значимые для мира выводы. Они закреплялись в решении мира и в соответствующей документации (если имелась возможность для ведения таковой), в лучшем случае именно последняя имеет заверенную запись о произведенном счете. Скрепки по листам приходо-расходных книг чаще встречаются в том случае, когда проверка финансовой деятельности мирского выборного в силу тех или иных причин предполагалась не на месте, а, например, в монастыре, в главной вотчинной конторе и т.п.

Многолетней борьбой Железноборовского монастыря за самостоятельность, против приписки к Донскому монастырю, выливавшейся порой в открытый конфликт не только крестьян, но и казначея, конюшного старца, монахов, служек с официальным представителем московского монастыря в лице наместника¹¹, можно объяснить появление скрепы наместника Исаии по листам (в том числе пустым) в приходной книге старосты Устина Сергеева 1691 г.¹² В стремлении получить недоплаченные крестьянами деньги, надо думать, и была предпринята попытка усиления контроля за финансовой деятельностью мирского старосты. В пользу такого предположения говорит также то обстоятельство, что это единственная приходо-расходная книга из всех известных нам полностью или фрагментарно сохранившихся книг по галичским и костромским вотчинам Железноборовского монастыря за период 1686-1711 гг. (всего выявлено 13 книг, в том числе 7 по ин-

тересующей нас Заборовской вотчине), выполненная в тетрадной форме. Можно предположить, что такой же была и не сохранившаяся расходная книга, которая была взята у старосты наместником и по которой он был «считан» в том же 1691 г. Возможно, не случайно и то, что данная книга начата не в момент избрания крестьянина, а только с января¹³.

Требование «скреплять» приходо-расходные книги до начала записей содержится в ряде владельческих инструкций XVIII в., но даже они, как правило, не предусматривали собственноручной подписи самого старосты на книгах, ограничиваясь подачей заверенного счетного списка. Следствием общей бюрократизации делопроизводства в послепетровскую эпоху и возросшего контроля владельческой администрации за крестьянским миром стала практика посылки землевладельцами в вотчины «сшитых тетрадей» для мирской финансово-учетной документации.

Следующим закономерным шагом по усилению контроля землевладельца за финансами мира и, в частности, за соответствующей отчетностью должно было стать требование отказа от составления черновых записей, поскольку иначе шнурование и предварительное скрепление листов приходо-расходной книги было не очень эффективно. Такое предписание обнаруживается во владельческих инструкциях XVIII в., которые нередко содержат и требование делать записи в книги только при свидетелях, а также особо оговаривают, чтобы старосты и выборные «никаких сборов помимо приходо-расходных книг не делали». Пожалуй, в наиболее выраженной форме встречается оно в инструкции 1764 г. в ярославские вотчины Шереметевых: «В начале года учинить две книги белые в переплете, одну приходную, другую расходную, и закрепить оные по листам прикащику или выборному и отдав старостам, велеть в них записывать приход и расход в то же время, когда что примет или отдаст в расход, а особливых на лоскутках записок для вписывания после в книги отнюд не было, также и черных записок, кроме оных книг не было ж...»¹⁴.

Однако, с одной стороны, не все составители инструкций заходили столь далеко в своих попытках поставить общину под контроль владельческой администрации (что было связано среди прочего и с формой извлечения ренты), а с другой – фактическое положение дел в вотчине нередко существенно отличалось от идеальной картины, нарисованной в «пунктах». Анализ почерка, использованных орудий письма и чернил показывает, что и в это время книги, выдававшиеся за «беловые» (в том числе имевшие предварительные скрепы), фактически не могли создаваться в течение всего обозначенного в них срока, а были написаны практически одновременно, надо думать, на

основе каких-то предварительных записей, возможно, и не оформленных в виде приходо-расходных книг¹⁵.

Настойчивые требования того же П. Б. Шереметева не давать взятки чиновникам (п. 84 инструкции 1764 г.) или запреты выборным Донского монастыря занимать деньги для уплаты государственных и владельческих повинностей — в условиях, когда жизнь заставляла их делать и то и другое, — ставили старост и выборных перед дилеммой: либо создавать для этих целей «черную» мирскую кассу, неподконтрольную землевладельцу, либо игнорировать требования к ведению приходо-расходных книг. Компромиссом нередко становилось создание параллельно двух (а то и нескольких) книг, предназначенных для фиксации сборов (и, соответственно, расходов) на разные цели. Нередко и сами сборы поручались разным людям (староста мог быть лишь одним из них, а мог быть вообще освобожден от сбора денег), что и формально легализовало составление отдельных книг, например, по государственным, владельческим и собственно «мирским» сборам и расходам, а следовательно, выводило часть их из-под контроля землевладельца.

Важной является проблема фальсификации сведений в мирских книгах. Когда на подношение писцу вместо рубля вписывается сумма 5 рублей, это невольно вызывает сомнения, хотя исключить реальное увеличение размера «почести», конечно, нельзя. Или, например, приходо-расходные книги мирских старост 1702/03 — 1704/05 гг. перемышльской вотчины Шаровкиной пустыни, которые содержат не просто исправления и/или подчистки, а прямое редактирование текста. В большинстве случаев оно сводится к уточнению целей и механизма осуществления того или иного платежа, а также к удалению фрагментов, в которых говорится о мирских подношениях настоятелю монастыря. Последнее позволяет высказать гипотезу о внесении правки именно им. Поскольку она была произведена во всех трех книгах одновременно, напрашивается предположение о намечающейся проверке их властями Донского монастыря, к которому была приписана Шаровкина пустынь, чем и может быть объяснено стремление ее настоятеля засвидетельствовать собственное бескорыстие. Полное вычеркивание (а не правка) текстов о мирских «почестях» — на фоне повсеместного распространения подобной практики (сообщения об этом встречаются практически во всех мирских расходных книгах по монастырским владениям) — делает предположения о необоснованных «приписках» со стороны старост маловероятным.

Как представляется, не следует преувеличивать значение подобных казусов при решении вопроса о достоверности приходо-расходных книг. Выявленные (путем сопоставления с другими источниками, когда

такая возможность предоставляется) сознательные искажения текстов мирских приходо-расходных книг следует признать не влияющими принципиально на общую оценку их достоверности как исторического источника по истории крестьянского самоуправления. Прежде всего – в силу незначительности возникающей в результате деформации общей картины жизни крестьянской общины. Так как целью составлявших книги был учет денежных сумм, то вся сопутствующая информация, в том числе и интересующая нас в рамках исследования организации и функционирования мирского самоуправления, является в значительной степени случайной, что, с одной стороны, уменьшает вероятность обнаружения в данном источнике исчерпывающих данных об изучаемом предмете, а с другой – повышает уровень их достоверности, поскольку в большинстве случаев их незачем, да и затруднительно было фальсифицировать. Кроме того, часть приходо-расходных книг имеет следы контроля финансовой деятельности старост и целовальников («щету»), что свидетельствует в пользу достоверности фактического материала конкретного источника (в том числе цифровых данных).

Значительное расширение источниковой базы за счет мирских приходо-расходных книг из монастырских и не использованных светских архивов, как представляется, позволяет существенно расширить возможности исследователя¹⁶. В частности, более аргументированным становится ответ на вопрос о наличии динамики в самоорганизации и границах компетенции крестьянского мира; может быть проверен тезис В. А. Александрова о «традиционности мирского управления на протяжении рассматриваемого времени»¹⁷; более рельефно выявляются особенности функционирования общины в оброчной и барщинной деревне; расширяется представление об отражении в деятельности мирского самоуправления основных этапов развития системы государственного налогообложения.

Введение в научный оборот новых источников делает реальным сопоставление мирского самоуправления в церковно-монастырских вотчинах и светских владениях. Причем уже выявленные материалы заставляют принять в качестве рабочей гипотезы предположение о большем сходстве крестьянского самоуправления в монастырских вотчинах, чем это отмечалось В. А. Александровым для светских владений. Расширяются возможности для сравнения мирской организации в Центральной России и на Европейском Севере, а также в Сибири.

Новые источники позволяют более конкретно отвечать на вопросы, которые ранее могли рассматриваться для периода XVII – первой половины XVIII в. лишь в самом общем плане (применительно к Центральной России – в основном ретроспективно), например, о структуре

мирского самоуправления на различных этапах; о компетенции крестьянского схода и мирских выборных; об условиях, на которых работали старосты и целовальники (материальное вознаграждение, льготы и пр.); о периодичности выборов и обеспечении «преемственности» в управлении и передаче выработанных знаний и навыков последующему поколению; о сроках выборов; о роли личностного фактора; об отражении в деятельности мира демографической структуры деревень; об организации финансовой отчетности.

Анализ приходо-расходных книг позволяет судить о взаимоотношениях сельского общества и властей (светских и церковных); о том, чем на практике оборачивалось для крестьян, например, писцовое описание (на примере переписи 80-х гг. XVII в.); о реальных, а не декларированных в наказах или инструкциях, а также мирских выборных приговорах, взаимоотношениях представителей владельческой администрации (посельских старцев, монастырских слуг, приказчиков, управляющих) и крестьянского мира: о господствовавших формах владельческой ренты и способах ее извлечения, методах и способах управления и степени самостоятельности мира в решении тех или иных вопросов.

Источники дают представление не только о размерах крестьянских повинностей, но и о единице тяглового обложения, не только подтверждают их чрезвычайное многообразие, но в ряде случаев позволяют выяснить значение того или иного местного термина. Чрезвычайно важна информация о системе сбора, в частности, можно проследить, кто собирал деньги и доставлял из сел и деревень волостному старосте; как действовала система доборов в случае чрезвычайных обстоятельств; как взимались недоданные деньги; каковы были причины недополучения денег; каковы причины освобождения от тех или иных платежей; кому и на каких условиях мирской сход мог предоставить льготу; как была организована уплата за неплатежеспособных. Расходные тетради мирских старост позволяют выяснить соотношение различных статей расходов (возможно выделение основных; определение их тяжести в расчете на выть, двор, д.м.п.; насколько велики затраты на само функционирование мирской организации, их зависимость от расстояния от Москвы и других факторов).

Наиболее полно в источниках представлен материал, раскрывающий основные функции выборных представителей крестьянского мира, в том числе: участие в земельных переделах и поравнении тягла; найм от имени мира подвод, земельных и промысловых угодий, работников в монастырь, своих крестьян или посторонних подрядчиков для отвоза государственных платежей, свидетельство; организация написания и подачи челобитных; обеспечение общественного и бытового порядка;

регулирование внутрикрестьянских взаимоотношений и пр. Следует отметить, что в мирском финансово-учетном делопроизводстве отразились основные тенденции развития общины в рассматриваемое время, в частности, четко прослеживается постепенное усиление контроля со стороны землевладельца, рост влияния выборных представителей и снижение роли всего крестьянского схода и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общую характеристику мирских приходо-расходных книг как исторического источника см.: Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 193-196. О книгах, относящихся к Центральной России, см.: Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977. С. 237.

² Привлеченные материалы находятся в хранилищах Москвы (РГАДА, ЦГИАМ, ГИМ ОПИ, РГБ ОР), Санкт-Петербурга (РГИА, РНБ ОР), а также региональных архивах (Государственные архивы Владимирской, Нижегородской и Тверской областей).

³ Косвенным аргументом в пользу такого предположения может считаться и наличие приходо-расходных книг по черным волостям Европейского Севера, датируемых 50-70-ми гг. XVII в. (Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. С. 184-187.)

⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 398. Л. 74 об.-82; Оп. 2. Д. 127. Л. 1-86; Д. 128. Л. 6, 7, 16, 17, 18, 25-30, 38.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 446. Л. 5, 7-10; Д. 448. Л. 20, 21 и др. В этой связи примечательно, что индивидуальные челобитные разных лет бывших старост, например, дмитровской вотчины Медведевой пустыни написаны нередко теми же почерками, что и их приходо-расходные книги, то есть сложившиеся ранее личные контакты поддерживались и позднее.

⁶ Там же. Д. 447. Л. 16 об.; Д. 463. Л. 399, 454, 752.

⁷ Там же. Д. 451. Л. 17-55, 92-100. Стоит обратить внимание на суммы, уплаченные за эту работу. В большинстве случаев указана сумма 16 алт. 4 д., что эквивалентно на тот момент цене, например, ведра вина. Речь идет о плате за написание беловых приходо-расходных книг. За черновые книги было уплачено по 6 алт. 4 д.

⁸ Там же. Д. 481. Л. 62.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 127. Л. 1-31.

¹⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. 5. Д. 52-55; Ф. 1192. Оп. 3. (1735 г.) Д. 22 и др.

¹¹ См., напр.: Горская Н. А. Тенденции классовой борьбы крестьян в конце XVII в. (На материалах Железнодорожского монастыря) // Вопросы истории. 1981. № 9. С. 28-44.

¹² ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 398. Л. 74 об.-82.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 128. Л. 5. В приходную книгу вклеена сказка старосты о произведенных им сборах и расходах, в которой зафиксировано время нахождения им в должности – «с Николина дня осеннего».

¹⁴ Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708-1885). М. 1947. С. 278.

¹⁵ См., напр.: Соколова Н. В. Община и мирское самоуправление в нижегородской монастырской деревне (30-е гг. XVIII в.) // XII Чтения памяти профессора С. И. Архангельского / Материалы международной конференции. Ч. II. Нижний Новгород. 2001. С. 168-179.

¹⁶ Некоторые результаты изучения мирских книг монастырской деревни Центральной России нашли отражение в опубликованных автором статьях: Соколова Н. В.

Приходо-расходные книги мирских старост как источник по истории воеводского управления в Центральной России в конце XVII – начале XVIII в. // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV – XVIII веков. История, историография, источники и методы исторического исследования / Материалы научной конференции Тверь, 1999. С. 221–225; С о к о л о в а Н. В. Крестьянская документация как источник для изучения взаимоотношений города и сельской округи в Центральной России XVII–XVIII вв. // Исторический город в контексте современности: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. 1. Нижний Новгород, 1999. С. 100–101; С о к о л о в а Н. В. Война и мир: община в монастырской деревне Центральной России в годы Северной войны // Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности. Россия и Европа XVIII–XX вв.: Материалы Российской научной конференции. Нижний Новгород, 2000. С. 70–83; С о к о л о в а Н. В. Мирское самоуправление в костромской и галичской монастырской деревне (XVII – первая четверть XVIII в.) // Провинция как социокультурный феномен / Сборник научных трудов участников VIII Международной конференции. Кострома, 2000. Т. 4. Ч. 2. С. 14–23; С о к о л о в а Н. В. Имущественное расслоение и мирское самоуправление в Центральной России в XVII – первой четверти XVIII в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 86–100.

¹⁷ А л е к с а н д р о в В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 176.

Н. В. Алексеева
(Череповецкий государственный университет)

КОМПЛЕКС ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОКАЯННОЙ ПРАКТИКИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН XVIII–XIX вв.

Поскольку в центре статьи находится историко-этнографическое исследование одной из сфер религиозности, то автору представляется неизбежным и полезным специальное обращение к источникам и основам православного вероучения, главным образом к тем, которые объясняют духовный смысл и генезис покаянной практики.

Данный комплекс источников можно разделить на несколько групп.
1. *Священное Писание (Библия).*

Особое место в исследовании темы занимает обращение к текстам Священного Писания, содержащего основы христианского (православного) учения о спасении, сердцевиной которого является покаяние.

При рассмотрении существа покаяния в Ветхом Завете остановимся на двух моментах. Первый заключается в том, что покаяние соединяется, главным образом, с ожиданием возвращения земных благ, утраченных вследствие греховных поступков, и в меньшей мере соединяется с посмертием. Значение покаяния для состояния души после смерти еще не было открыто человеку.

Второй момент состоит в том, что воздаяние за преступление отдельного человека в Ветхом Завете относилось к целой общности людей. Этот принцип исходил из того, что Бог избрал Израиль и заключил с ним Завет именно как с избранным и святым народом, а не как с отдельными личностями.

В Новом Завете участие Сына Божьего в судьбе согрешившего и падшего человека, явленное через тайну Его Воплощения, спасительной смерти и Воскресения, дополнило представление о покаянии. Наградой за праведную жизнь, за искреннее покаяние является обретение Царства Божия. Ответственность за содеянное приобретает еще и личностный характер. Что касается временных земных нужд, то истинный христианин должен полностью довериться воле Божьей.

Главные положения христианской нравственности изложены в 5–7 главах евангелия от Матфея, где Иисус Христос в Нагорной проповеди провозгласил девять заповедей блаженства. Именно эти главы можно считать фундаментом церковной исповеди и покаяния вне таинства – здесь Иисус разъяснил те основы взаимоотношений между людьми, на которых держится христианское понимание добра и зла¹.

Особое значение имеет повествование о Страшном Суде (откровение Иоанна Богослова), на котором оправдание человека перед Богом будет зависеть от количества богоугодных дел и искренности принесенного покаяния в своих грехах, и те места из посланий святого апостола Павла, где указывается на несовместимость греха с нравственным достоинством человека и его христианским образом жизни.

2. Священное предание.

Кроме Священного Писания другим видом сохранения и распространения Божественного откровения и православного богослужения является священное предание. Это предание главным образом содержится в «книге правил» св. апостолов, в решениях вселенских и поместных соборов, в церковном уставе и других богослужебных книгах.

Надо особо отметить, что ниже приводятся только те богослужебные книги, которые имеют сведения, непосредственно относящиеся к теме исследования.

а) *Номоканон (Кормчая)* был образован постепенно – из списков соборных деяний и правил, служивших руководством для верующих, которые рассылались апостолами и их преемниками по церквям. Затем к ним постепенно присоединились правила св. отцов, выработанные на вселенских соборах.

Многие из правил св. отцов и решений вселенских соборов непосредственно касались таинства исповеди и его проявлений в миру как

одного из основополагающих моментов христианской веры: «Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец»² дает нам возможность проанализировать основные положения в этом вопросе.

б) *Церковный устав (Типикон)*. В нем изложен порядок чтений псалтири, евангелия, книг Священного Писания, правила христианского благочиния в частности, и чин православного богослужения в целом. Устав имеется в каждом храме и служит главным истолкованием общественного богослужения, Св. Писания и св. предания.

Нынешний Типикон был переиздан в 1954 г. издательством Московского Патриархата по редакции 1695 г., которая была осуществлена при Московском патриархе Адриане³. По содержанию церковного устава можно проследить те моменты, при которых богослужение носит покаянный характер.

в) *Псалтирь*. Следующим по значимости при богослужении, после евангелия и апостольских книг, является использование псалтири царя и пророка Давида. По мнению Церкви, псалтирь «особенно руководствует верующих к молитве и прославлению Бога, что составляет главнейший предмет богослужения»⁴. В большинстве псалмов ярко присутствует элемент покаяния, что сильно воздействует на духовное состояние слушающих их прихожан. В изучаемый период многие семьи имели псалтирь дома⁵.

г) *Требник*⁶ содержит «чин исправления христианских треб, с рождения до смерти христианина»⁷. Для нас важно то, что по содержанию требника можно определить канонические покаянные установления в важнейшие моменты жизни православного верующего.

д) *Святоотеческая литература* содержит размышления по основным положениям христианства, пояснения сущности христианских таинств и т.д. Особое значение для исследования темы имеют работы Иоанна Златоуста († 438), аввы Дорофея († 620), Иоанна Лествичника († 649), Игнатия Брянчанинова († 1867), Феофана Затворника († 1894), Иоанна Кронштадского († 1908), в которых подробно разбираются вопросы нравственного богословия непосредственно имеющие отношение к нашей теме — греха, покаяния, воздаяния, спасения и др. Особый интерес представляют наставления и поучения святых отцов своим духовным детям, где предлагаются советы по преодолению соблазнов и помощь в практике покаяния.

В каждом произведении содержится уникальный опыт восхождения автора к духовному совершенству. Обращение к этой литературе вызвано было еще и возможностью увидеть узловые моменты в развитии монастырской покаянной практики, которая стала основой мирского покаяния в русской православной традиции⁸.

3. Произведения житийной литературы.

В многотомных «Житиях святых», изложенных по руководству Четых–Миней св. Дм. Ростовского⁹, «Житиях святых...» архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского)¹⁰ и сборнике, вышедшем в начале XX в. и переизданном в наши дни «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18–19 веков»¹¹ содержатся обстоятельные сведения о том, как развивалась личная покаянная практика, по которой можно судить, какими путями она проникала и укоренялась среди мирского населения. Мирской человек здесь мог найти совет для решения различных житейских затруднений, потому что у старцев–подвижников на каждый исключительный жизненный случай всегда имелись примеры из жизни святых людей.

К этому типу источника можно отнести прологи, или синаксари¹². Прологи – древнейшие житийные сборники, ведущие свое происхождение от византийских месяцесловов, или синаксарей. Жития святых, включенных в прологи, расположены здесь в соответствии с днями их церковной памяти. Пролог был переведен в Киевской Руси как необходимое пособие при богослужении и уже в те времена, будучи дополнен множеством «Слов» и поучений, превратился в своеобразную православную энциклопедию. В Древней Руси пролог пользовался широкой популярностью и стал одной из любимых книг для чтения. Сохранилось около трех тысяч только рукописных экземпляров¹³. Из множества житийной литературы использовались также и патерики (по-русски – «отечник») – сборники повествований о жизни и деяниях св. отцов, включающие, как правило, их слова и поучения. Среди многочисленных русских патериков отметим наиболее значимые для темы исследования: Полный Валаамский, Киево–Печерский, Московский, Соловецкий, Троицкий¹⁴.

4. *Летописи*. О значении отечественных летописей в религиозной жизни русского народа говорит тот факт, что летописи порой использовались наряду с Библией во время церковной службы. А прологи, включавшие в себя летописные сведения, являлись к тому же и богослужебными книгами¹⁵.

Кроме того, такие летописи, как, например, Устюжский летописец Льва Вологодина (1765 г.), Вологодская летопись (конец XVII – начало XVIII вв.) и Летописец Ивана Слободского (1716 г.)¹⁶, доносят до нас сведения о местных святых, об их отношениях с мирянами и чудесах, о построении церквей и учреждении ежегодных крестных ходов по обету, о крупных пожертвованиях и других проявлениях покаяния вне таинства исповеди.

5. *Домострой*, первая глава которого так и называется «О духовном строении». Вторая редакция Домостроя, так называемая Коншин-

ская или Сильвестровская, заключается посланием знаменитого благовещенского попа Сильвестра своему сыну Анфиму и может рассматриваться как отдельное произведение, трактующее те же вопросы, что и основной текст и как некоторое обобщение основного текста. Сильвестр в «Послании к сыну» развивает идеи «духовной» части Домостроя. К «духовному строению» относятся главы «Как христианам веровать в Святую Троицу и Пречистую Богородицу и Кресту Христову... и поклоняться им» (гл.1 и 2 в разных списках), «Как тайнам Божиим причащаться и веровать в Воскресение мертвых... и как касаться всякой святыни» (гл.3); «Как чтить отцов своих духовных», «Как почитать священников и монахов», «Как врачеваться от всяких скорбей и болезней», «Как всякого посещать в страдании в монастырях, в болезнях и темницах», «Как мужу с женой в доме молиться»¹⁷.

Перечисленный выше комплекс источников дает нам возможность выявить догматические и канонические основы, а также историческую эволюцию практики покаяния с древнейших времен, выделение видов покаяния и их дифференциацию.

6. *Нормативно-законодательные акты государственного и церковного происхождения.* Сюда входят документы, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи»¹⁸ и «Полном собрании постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи»¹⁹.

В них нами выявлено 138 нормативных актов XVIII–XIX вв., имеющих прямое или косвенное отношение к регулированию церковного покаяния и его проявлений вне таинства исповеди: «Духовный регламент»²⁰, Прибавления к «Духовному регламенту»²¹, манифесты, указы Сената и Синода и иные публично-правовые акты.

Здесь зафиксированы мероприятия Синода и высшей светской власти по регулированию посещаемости таинств исповеди и причастия, наложению штрафов и введению приходских исповедных книг, а также условиям принятия пожертвований и подачи подаяний, порядке захоронения умерших и др.

7. *Архивные источники.*

Исследовательский интерес распространяется на документы по Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Вятской, а также Новгородской и Ярославской губерниям. Изучение источников в государственных архивах Вологодской и Архангельской областей ограничивалось XVIII–XIX вв., а в архиве Русского этнографического музея – XIX в.

Для детального изучения обстоятельств, сопровождающих таинство исповеди, а также для исследования покаяния вне таинства, были задействованы фонды церковных административных органов, в которые стекались сведения за каждый год о количестве исповедавшихся.

родившихся, венчавшихся и умерших. Именно здесь предпринимались меры по исправлению провинившихся, налагались епитимьи и совершался контроль за их исполнением. Обращено особое внимание на фонды крупнейших храмов и монастырей, так как эти духовные центры служили местом массового притяжения населения. При церквях и монастырях хранились летописи, миссионерские дневники, оведения о местночтимых иконах и святых и т.д.²²

Эти материалы можно разделить на несколько больших групп

а) *нормативно-распорядительная документация местных церковных органов*. К ней относятся прежде всего распорядительные документы епархиальных архиереев, духовных консисторий и духовных правлений: приказы, инструкции, промемории. Значительная их часть дублировала содержание императорских и сенатских указов, а также синодальных распоряжений. Однако для нас в первую очередь интересны те распоряжения, которые отражали самостоятельные решения и реакцию местных церковных органов в ответ на разнообразные запросы крестьянской покаянной практики (вынесение решений по наложению епитимий, разрешение на захоронение тел умерших при невыясненных обстоятельствах и др.)

К этой же группе относятся и документы докладного характера: рапорты, донесения, представления, записки и т.д. Как правило они исходили от поповских старост, заказчиков (XVIII в.), благочинных (XIX в.). Эти документы позволяют увидеть механизмы реализации государственной церковной политики в отношении покаяния, а также уловить отдельные примеры отношения к ней прихожан.

В составе «Дел о наложении епитимий» находились промемории из местного магистрата в консисторию, допросный лист, составленный в консистории, с вынесением приговора о наказании для исполнения местными органами, доношения с места о его исполнении. В некоторых случаях епитимья могла быть сокращена, прервана на какое-то время, либо перенесена для исполнения в другое место. В подобных случаях к делу добавлялось прошение от «епитимейщика» с изложением причин для изменений в исполнении наказания, удостоверенное духовником, призванным следить за исполнением наказания провинившегося.

Большинство случаев, в которых консистория принимала решение о наложении епитимий, касалось неявки на исповедь более трех лет (они часто назывались «Дела о вызове на допрос небывших на исповеди»), любодеяние и прелюбодеяние и уголовные дела, присылаемые из светских судов. Эти дела позволяют разобраться в методах воздействия на «ослушников» со стороны государства и Церкви.

Картину скоропостижной смерти без покаяния помогают восстановить «Дела о погребении мертвых тел». Они дают возможность узнать конкретные условия, при которых умершего разрешалось хоронить по православному обычаю или же предписывалось это делать за пределами церковного кладбища. В «Дела...» входили прошения в консисторию от родственников или близких о разрешении похоронить тело по всем церковным правилам. В них разъяснялись все обстоятельства смерти и сообщалось, когда в последний раз умерший был на исповеди и у св. причастия. В делах присутствуют резолюции из консистории, содержащие распоряжение о расследовании обстоятельств смерти на месте, с последующим указанием, где и как хоронить²³.

б) *Делопроизводственно-учетная документация прихода*. Она представлена комплексом исповедных, алтарных и метрических книг. Комплексное изучение этих документов дает возможность представить практику таинства исповеди и причастия прихожан, контроль за их выполнением со стороны приходов, а также то влияние, которое производило само таинство на духовное состояние верующих и их отношение к его исполнению.

Весьма содержательным источником для изучения динамики посещения исповеди прихожанами разных сословий, причин их неявки, количества допущенных к святому причастию от общего числа исповедавшихся являются исповедные книги. Этот источник уже неоднократно был в поле внимания исследователей. Одной частью ученых он рассматривался как источник по демографии, и именно в этом аспекте ему давалась источниковедческая характеристика²⁴. Другая часть видела в нем источник по изучению покаянной дисциплины²⁵.

Форма внутриприходских именных книг исповедавшихся – духовные росписи или исповедные книги – была введена в 1718 г.²⁶ Священники обязывались вести учет «небытейщиков», вводилась система денежных штрафов за «небытие на духу» и за сокрытие священниками нарушителей. Первоначально запись велась подворно и деление прихожан существовало только по полу, что составляло первую графу в исповедных росписях. В книгу записывались имена всех членов семьи, включая детей до семи лет, которые не исповедовались, но причащались. Кроме этой графы было еще четыре обязательных: «исповедавшихся и причастившихся», «исповедавшихся, а не причастившихся», «неисповедавшихся за малолетством» и «итого». Пятая графа – «неисповедавшихся» – вводилась по мере надобности. Неисповедование за малолетством – это была единственная причина неявки на исповедь, которая предопределялась самими исповедными книгами.

Как известно, они составлялись в церквях по каждому отдельному приходу, как правило, в марте – апреле каждого года (в течение Вели-

кого поста) в двух экземплярах. Один оставался для хранения в церкви, а другой отсылался в консисторию. На основании данных этих росписей составлялись итоги посещаемости исповеди по епархии, которые, в свою очередь, отсылались в Синод, где подводились итоги по всем епархиям России.

С 1737 г. в духовных росписях появилась новая графа – о сословиях. Население записывалось по семи сословиям – духовные, военные, приказные, разночинцы, посадские, дворовые и поселяне. В это же время вводится деление на возрастные группы – до 7 лет; от 7 до 15 лет; от 15 до 40 лет; от 40 до 50 лет и старше. Однако итоговые данные с делением прихожан на эти пять возрастных групп в исповедных ведомостях Вологодской епархии имеются лишь в ведомостях 1737 г.

В последующее время форма исповедных ведомостей не изменялась. В конце ведомости список прихожан делился лишь по полу и сословиям, указанным в данной ведомости²⁷

Однако исследователи справедливо отмечают, что исповедные книги не позволяют представить исповедную практику за пределами Великого поста, а также могут содержать частично неверную информацию. В таком случае восполнить пробел помогают алтарные книги. Главное их отличие от исповедных книг заключается в том, что они предназначались для внутреннего пользования, хотя их ежемесячное заполнение также контролировалось консисторией. Запись в них велась на протяжении всего года по мере прихода верующих на исповедь, а потом уже эти сведения переносились в исповедные росписи в соответствии с требованиями их заполнения – по сословиям, по возрасту и полу. Алтарные книги – это своеобразный годичный календарь–график исповеди. Их данные позволяют судить о том, при каких обстоятельствах, в каком количестве и кто именно прибегал к покаянию в течение всего года.

Алтарные книги содержали помесечную запись всех прибывших на исповедь. Рядом с именем исповедующегося должны были быть записаны следующие данные: какой округи крестьяне, к какой категории принадлежали (черносошные, экономические, дворцовые или помещицы), «как именем, отчеством и прозванием, а особливо, о женском поле – чья именно жена или дочь...»²⁸

Отмечались день и месяц приобщения к Святым Тайнам или ставилась отметка о недопущении к ним. Обязательно записывались имена лиц, свидетельствовавших о приходе на исповедь, и имя священника.

Под ежемесячными записями ставились подписи всего клира. За их отсутствие накладывался штраф на членов клира²⁹.

Тех, кто исповедовался несколько раз, регистрировали особо и обязательно отмечали, «в который раз». Так, алтарные книги позволяют хотя бы относительно выявить количество особо благочестивых прихожан в приходе.

Отдельно заносились сведения о прихожанах «из посторонних», которым выдавалось письмо, удостоверяющее «бытие у исповеди и святого причастия», для передачи «своему» священнику. Подобные письма вшивались в конце алтарной книги.

При всех достоинствах алтарных книг, они не позволяют проследить те случаи, при которых человек по каким-либо причинам не сумел исповедаться перед смертью. Этот недостаток информации компенсируют метрические книги, также хорошо известные главным образом в исторической демографии. Нам же они интересны в связи с содержанием раздела «умершие». Там фиксировались все особые случаи скорпостижной смерти: самоубийство, убийство, несчастный случай, быстрая смерть от болезни. Данные метрических книг позволяют определить причину смерти и выяснить, предшествовала ли ей исповедь.

в) *Церковные летописи, миссионерские дневники и исторические справки* о церквях, наиболее распространенных иконах и святых подвижниках. В этих документах содержится подробное описание различных событий из жизни прихода и отдельных прихожан, миссионерская деятельность местных священников с комментариями самих священников, данные о религиозных знаниях крестьян. История храмоименования и почитания икон, специфика обращений к местным чудотворным святыням раскрывают историю края и процесс формирования покаянной практики на данной территории.

г) В отдельную группу можно вынести *духовные завещания*. В историко-этнографической литературе их источниковедческая характеристика для периода XIX в. дана И. А. Кремлевой³⁰. Для нас важно, что одной из целей духовных завещаний было обеспечение поминовения души завещающего после его смерти или, иными словами, они сохраняли свидетельства об одной из форм покаяния.

Письменные «духовные» чаще всего практиковались в среде дворянства, купечества. В них сообщалась сумма пожертвования Церкви и условия ее хранения и использования. Естественно, существовали различия в размерах пожертвований и условиях их использования.

В крестьянской среде письменные завещания составлялись реже, но известно, что умирающий считал своим долгом отдать устные распоряжения среди прочих и по данному вопросу.

Содержание духовных завещаний свидетельствует прежде всего о глубоком проникновении православия в общественное сознание разных слоев населения. Вклады в монастыри, церкви деньгами и разного

рода имуществом отражали стереотип поведения, в основе которого лежало представление о грехе. В основном этот источник выявлен в фондах духовных консисторий и архиерейских управлений.

д) *Ответы с мест на анкеты Этнографического бюро кн В. Н. Тенишева (РЭМ. Ф. 7).*

Этнографическое бюро было образовано князем В. Н. Тенишевым в 1898 г. с целью сбора материала для написания и издания обширного труда «Быт великорусских крестьян – земледельцев». Для этого было разработано два варианта программы сбора материала. Второй вариант, дополненный, состоял из 491 вопроса, охватывающих все стороны жизни русского крестьянина, его труда, быта от рождения до смерти.

На вопросы программы местным корреспондентам предлагалось давать развернутые ответы, подтверждая их описанием конкретных фактов из жизни и указанием точного адреса и времени происшествия. Этот труд оплачивался.

В. Н. Тенишев сумел привлечь к работе солидный круг авторов, состоявший главным образом из учителей, семинаристов старших курсов, земских чиновников, священников и, частично, грамотных крестьян. Вся работа по просмотру и отбору рукописей, поступавших из разных мест России, осуществляло Этнографическое бюро.

Эти материалы широко используются исследователями различных направлений и обращение к ним каждый раз открывает новые и новые аспекты информации.

Для исследования практики покаяния вне таинства исповеди, бытовавшей в XIX в. в среде русского крестьянства, материалы этого фонда имеют важное значение. Однако специального раздела, посвященного вопросам православия, в программе не было. Данные по теме можно найти в различных разделах. Например, в разделе «Верования, знания, язык, письмо, искусства» содержатся сведения об отношениях крестьян к постам, крестным ходам, паломничествам, святыням, причту, смерти и посмертию. В разделе «Сближение полов. Брак. Отклонения от брака» находим данные о покаянии во время свадебного обряда, здесь же даны подробные описания случаев безбрачия, отшельничества, ухода в монастырь. Раздел «Семья. Обычный порядок жизни» дает возможность проанализировать отношение крестьян к молитве и церковным службам. По материалам раздела «Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности» можно восстановить покаянные обряды, сопровождавшие роды, отношения в семье между родителями и детьми, отношения с миром. Вопросы о взглядах крестьян на милостыню и нищенство тоже содержал этот раздел. Система «помочей» монастырям и храмам хо-

рошо отражена в разделе «Отношения крестьян к обществу, между собой и к посторонним лицам».

Эти ответы содержат комплексное описание религиозной жизни русской деревни, включающей крестные ходы, молебны, поведение в повседневной жизни и в экстремальных ситуациях, представления о грехе и наказании, отношение к труду и к земле, почитание святых мест и икон, отношение к церкви и причту, обычаи и поверья, сопровождающие посещение церковной исповеди, роды, крестины, свадьбы, похороны и мн. др.³¹

Отбор материала из этих источников производился с целью выявления всех возможных обстоятельств, приводящих к необходимости покаяния в мирской жизни.

8. В исследованиях последних лет отмечено большое значение для изучения религиозности русских крестьян такого источника, как журналы православного направления³².

Наиболее интересными для нас представляются «Вологодские епархиальные ведомости». Издание начало выходить с 1 октября 1864 г. по инициативе епископа Вологодского и Великоустюжского Христофора. Выходило оно дважды в месяц (1 и 15 числа). Состояло из двух частей: в официальной части печатались указы и распоряжения Синода, местных епархиальных властей; в части неофициальной, которая называлась «Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям», публиковались проповеди, материалы по истории церквей и монастырей, включая и архивные источники, отчеты благотворительных обществ, библиографические сведения о церковных деятелях, некрологи и др.³³

«Епархиальные ведомости» содержат как документы нормативно-распорядительного характера, так и этнографические и историко-статистические исследования по истории церквей и монастырей Вологодской епархии, статьи о появлении тех или иных обетных праздников, о почитании местных святых, публикации исторических документов, информацию корреспондентов, отчеты, списки монастырей, местных святых и т.д.

Кроме того, в разделе «Епархиальная хроника» мы находим сведения о случаях чудесного исцеления у могил святых и от особо почитаемых икон, примеры благочестивой жизни жителей губернии, проведении крестных ходов по тому или иному случаю.

Журнал «Руководство для сельских пастырей», вышедший в 1860 г., содержал конкретный материал о религиозной жизни приходов различных губерний России и ориентировал священников в их отношениях с прихожанами. Такие сведения имели место в письмах и статьях священников, которые издатели помещали на страницах жур-

нала. Они представляли собой передачу собственного опыта, раздумья о месте и обязанностях священнослужителей, об их положении в приходе, об отношении к традиционной народной культуре и задачам Церкви в воспитании и образовании подрастающего поколения.

Журналы «Духовный мир» и «Христианское чтение» содержали по большей части произведения житийного характера и отрывки из произведений св. отцов, характеризуя тем самым наиболее распространенные агиографические и святоотеческие тексты, имевшиеся в большинстве приходских библиотек и церковноприходских школ.

Таким образом, корпус источников создает три необходимых для исследования информационных потока. Один поток обеспечивает уяснение духовных и канонических основ покаяния, другой – историческое исследование механизмов воздействия Православной Церкви и Российского государства на покаянную практику в синодальную эпоху, третий – этнографическое изучение покаяния, т. е. выявление его мотивов, народных обычаев и обрядов, рожденных покаянной практикой в среде русских крестьян Европейского Севера в XVIII – XIX вв.

В связи с этим отметим, что третий информационный поток порой содержит лишь отдельные примеры форм покаянной практики с различной полнотой их описания. Вот почему автору представляется важным каждое, даже единичное, упоминание о тех или иных формах покаяния, нормах поведения, обычаях. Ценность подобных единичных свидетельств чрезвычайно высока, однако какое-либо статистическое осмысление подобной информации становится неуместным.

В целом же указанные информационные потоки, взаимно дополняя друг друга, составляют вполне достаточную основу для решения задач подобного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «О гневе и убийстве» (Мф. 5:21), «о разводе» (Мф. 5:33), «любите врагов ваших» (Мф. 5:43), «учение о милостыне» (Мф. 6:1), «о посте» (Мф. 6:16), «молитва о благих дарах Божиих» (Мф. 7:7), «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12) и др. Однако упоминание о покаянии или исповедании грехов с яркими примерами его исполнения мы встречаем уже в Ветхом Завете: Левит. 5:5; Числа. 5:7; вторая книга Царств. 26:3; книга Неемии. 1:6; книга Ездры. 10:11; книга пророка Иеремии. 30:19; книга пророка Даниила. 9:4, 9:20. Далее в Новом Завете, кроме уже упомянутых глав в евангелии от Матфея, практика покаяния отражена почти во всех книгах Нового Завета: евангелие от Матфея. 3:2, 3:6, 3:8, 3:11, 4:17, 9:13, 10:32, 11:20–21, 12:41; евангелие от Марка. 1:4, 1:15, 2:17, 6:12; евангелие от Луки. 5:32, 11:32, 13:3, 15:7, 16:30, 17:3–4, 24:47. Особенно много внимания этому вопросу уделено в Деяниях святых апостолов: 2:38, 3:19, 5:31, 8:22, 9:4, 11:18, 13:24, 17:30, 18:8, 20:21, 26:20. Второе послание Петра. 3:9; первое послание Иоанна. 1:9; послание к Коринфянам. 2:5, 2:16, 2:21–22, 3:3, 3:19, 7:9–10, 12:21; второе послание к Тимофею. 2:25; послание к Евреям. 6:6

² Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец Троице-Сергиева Лавра. 1992 (репр. воспроизв. издание. 1893).

³ Настольная книга священнослужителя. М., 1977. Т. 1. С. 20–21; Мансветов И. Церковный устав (типик), его образование и судьбы в Греческой и Русской Церквах. М., 1885; Лисицын М. Первоначальный славяно-русский Типикон: СПб., 1911.

⁴ Дебольский Г. С., протоиерей. Православная Церковь в ее таинствах богослужения, обрядах и требах. М., 1994. С. 8.

⁵ О значении и употреблении Псалтири в Новозаветной Церкви // Воскресное чтение, 1848–1849. № 50.

⁶ Дмитриевский А. А. Книга Требник и ее значение в жизни православных христиан. Киев, 1901.

⁷ Дебольский Г. С., протоиерей. Указ: соч. С. 26–27; Настольная книга священнослужителя. М., 1977. Т. 1.

⁸ Св. Иоанн Златоуст. СПб., 1899. Т. 2. Кн. 1; Он же. Беседы избранные святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. М., 1819. Ч. 1–2; Авва Доротея. Поучения, послания, вопросы, ответы. М., 1991; Иоанн Лествичник. Лествица. Сергиев Посад, 1908; Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти. М., 1991. Он же. Аскетические опыты. М., 1991; Взыщите Господа. Из писем святителя Феофана Затворника. Троице-Сергиева Лавра, 1990; Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М., 1991. Он же. Христианская философия. М., 1992.

⁹ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих–Миней св. Дмитрия Ростовского. Кн. 1. 1903–1905.

¹⁰ Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Жития святых, чтимых православной церковью. В 12 т. 3 изд. СПб., 1900.

¹¹ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18–19 веков. Введенская Оптина пустыня. 1994–1996. 10 т.

¹² Пролог. Кн. 1. (сентябрь–ноябрь). М., 1641; Пролог (сентябрь–ноябрь). М., 1885; Пролог в поучениях (сост. прот. В. Гурьев). В 2 ч. М., 1992. (Репр. воспроизв. изд. 1912); Пономарев А. И. Славяно-русский Пролог в его церковном и народно-литературном значении (историко-литературный очерк) // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2. Славяно-русский Пролог. Ч. 2. СПб., 1896; Настольная книга священнослужителя. М., 1977. Т. 1.

¹³ Мальцев М. В. Почитание Св. Архангела Михаила в русской Православной Традиции. (Опыт историко-этнографического исследования). Дис. к.и.н. М., 1994. С. 27.

¹⁴ Троицкий патерик (Под ред. Архимандрита Никона (Рождественского). Сергиев Посад, 1896; Московский патерик. М., 1912; Соловецкий патерик. М., 1991. (По оригиналу с 3-го издания. М., 1906); Киево-Печерский патерик по древним рукописям в переложении на современный русский язык Марии Викторовой. Киев, 1870. Полный Валаамский патерик. Монах Борис в схиме Никон // Русский Паломник. 1991. № 4; Настольная книга священнослужителя. М., 1977. Т. 1.

¹⁵ Петрова Т. В. О почитании св. апостола Андрея в России // Живая старина. 1994. № 3. С. 23.

¹⁶ Полное собрание летописей. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. Т. 37.

¹⁷ Домострой // Памятники литературы Древней Руси. Сер. XVI в. М., 1985; Домострой. М., 1990. С. 116–125.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830; 2-е изд. СПб., 1883. (Далее–ПСЗ–1, ПСЗ–2).

¹⁹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1969–1911.

²⁰ ПСЗ–1. Т. VI. № 3718.

²¹ ПСЗ–1. Т. VI. № 4022.

²² В Государственном архиве Вологодской области были обследованы документы фондов: Вологодской духовной консистории (496), Тотемского духовного правления

(507), Горне-Успенского женского монастыря (511), Вологодского Спасо-Прилуцкого мужского монастыря (512), Спасо-Каменного монастыря на острове Кубенского озера (515), Арсеньево-Комельского мужского монастыря (519), Корнильево-Комельского мужского монастыря (520), Успенской-Семигородней мужской пустыни (524), Кафедрального Софийского собора (528), Троице-Гледенского монастыря (693), Христорождественского собора в Грязовце (821), Вологодского архиерейского дома (948), Белозерского духовного правления (983), Устюженского духовного правления (985), Череповецкого Воскресенского собора (1010), Свято-Духова монастыря в Вологде (1041), Церквей Вологодской епархии (1063), Церквей Новгородской епархии (1067), Устюженского уездного отделения Новгородского епархиального училища (1081).

В Государственном архиве Архангельской области обследованы фонды благочиний (25), Архангельской духовной консистории (29), Канцелярии архангельского епископа (30), Архангельского архиерейского домоуправления (31), Объединенных фондов церквей Архангельской, Вологодской и Олонецкой епархий (104), Шенкурского духовного правления (359), Холмогорского духовного правления (361), Холмогорского Спасо-Преображенского (до 1706 г. кафедрального) собора (831), Канцелярии архиерейского Холмогорского и Важского дома (1025), Шенкурского Благовещенского собора (1026), Канцелярии архиепископа Архангельского и Холмогорского (1029).

В архиве Российского этнографического музея были выборочно изучены документы этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева по Вологодской, Архангельской, Олонецкой Ярославской губерниям (ф. № 7).

²³ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3191.

²⁴ С л а щ е в К. Р. Исповедные ведомости (росписи) православного населения России в XVIII – XIX веках и их использование в демографическом анализе // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Вологда, 1989; К а б у з а н Б. М. Народонаселение в России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963.

²⁵ О с т р о в с к а я Л. В. Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861–1904 гг.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 131–151; З о л ь н и к о в а Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Дис... д.и.н. Новосибирск, 1991; К а м к и н А. В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в. Дис... д.и.н. М., 1993.

²⁶ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 538–539.

²⁷ С л а щ е в К. Р. Указ. соч. С. 49–50.

²⁸ ГААО. Ф. 359. Оп. 3. Д. 114. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ К р е м л е в а И. А. Духовные завещания как историко-этнографический источник // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы конференции, посвященной 50-летию Победы. Вологда, 1995. С. 300–301.

³¹ При исследовании данной темы было использовано 60 дел по вопросам «умирающий, мертвое тело, похороны, поминки», «незаконнорожденные дети», «внебрачное сожителство», «бродяжничество», «Божья кара», «богохульство и кощунство», «соблюдение постов», «отношение к священнику и религии», «экстремальные ситуации», «самоубийства», «нищенство», «воровство», «безбрачие и отшельничество», «о колдунах и знахарях», «школа, обучение и отношение к ним крестьян», «требы и молебны», «проклятие и благословение», «отношение к болезни и смерти», «убийство», «роды», «свадьба», «местные святыни», «помочи», «благотворительность», «рай и ад», «прощеное воскресенье, масленица», «поминки», «исповедь и святое причастие».

³² Г р о м ы к о М. М., К у з н е ц о в С. В., Б у г а н о в А. В. Программа этнографического исследования. // ЭО. 1993. № 6; Л и с т о в а Т. А. Изучение религиозного состояния русской деревни. (Вт. пол. XIX–XX вв.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы конференции, посвященной 50-летию Победы. Вологда, 1995, Н е ч а е в а М. Ю. Монастыри в системе регуляции обществен-

ной и хозяйственной жизни Урало-Сибирского региона (1721–1764 гг.) Дис... к.и.н. Екатеринбург, 1994; Мальцев М. В. Почитание Св. Архангела Михаила в Русской Православной Традиции (опыт историко-этнографического исследования). Дис... к.и.н. М., 1994; Мелехова Г. Н. Православные традиции в Каргополье в XIX – первой трети XX в. Дис... к.и.н. М., 1997.

³³ Коновалов Ф. Я., Панов Л. С., Уваров Н. В. Вологда XII – начало XX века. Архангельск, 1993. С. 43.

Е. Р. Дружинин
(Вологодский государственный педагогический университет)

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВОРЯНСКИХ
И КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
(по массовым источникам)**

В фондах Государственного архива Вологодской области – Вологодского губернского предводителя дворянства (фонд 31), дворянской опеки Вологодского уезда (фонд 86) и палаты гражданского суда Вологодской губернии сохранились описания имений Ксенофонта Еремеева¹ (принадлежавшие ему в Вологодской губернии деревни Демина и Великая располагались в Вологодском уезде, а село Никольское с деревнями Беззубцово, Малое Яковчиково, Чемоданиха, Дягилево и Горка – в Кадниковском уезде), штабс-капитана Шушерина² (его сельцо Метишино было расположено в 18 верстах от Вологды по Пошехонской дороге), корнета Ивана Вахрушева³ (ему принадлежали сельцо Мокеевское с деревнями Быково и Суслонская), помещиц Прасковьи Труновой⁴ (ее деревня Папушино находилась в 47 верстах от Вологды по Петербургской дороге) и Аграфены Вебер⁵ (сельцо Никифоровское располагалось в 6 верстах от Вологды по Петербургской дороге), поручика Николая Соколова⁶ (ему принадлежали сельца Подьяково и Исаково в Вологодском уезде). Описания составлялись в связи с передачей имений в опекунское управление (за исключением имения Ивана Вахрушева, крестьяне которого выкупились на волю при продаже имения за долги помещика). Описания составлены между 1847 и 1852 гг., кроме описания имения Соколова (1824 г.). В описаниях имений, кроме построек и движимого имущества, подробно охарактеризовано душевладение помещика. Крестьянские семьи перечислены по месту их жительства по дворохозяйствам, у каждого члена семьи указан возраст, пол и вид родства по отношению к хозяину – главе семьи.

В фонде Вологодского дворянского губернского предводителя автором была обнаружена переписка 1843-1844 гг. по поводу доставления правительству сведений о проживающих в Вологодской губернии бедных дворянах. К бедным помещикам относили дворян, в единоличном владении которых в пределах Вологодской губернии было менее 25 душ мужского пола⁷. В поданных предводителю Казенной палаты Вологодской губернии списках перечислены не только дворяне-дше-владельцы, но и члены их семей. У всех лиц, названных в списках поименно, указан возраст, род занятий и место проживания.

Первоначально автором была составлена компьютерная база **данных** о семьях. После выявления общих, значимых для демографической характеристики семей признаков (отбор признаков подчинялся поставленной задаче: следовало определить распространенные **типы семей, состав семей по родственным связям, половозрастной состав, размер семей, особенности демографического поведения** – разница в возрасте вступающих в брак, рождение детей, совместное или раздельное проживание, т.е. признаки, влияющие на психологический климат в семье и определяющие условия ее дальнейшего воспроизводства) они были занесены в заголовки столбцов таблицы (использована программа Microsoft Excel 5.0a). Для каждой семьи выделена отдельная строка, а в соответствующие ячейки из текста источников перенесены данные о возрасте и поле всех членов семей. В результате появились две базы данных (см. приложение) – соответственно по **дворянским и крестьянским** семьям. Дальнейшая обработка данных с помощью компьютера позволила сделать ряд наблюдений и выводов. Ниже приводятся результаты анализа по общепринятым характеристикам.

Типы дворянских семей. Список Казенной палаты содержит сведения о 217 дворянах – владельцах поместий, проживающих в губернии, не считая членов их семей. Трое из них дали о себе неполные сведения, двое – дети-сироты, 57 – не вступали в брак и еще 40 овдовели. В дворянских семьях Вологодской губернии в 40-х гг. XIX в. встречались следующие типы семей:

– **простая однопоколенная семья (супруги без детей) – 21 семья, или чуть более 1/5.**

94 семьи (супруги или родители с детьми) приняты за 100 %, по типам семьи распределились следующим образом:

- **простая двухпоколенная полная семья (малая, т.е. с 1-4 детьми) – 46%;**

- **простая двухпоколенная полная семья (большая, т.е. 5 и более детей) – 9,6%;**

- простая двухпоколенная неполная (без одного из родителей) семья (малая) – 34%;
- простая двухпоколенная неполная семья (большая) – 6,4%;
- простая трехпоколенная полная семья – 1,1%;
- простая трехпоколенная неполная семья – 2,1%.

Таким образом типичной была простая двухпоколенная малая семья. Велика была доля неполных, чаще всего материнских (вдовьих) семей с достаточно взрослыми детьми, что объясняется меньшей продолжительностью жизни отца семейства и традиционной (муж старше жены) разницей в возрасте.

Типы крестьянских семей. В обследованных имениях 147 крестьянских семей распределились по типам следующим образом:

- простая двухпоколенная полная малая семья – 38,6%;
- простая двухпоколенная полная большая семья – 8,3%;
- простая двухпоколенная неполная малая семья – 10,3%;
- простая двухпоколенная неполная большая семья – 0,7%;
- простая трехпоколенная полная семья – 20,7%;
- простая трехпоколенная неполная семья – 5,5%;
- простая четырехпоколенная семья – 4,8%;
- составная двухпоколенная семья 10,3%;
- составная трехпоколенная семья – 0,7 %.

Таким образом, типичной для крестьян была простая двух-трехпоколенная полная семья относительно небольшого размера.

Состав дворянских семей. В дворянских семьях выявленные варианты по составу семей характеризуются следующими количественными показателями:

- отец – мать – сыновья – 13,8%;
- отец – мать – дочери – 13,8%;
- отец – сыновья – дочери – 3,1%;
- отец – дочери – 3,1%;
- отец – сыновья – 2,1%;
- мать – сыновья – дочери – 12,7%;
- мать – сыновья – невестки – 1,1%;
- мать – дочери – 5,3%;
- мать – сыновья – 7,4%;
- отец – мать – сыновья – невестка – дочь – внуки – 1,1%;
- мать – сын – невестка – внук – 4,3%;
- мать – сын – невестка – дочь – внук – 2,1%.

Как видим, большая часть семей состояла из одной супружеской пары с детьми или без них, очень редко включала, кроме того, одного или обоих родителей одного из супругов и никогда не включала других родственников. Сравнительно велика доля семей, включающих только

одного из родителей с детьми. Эти семьи возникли в результате смерти одного из супругов. Семьи, состоящие из двух или более супружеских пар, сравнительно немногочисленны.

Состав крестьянских семей. Анализ состава крестьянских семей выявил 38 вариантов комбинаций по составу семьи из прямых и близких родственников. Наиболее часто встречающиеся комбинации:

- отец – мать – сыновья – дочери – 23,4%;
- отец – мать – сыновья – невестки – дочери – внуки – 8,5%;
- отец – мать – сыновья – 8,9%;
- отец – мать – сыновья – невестки – внуки – 10,3%;
- отец – мать – дочери – 6,2%;
- отец – мать – сыновья – невестки – 4,1%;
- мать – сыновья – невестки – внуки – 4,1%;
- отец – мать – сыновья – невестки – дочери – 3,4%;

На остальные варианты приходится от 1,4% до 0,7%.

Следует отметить, что основной тип – супружеская семья. Но этот тип неоднороден. В нем нужно выделить, с одной стороны, молодых родителей с детьми, с другой стороны – старых родителей с младшими детьми. Несомненно преобладали семьи патриархального типа где было три, а нередко и четыре поколения родственников. Молодая семья формировалась обычно в недрах родительской, причем старшие дети отделялись, а младшие оставались со своими родителями до их смерти. Однако причина здесь не только в крепости семьи, но и в политике общины и помещика по отношению к семейным, а следовательно, и хозяйственным разделам.

Половозрастной состав, особенности демографического поведения.

При первом же взгляде на данные таблиц обращает на себя внимание **разница в возрасте супругов**. У супругов-дворян она весьма значительна – средний показатель составляет 8,8 года (на это количество лет муж старше жены). У крестьянских пар эта разница значительно меньше – здесь муж старше жены в среднем на 4,3 года. Отличаются дворянские семьи от крестьянских и по времени **появления первого и последнего ребенка** в семье. Средний возраст женщины-дворянки при появлении первого ребенка 25,7 года, средний возраст ее мужа в этот момент составляет 30,5 года. Последний ребенок появлялся в дворянской семье, когда матери было в среднем 33,5 года, а отцу 39,3 года. Средние показатели очень отличаются от крайних, зафиксированных в источниках показателей. Известны, правда единичные, случаи рождения ребенка 14-летними дворянками, а самыми молодыми отцами были 19-летние дворяне. Самый поздний возраст рождения первого ребенка у дворянки – 44 года.

а для отца – 51 год. При рождении последнего ребенка самый поздний возраст матери – 50 лет, а отца – 64 года.

Посмотрим на родителей-крестьян. У них первый ребенок появился, когда матери было в среднем 25 лет, а отцу 28, при крайних показателях для матери – 12 и 42 года, а для отца – 13 и 50 лет. Последний ребенок в крестьянской семье рождался при среднем возрасте матери и отца 35 и 39,7 года соответственно. В источнике зафиксировано самое позднее рождение последнего ребенка в крестьянской семье у матери в возрасте 47 лет и 57-летнего отца.

Еще один показатель – **разница в возрасте между детьми.**

В дворянской семье разница между временем появления первого и второго ребенка в среднем составляла 4,3 года, второго и третьего – 4,6 года, третьего и четвертого – 3,2 года, четвертого и пятого – 2,6 года, пятого и шестого – 1,6 года, рубежом был промежуток между шестым и седьмым – 4,3 года и дальше вновь по убывающей.

В крестьянской семье разница между появлением первого и второго – 5,5 года, второго и третьего – 4,5 года, третьего и четвертого – 3,5 года, четвертого и пятого – 3,4 года, а пятого и шестого – 3,8 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАВО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 97.

² Там же. Ф. 178. Оп. 7. Д. 156.

³ Там же. Д. 118.

⁴ Там же. Д. 115.

⁵ Там же. Ф. 86. Оп. 1. Д. 92.

⁶ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44.

⁷ Там же. Д. 44, 253.

Пор. №	Деревня	Разн. в возр. родит	Лет отцу при рожд. детей перв. /послед.	Лет матери при рожд. детей перв. /послед.	Лет от рожд. 1-го до 2-го	От рожд. 2-го до 3-го	От рожд. 3-го до 4-го	От рожд. 4-го до 5-го	От рожд. 5-го до 6-го	Возр. 1	Возр. 2	Возр. 3	Возр. 4	Возр. 5	Возр. 6	Пол 1-го ребенка	Пол 2-го ребенка	Пол 3-го ребенка	Пол 4-го ребенка	Пол 5-го ребенка	Пол 6-го ребенка	
22		3	23/	20/	4	3				8	6	3				ж	м	м				
23		14	41/49	27/35	8					9	0					ж	м					
24			41/							26						м						
25				31/38	4	3				39	35	32				м	м	ж				
26		9	31/	22/	2	5	3	2		13	11	6	3	0		м	м	м	м	м		
27				35/						26						м						
28																						
29		3	21/35	18/	3	4	3	4		31	28	24	21	17		м	ж	ж	м	м		
30				37/						14						ж						
31																						
32				35/	2	14	3			20	18	4	1			м	м	ж	ж			
33	Беззубцова	3	29/	26/	3	2	3			9	6	4	1			ж	м	ж	м			

Пор. №	Деревня	Разн. в возр. родит.	Лет отцу при рожд. детей перв./послед.	Лет матери при рожд. детей перв./послед.	Лет от рожд. 1-го до 2-го	От рожд. 2-го до 3-го	От рожд. 3-го до 4-го	От рожд. 4-го до 5-го	От рожд. 5-го до 6-го	Возр. 1	Возр. 2	Возр. 3	Возр. 4	Возр. 5	Возр. 6	Пол 1-го ребенка	Пол 2-го ребенка	Пол 3-го ребенка	Пол 4-го ребенка	Пол 5-го ребенка	Пол 6-го ребенка	
34																						
35		2	22/	20/						7						м						
36																						
37	М. Яковчиково	5	30/	25/						10						м						
38		1	21/37	20/36	9	5	2			32	23	18	16			м	м	м	ж			
39		1	37/	36/						16						м						
40	Чемоданиха			23/	6					46	40					м	м					
41		4	23/38	19/34	15					41	26					м	м					
42																						
43		4	28/	24/	5					12	7					ж	м					
44	Дягилева	0																				
45				24/	5					15	10					м	ж					

Пор. №	Деревня	Разн. в возр. родит.		Лет отцу при рожд. детей перв./послед.	Лет матери при рожд. детей перв./послед.	Лет от рожд. 1-го до 2-го				Возр. 1	Возр. 2	Возр. 3	Возр. 4	Возр. 5	Возр. 6	Пол 1-го ребенка	Пол 2-го ребенка	Пол 3-го ребенка	Пол 4-го ребенка	Пол 5-го ребенка	Пол 6-го ребенка		
58				20/						26							м						
59		-2	20/	22/	4	9				16	12	3					ж	ж	ж				
60				31/38	5	2				23	18	16					м	м	м				
61			24/28		4					37	33						м	м					
62		0	17/	17/						30							м						
63		-1	22/35	23/36	13					36	23						м	м					
64		2	21/	19/	6	5	4			22	16	11	7				м	м	ж	м			
65		-8																					
66				25/25						44							м						
67		1	33/	32/	5					9	4						ж	м					
68		2	23/	21/	7	5	2			15	8	3	1				ж	м	м	ж			
69		2	30/	28/	3	4	2			18	15	11	9				м	м	ж	ж			

Пор. №	Деревня	Разн в возр. родит.	Лет отцу при рожд. детей перв./послед.	Лет матери при рожд. детей перв./послед.	Лет от рожд. 1-го до 2-го					Возр. 1	Возр. 2	Возр. 3	Возр. 4	Возр. 5	Возр. 6	Пол 1-го ребенка	Пол 2-го ребенка	Пол 3-го ребенка	Пол 4-го ребенка	Пол 5-го ребенка	Пол 6-го ребенка
					Лет от рожд. 1-го до 2-го	От рожд. 2-го до 3-го	От рожд. 3-го до 4-го	От рожд. 4-го до 5-го	От рожд. 5-го до 6-го												
70		2	27/	25/	2	4	4	3		14	12	8	4	1		м	ж	м	м	м	
71	Метишино	1	22/22	21/21						38						м					
72				37/37						43						м					
73		5	24/38	19/33	4	2	2	3	3	29	25	23	21	18	15	м	ж	м	м	м	ж
74		10	31/45	21/31	3	3	4	4		20	17	14	10	6		м	м	м	ж	ж	
75			24/45		6	5	3	3	4	42	36	31	28	25	21	ж	м	м	м	м	ж
76		0	25/44	25/44	2	4	4	4	5	40	38	34	30	26	21	ж	ж	ж	м	м	ж
77		2	24/	22/	3	6				22	19	13				м	м	ж			
78	Маковское	1	39/39	38/38						35						ж					
79				26/26						52						м					
80		0	40/43	40/43	3					30	27					м	ж				
81		1	34/37	33/36	3					45	42					м	м				

Пор. №	Деревня	Разн. в возр. родит.	Лет отцу при рожд. детей перв./послед.	Лет матери при рожд. детей перв./послед.	Лет от рожд. 1-го до 2-го	От рожд. 2-го до 3-го	От рожд. 3-го до 4-го	От рожд. 4-го до 5-го	От рожд. 5-го до 6-го	Возр. 1	Возр. 2	Возр. 3	Возр. 4	Возр. 5	Возр. 6	Пол 1-го ребенка	Пол 2-го ребенка	Пол 3-го ребенка	Пол 4-го ребенка	Пол 5-го ребенка	Пол 6-го ребенка	
82	Быково	0	21/21	21/21						34						м						
83		12	34/34	22/22						44						м						
84		-4	24/	28/	3					6	3					м	м					
85		0	23/42	23/42	3	3	3	2	6	28	25	22	19	17	9	ж	ж	м	м	ж	м	
86		13	27/	14/						3						ж						
87		-1	28/28	29/29						41						м						
88		3	23/	20/	2					5	3					ж	м					
89		2	36/36	34/34						29						ж						
90		2	20/	18/	3	4	9			29	26	22	13			м	ж	ж	ж			
91		8	31/	23/	10	5	2			18	8	3	1			м	ж	ж	м			
92		8	43/48	35/40	5					23	18					м	м					
93		17	48/48	31/						5						м						

Пор. №	Деревня	Разн. в возр. родит.	Лет отцу при рожд. детей перв /послед.	Лет матери при рожд. детей перв /послед.	Лет от рожд.						Пол										
					1-го до 2-го	2-го до 3-го	3-го до 4-го	4-го до 5-го	5-го до 6-го	Возр. 1	Возр. 2	Возр. 3	Возр. 4	Возр. 5	Возр. 6	Пол 1-го ребенка	Пол 2-го ребенка	Пол 3-го ребенка	Пол 4-го ребенка	Пол 5-го ребенка	Пол 6-го ребенка
94		6	29/	23/	3	7	6	2		20	17	10	4	2		м	ж	м	м	ж	
95		3	24/24	21/21						47						м					
96		1	23/	22/	3	10	1			15	12	2	<1			м	ж	м	м		
97		0	23/	23/	6	5				12	6	<1				м	м	ж			
98	Суслоновское	32	23/40		14	3				40	26	23				м	м	м			
99		-1	26/31	27/32	2	3				26	24	21				м	ж	ж			
100			36/36							35						м					
101			34/42		8					29	21					м	ж				
102		2	25/	23/	5	2	4	2		19	14	12	8	6		м	м	ж	м	ж	
103	Палушина		18/18							54						м					
104		6	26/	19/	2	6	5	3		17	15	9	4	1		м	м	м	м	м	
105		15	48/54	33/39	6					30	24					м	м				

Пор. №	Деревня	Разн в возр. родит.	Лет отцу при рожд. детей перв./послед.	Лет матери при рожд. детей перв./послед.	Лет от рожд. 1-го до 2-го	От рожд. 2-го до 3-го	От рожд. 3-го до 4-го	От рожд. 4-го до 5-го	От рожд. 5-го до 6-го	Возр. 1	Возр. 2	Возр. 3	Возр. 4	Возр. 5	Возр. 6	Пол 1-го ребенка	Пол 2-го ребенка	Пол 3-го ребенка	Пол 4-го ребенка	Пол 5-го ребенка	Пол 6-го ребенка
130	Сысоева	7	22/	15/	5	2	3	11		25	20	18	15	4		м	ж	м	м	ж	
131	Юркино		34/46		9	3				16	7	4				м	ж	м			
132		10	40/50	30/40	10					30	20					м	м				
133			30/30							30						ж					
134		10	43/43	33/33						25						ж					
135			45/45							25						м					
136		2	14/	12/	3	4	1	4		21	18	14	13	9		м	м	м	ж	м	
137			19/		2	2				20	18	16				м	ж	ж			
138		12	35/57	23/	9	2	4	6		25	16	14	9	3		м	м	ж	ж	ж	
139	Никифоровское	1	38/47	37/46	7	2				32	25	23				м	ж	м			
140		6	34/	28/	3					12	9					м	ж				
141		4	27/	23/	3					6	3					ж	ж				

Пор. №	Деревня	Разн. в возр. родит.	Лет отцу при рожд. детей перв./послед.	Лет матери при рожд. детей перв./послед.	Лет от рожд. 1-го до 2-го	От рожд. 2-го до 3-го	От рожд. 3-го до 4-го	От рожд. 4-го до 5-го	От рожд. 5-го до 6-го	Возр. 1	Возр. 2	Возр. 3	Возр. 4	Возр. 5	Возр. 6	Пол 1-го ребенка	Пол 2-го ребенка	Пол 3-го ребенка	Пол 4-го ребенка	Пол 5-го ребенка	Пол 6-го ребенка
142		0	35/	35/						13						Ж					
143		-3	21/	24/	3	5	3	2	4	19	16	11	8	6	2	М	Ж	М	М	М	М
144		18	37/50	19/	9	4				19	10	6				Ж	Ж	М			
145		0	21/	21/	4	3	3	3	3	19	15	12	9	6	3	М	М	Ж	М	Ж	Ж

**СВЕДЕНИЯ О СЕМЕЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ ДВОРЯН, ВНЕСЕННЫЕ
В ДВОРЯНСКУЮ РОДОСЛОВНУЮ КНИГУ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ с (? 1804 г.) 1811 г. по 1819 г.**

№	Фамилия	Отец	Мать	Сын 1	Сын 2	Сын 3	Сын 4	Сын 5	Сын 6	Сын 7	Дочь 1	Дочь 2	Дочь 3	Дочь 4	Дочь 5	Дочь 6	№	Пол 1-го	Возр. 1-го	Пол 2	Возр. 2-го	Пол 3-го	Возр. 3-го	Пол 4-го	Возр. 4-го	Пол 5-го	Возр. 5-го	Пол 6-го	Возр. 6-го	Пол 7-го	Возр. 7-го	Пол 8-го	Возр. 8-го	Пол 9-го	Возр. 9-го	Пол 10-го	Возр. 10-го		
1	Агарков П.И.	43	?								15	13					1	ж	15	ж	13																		
2	Бейер И.Г.	36	?	0,8							8	3	1,8				2	ж	8	ж	3	ж	1,8	м	0,8														
3	Бейер Н.Г.	40	?	9							8	4					3	м	9	ж	8	ж	4																
4	Волоцкий Н.Д.	39	?	10	7	4					8						4	м	10	ж	8	м	7	м	4														
5	Волоцкий Г.А.	51	?	17	15	13	9	4			11	4	1,5				5		м	17	м	15	м	13	ж	11	м	9	м	4	ж	4	ж	1,5	го-да				
6	Воронов А.А.	42	?	21													6	м	21																				
7	Воронин Н.П.	59	ум.	18													7	м	18																				
8	Голубев В.Я.	51	?	18	2						16	12	7				8	м	18	ж	16	ж	12	ж	7	м	2												
9	Дьяконов И.Ф.	41	?	8	7						6						9	м	8	м	7	ж	6																
10	Жеребчиков И.П.	33	?	5													10	м	5																				
11	Иваницкий И.П.	40	?	1							10	5	3				11	ж	10	ж	5	ж	3	м	1														

112

№	Фамилия	Отец	Мать	Сын 1	Сын 2	Сын 3	Сын 4	Сын 5	Сын 6	Сын 7	Дочь 1	Дочь 2	Дочь 3	Дочь 4	Дочь 5	Дочь 6	№	Пол 1-го	Возр. 1-го	Пол 2	Возр. 2-го	Пол 3-го	Возр. 3-го	Пол 4-го	Возр. 4-го	Пол 5-го	Возр. 5-го	Пол 6-го	Возр. 6-го	Пол 7-го	Возр. 7-го	Пол 8-го	Возр. 8-го	Пол 9-го	Возр. 9-го	Пол 10-го	Возр. 10-го			
98	Чуровский Г.С.	47	?	16							21	20	17	12	9		98	ж	21	ж	20	ж	17	м	16	ж	12	ж	9											
99	Шарыгин Т.М.	43	?	7	5						3	1					99	м	7	м	5	ж	3	ж	1															
100	Шарыгин Н.Ф.	41	?	7	4						6	3					100	м	7	ж	6	м	4	ж	3															
101	Юрьев Н.И.	36	?								10						101	ж	10																					
102	Языков Е.В.	28	?								2	1					102	ж	2	ж	1																			

Всего внесено в книгу 284 дворянина, в том числе внесены в таблицу данные о 102, не имеют семьи (холосты или малолетние) – 86, состоят в бездетном браке – 45, вдовцы в бездетном браке – 7, дали неполные сведения о себе – 44.

Источник: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 60.

**СВЕДЕНИЯ О СЕМЕЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ ДВОРЯН, ВНЕСЕННЫХ
В ГУБЕРНСКУЮ ДВОРЯНСКУЮ РОДОСЛОВНУЮ КНИГУ В 1793-1796 гг.**

№	Фамилия	Отец	Мать	Сын 1	Сын 2	Сын 3	Сын 4	Сын 5	Дочь 1	Дочь 2	Дочь 3	Дочь 4	Пол 1-го	Возр 1-го	Пол 2-го	Возр 2-го	Пол 3-го	Возр 3-го	Пол 4-го	Возр 4-го	Пол 5-го	Возр 5-го
1	Семеренкин П.Д.	44	?	1					15	10			ж	15	ж	10	м	1				
2	Турунтаевский Н.Г.	44	?	6					8				ж	8	м	6						
3	Анучин Г.И.	55	?	33	11								м	33	м	11						
4	Григорков П.И.	50	?	16	11	8	4	1					м	16	м	11	м	8	м	4	м	1
5	Кирдон О.И.	41	?	4	3	0,2							м	4	м	3	м	0,2				
6	Панов В.П.	35	?	14	13								м	14	м	13						
7	Тарбеев И.Н.	66	?	24									м	24								
8	Волков П.С.	55	?	19	17				15				м	19	м	17	ж	15				
9	Ваксель В.С.	51	ум	14	11	9							м	14	м	11	м	9				
10	Дьяков И.П.	40	?	5	2								м	5	м	2						
11	Заседский М.П.	54	?	29	17	5			11				м	29	м	17	ж	11	м	5		

№	Фамилия	Отец	Мать	Сын 1	Сын 2	Сын 3	Сын 4	Сын 5	Дочь 1	Дочь 2	Дочь 3	Дочь 4	Пол 1-го	Возр. 1-го	Пол 2-го	Возр. 2-го	Пол 3-го	Возр. 3-го	Пол 4-го	Возр. 4-го	Пол 5-го	Возр. 5-го
12	Золотилев М.П.	45	?	5					12	8	3	1	ж	12	ж	8	м	5	ж	3	ж	1
13	Монастырев Л.И.	45	?	20					16				м	20	ж	16						
14	Межаков А.М.	39	?						11	9	8		ж	11	ж	9	ж	8				
15	Окулов И.А.	38	?	12									м	12								
16	Омельянов И.А.	53	?	20					24	13			ж	24	м	20	ж	13				
17	Остолопов В.И.	41	?	13	7	5							м	13	м	7	м	5				
18	Остолов Ф.И.	37	?	12	2	0,9			16	10			ж	16	м	12	ж	10	м	2	м	0,9
19	Поливанов А.Т.	56	?	16	3				14				м	16	ж	14	м	3				
20	Скорбесв А.В.	31	?	12	11	6							м	12	м	11	м	6				
21	Стоинский С.И.	38	?	5					10	8	6	2	ж	10	ж	8	ж	6	м	5	ж	2
22	Чернавский Я.К.	53	?	35									м	35								
23	Чуровский Г.И.	57	?						13	4			ж	13	ж	4						
24	Шепилов А.Н.	60	ум.	9									м	9								

Опрошено всего 89 респондентов, в том числе предоставили неполные сведения – 28, холосты или малолетние – 24, состоят в браке и не имеют детей – 11, овдовели и бездетны – 2.

Источник: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 61.

